

ФОНД ИМЕНИ ГЕНРИХА БЕЛЛЯ

ГЕНДЕР ДЛЯ «ЧАЙНИКОВ»

Москва
«Звенья»
2006

ББК 60.54:71.4
Г34

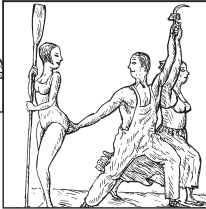
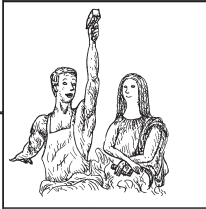
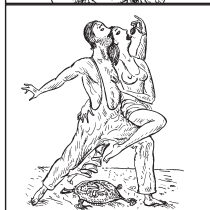
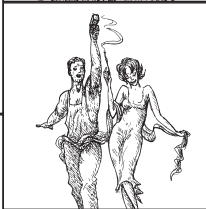
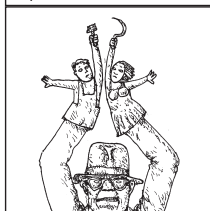
Рисунки Адгура Дзидзария

ISBN 5-7870-0097-8

© Фонд имени Генриха Бёлля, состав, 2006
© Коллектив авторов, 2006
© А.Г.Дзидзария, рисунки, 2006
© А.А.Кулаков, оформление, 2006

МОСФИЛЬМ

АВТОРЫ:

Барчунова Татьяна,

кандидат философских наук,
Новосибирский государственный университет

Жидкова Елена,

научный сотрудник,
Самарский государственный университет

Здравомыслова Елена,

кандидат социологических наук,
Европейский университет, Санкт-Петербург

Здравомыслова Ольга,

кандидат философских наук,
Горбачев-фонд

Попкова Людмила,

кандидат исторических наук,
Самарский государственный университет

Саморукова Ирина,

доктор филологических наук,
Самарский государственный университет

Семенова Лидия,

кандидат психологических наук,
Нижегородский государственный педагогический университет

Тартаковская Ирина,

кандидат социологических наук,
Самарский государственный университет

Темкина Анна,

доктор философии,
Европейский университет, Санкт-Петербург

Омельченко Елена,

доктор социологических наук,
Ульяновский государственный университет

ВВЕДЕНИЕ

Кому адресована эта книга

Эта книга написана для россиян, женщин и мужчин, которые хоть раз в жизни сталкивались с тем, что их «пол» становился их «потолком». Такие проблемы могли возникнуть в период взросления, при приеме на работу, в лабиринтах карьерного роста, в отношениях с друзьями, в семье, в интимной жизни, в размышлениях над судьбами отечества и даже в такой невинной ситуации, как чтение классической литературы или просмотр кинофильма, когда, сравнивая себя с героями, вдруг ощущаешь какое-то смутное беспокойство и раздражение (если я не хочу быть «самкой», как Наташа Ростова, значит, я плохая женщина? Если мне неприятны герои, решающие свои проблемы исключительно в рукопашном бою, значит, я не мужчина?).

Что же это такое наше ощущение собственного пола и что такое отношение к нам как к людям, имеющим пол? Судьба ли это, predetermined, как сказал Зигмунд Фрейд, анатомией, природа или что-то другое? Ведь не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что современный бизнесмен ощущает себя несколько иначе, чем какой-нибудь скифский воин, а девушка-супермодель, на которую хотят быть похожи читательницы глянцевого журнала, совсем не Татьяна Ларина.

Понятие «гендер», вынесенное в заголовок этой книги и уже, возможно, знакомое многим читателям, как раз и помогает ответить на эти вопросы.

Откуда появилось в русском языке это слово и что оно значит? Термин «гендер» представляет собой транслитерацию английского слова, обозначающего грамматический род, мужской или женский. Впервые во внеграмматическом контексте он был использован психологом Робертом Столлером, который в 1968 г. издал работу под названием «Пол и гендер» («Sex and Gender»). Смысл разделения указанных в названии терминов заключался в том, чтобы отделить социокультурные значения «мужественности» и «женственности» от биологических половых различий. Таким образом, само значение термина «гендер» *заключается в отрицании абсолютной биологической предопределенности отношений между полами*: есть биологический пол и есть гендер, то есть «социальный пол».

Изначально гендер понимался как культурные и социальные смыслы женственности и мужественности, в то время как пол относился к биологически данным различиям между мужчинами и женщинами. Однако в настоящее время такое деление на пол и гендер во многом пересматривается. Но происходит это не потому, что недооценивается социальный пол, а потому, что во многом переосмыляется биологический. Дело в том, что наше представление о поле формируется не только на основе биологической идеи и личного опыта, но через систему социальных интерпретаций, то есть через взаимодействие с культурой. Иными словами, сегодня пол и гендер видятся как взаимодействующие, а не противопоставляемые категории.

Нужен ли в таком случае термин «гендер»? Не проще ли обойтись единым понятием «пол»? Но это слово уже широко используется в русском языке. Так, в научно-популярной литературе, в социально-политических контекстах оно встречается все чаще и чаще; в практике работы Госкомстата существует рубрика «гендерная статистика»; целый ряд научных учреждений, ведущих исследования в области отношений между полами, называются центрами гендерных исследований. Вместе с тем особенно важно, что гендер — свойство социальных отношений, один из значимых элементов общественного устройства, поскольку мужчины и женщины — не только биологически разные, но и социально неравные люди, и это неравенство, касающееся их возможностей, личных судеб, и даже того, как о них говорят и думают, буквально пронизывает все сферы жизни.

Гендерным отношениям в самых разных областях общественной жизни посвящено множество исследований на Западе, в нашей стране их явно недостаточно. Можно говорить о целой области научных исследований со сложной методологией и специальной терминологией, понятной главным образом специалистам. Эта книга не для специалистов, хотя написана учеными, занимающимися гендерной темой не один год, – социологами, историками, психологами, филологами. Гендерные проблемы существуют, и мы хотим помочь людям в них разобраться.

Мы стремились придать этой книге характер доверительного разговора, написать ее простым, доступным языком. Исследовательские данные, приводимые в разных главах, в значительной степени получены самими авторами на российском материале. И это не случайно, потому что гендерная ситуация в России и в историческом прошлом, и сегодня существенно отличается от положения в других странах, в частности в Европе и США. Конечно, ни сложных понятий, ни научных терминов полностью избежать не удалось. И у каждого автора этой книги свой стиль, который отражает его социальный и научный опыт. Тут уж ничего не поделаешь. Все мы разные. И все же нас объединяет сомнение в очевидностях, в так называемом естественном порядке вещей, который очень часто оказывается лишь царством обветшалых стереотипов.

Надеемся, что читатель тоже усомнится...

И. ТАРТАКОВСКАЯ

**БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ:**

**РАЗДЕЛИЛИСЬ БЕСПОЩАДНО
МЫ НА ЖЕНЩИН И МУЖЧИН...**

С

Слово «беспощадно» (то есть совершенно очевидно и бескомпромиссно) из романтической песенки Александра Дольского отражает то, что мужчины и женщины отличаются друг от друга по самой своей сути. Принято считать, что различия эти удостоверены и научно доказаны: в конце концов, сама Природа (или Господь Бог — в зависимости от контекста) сделала их такими непохожими. Но иногда полезно заново обратиться к общепринятым истинам и поставить такие, казалось бы, наивные вопросы: а насколько сильно отличаются мужчины от женщин, и в чем все-таки заключаются эти «беспощадные» различия? На уровне здравого смысла они очевидны: разное анатомическое строение женского и мужского тела, а также разные репродуктивные функции. Именно из этих особенностей обычно выводятся и различия мужской и женской уже не физиологии, а «природы» — психологии, жизненных целей, стиля общения и поведения.

Отрицать биологические различия между полами, конечно, было бы глупо. Вопрос заключается в том, какие они имеют социальные последствия: действительно ли анатомия есть судьба, как писал Зигмунд Фрейд, и, самое главное, какова эта судьба? Что здесь «на роду написано», а что зависит от конкретных исторических обстоятельств и от тех смыслов, которые общество вкладывает в понятия «мужчина» и «женщина», «мужественность» и «женственность»?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к сути «биологических аргументов», к которым обычно прибегают эссенциалисты, то есть люди, выводящие мужскую и женскую «природу», психологию, страсти и потребности из их биологической сущности (от слова «эссенция» — сущность).

РЕПРОДУКТИВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ*

Зададимся странным на первый взгляд вопросом: почему, собственно говоря, женские и мужские тела различаются? Зачем это нужно с точки зрения биологической целесообразности? Человеческие существа, как и огромное число других биологических видов, включая большинство животных и растений, имеют систему половой репродукции, то есть в их воспроизводстве участвует комбинированная генетическая информация двух особей, а не одной. Половая репродукция существовала в природе не всегда. Она возникла в ходе эволюции примерно 400 миллионов лет назад. До этого живые существа воспроизводили себя не через половой механизм, а многие и сейчас не имеют пола. Некоторые из них, например орхидеи, могут размножаться как половым, так и неполовым путем. Биологи до сих пор спорят, почему возникли половые различия. Некоторые ученые считают, что механизм полового размножения обеспечивает более высокие темпы изменчивости, другие — что он препятствует накоплению вредных мутаций.

Половое размножение само по себе не обязательно требует, чтобы между телами были половые различия. У червей, например, каждая особь является гермафродитом, производя и семенное вещество, и яйцеклетки, которые оно оплодотворяет, поэтому в зависимости от обстоятельств может выполнять функцию и самца, и самки. В других биологических видах отдельная особь может производить только семя или только яйцеклетки. Поэтому тела представителей таких видов являются диморфичными, то есть существуют в двух разных половых формах. Люди относятся именно к этой категории живых существ.

Генетическая информация кодируется в ДНК и сохраняется в хромосомах, микроскопических структурах, содержащихся в ядре каждой клетки любого растения или животного. Генетическая информация, передающаяся при половой репродукции, наполовину исходит от женской особи и содержится в яйцеклетке, наполовину от мужской и содержится в клетках сперматозоида. Клетки человеческого организма имеют по 46 хромосом, которые соединены в пары. Одна из этих пар ответст-

* Этот раздел написан на основании обзора литературы, сделанного австралийским социологом Р. Коннеллом.

венна за развитие женских или мужских половых характеристик человеческого тела: женщины имеют две X-хромосомы, мужчины имеют одну X- и одну Y-хромосому. В зависимости от генетической информации, заложенной в этой паре хромосом, развиваются органы половой системы и определенные физиологические различия.

У млекопитающих женские особи не только производят яйцеклетки, но и вынашивают зародышей в защищающей их матке и затем выкармливают детенышей молоком с помощью специальных органов. У некоторых (но не у всех) млекопитающих и птиц мужские особи имеют дополнительные свойства: например, большие рога у самцов оленей или длинный яркий хвост у самцов павлинов. Люди же относятся к категории млекопитающих, которые имеют сильно дифференцированную половую систему, но в остальном достаточно небольшие физические различия между представителями разных полов. У мужчин нет ни больших рогов, ни ярких хвостов.

Нельзя сказать, что человеческие тела полностью диморфичны. Существует множество людей, совмещающих у себя признаки обоих полов: например, женщин, у которых отсутствует вторая X-хромосома, мужчин, у которых присутствует дополнительная X-хромосома, и др. Биолог Энн Фаусто-Стерлинг подсчитала, что число людей, рождающихся со смешанными половыми признаками, составляет 1,7% — небольшая доля, за которой стоят, однако, миллионы человек.

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ТЕЛА: ЧТО МЫ О НИХ НА САМОМ ДЕЛЕ ЗНАЕМ

Сам факт наличия репродуктивных различий между мужчинами и женщинами, конечно, бесспорен. Но вопрос о том, какие из этого следуют выводы, не просто спорный — он является предметом весьма горячих дискуссий.

Прежде всего, в сознании человека фиксируется главное различие между полами: женщины могут рожать детей, а мужчины нет. Однако мужчины и женщины различаются также еще и по определенным биологическим критериям: по набору хромосом, гормонов, размеру головного мозга и вторичным половым признакам.

Можно выделить следующие признаки, определяющие человеческий пол:

- 1) **генетический** (набор хромосом – женский 46XX, мужской 46XY),
- 2) **гонадный** (репродуктивная функция – у женщин яичник-яйцеклетка; у мужчин – яички-сперматозоиды),
- 3) **гормональный** (половые гормоны – у женщин эстрогены, у мужчин – андрогены),
- 4) **соматический** (совокупность строения половых органов и развития вторичных половых признаков),
- 5) **психический** (осознание своего пола индивидуумом, направленность его полового влечения),
- 6) **гражданский** (паспортный).

Первые четыре признака – биологические; психический – социально-биологический; гражданский – социальный.

Часто воспроизводятся попытки представить неразрывность биологических и социальных различий между мужчинами и женщинами, жесткую детерминацию социальных различий биологическими. В дискуссиях о природе «мужского» и «женского» активно упоминаются биологические особенности строения человеческого организма: например, меньший размер мозга у женщин, по мнению некоторых авторов, указывает на их интеллектуальную неполноценность по сравнению с мужчинами. (Однако мозг женщины ничуть не меньше и не легче по отношению к размеру и весу тела, и такие измерения не могут служить показателями различий в умственных способностях.) Характерный для женщин набор гормонов таким же образом считался причиной их «иррационального» поведения. Из этой логики следует неизбежный вывод о том, что женщины из-за своей интеллектуальной слабости и эмоциональной нестабильности «естественным образом» не приспособлены для целого ряда занятий, подразумевающих не только (и не столько) физически тяжелую работу, сколько ответственность.

Примеры такой логики можно найти в весьма популярной социально-биологической литературе. Так, например, Л. Тайгер и Р. Фокс в своей работе «Имперское животное» (1971) пишут, что мужчины и женщины имеют разные «биограммы» (генетические программы), которые

предписывают обоим полам специфические формы поведения. Мужская биограмма предполагает агрессивность и стремление к господству, а женская — прежде всего инстинкт продолжения рода. Благодаря этим биограммам и формируется половое разделение труда в обществе. Другие авторы, не прибегая к таким сложным терминам, как «биограммы», просто пишут о различиях по признаку физической силы/слабости. Сколько раз каждому из нас приходилось слышать историю о мужчине, который когда-то охотился на мамонта и тем самым навсегда утвердил свою маскулинность и половые различия! Из подобных представлений вытекает одно важное и неизменное следствие: природной, биологической функцией женщины является материнство и забота о других людях; все виды деятельности, которые отвлекают женщину от семьи и детей, — противояственные отклонения.

Обычным логическим приемом социобиологов является *объяснение человеческого поведения через примеры поведения самцов и самок животных*, «естественных детей природы». При этом их доводы обычно основаны на использовании выборочных данных, а неудобные данные ими игнорируются. Возникает простой вопрос: какие виды животных можно использовать в качестве стандарта для исследований? Например, у шимпанзе и горилл самки обычно уходят из дома и переходят в новое племя, оставляя своих самцов. А вот у бабуинов, макак и лангуров на поиски счастья из племени уходят самцы. Так какой же пол имеет естественную предрасположенность и страсть к путешествиям? У бабуинов, как показывают исследования этологов (специалистов по поведению животных), доминируют самки, и именно они определяют стабильность группы и решают, какие самцы достойны их доверия и «дружбы». Есть еще и самки шимпанзе, у которых в пик течки число половых актов с разными самцами часто достигает пятидесяти в день. Самка флиртует, соблазняет, делая все возможное для привлечения самца, чтобы затем его бросить и перейти к следующему. Можно ли в этом случае утверждать, что самки генетически предрасположены к промискуитету, а самцы склонны к моногамии?

Не вдаваясь в подробности дебатов вокруг *проблемы гормонов*, отметим лишь, что традиционное употребление терминов «мужские» гормоны *андрогены* и «женские» *эстрогены* имеет, по мнению многих современных специалистов, столько же смысла, как и разделение

бактерий по половому признаку. Те и другие гормоны воспроизводятся организмами обоего пола, к тому же способны трансформироваться из одной формы в другую. Более того, после менопаузы у женщин количество «женских» гормонов меньше, чем у мужчин их возраста. У разных людей пропорция женских и мужских гормонов в организме может быть разной, а также меняться в течение жизненного цикла. В среднем у мужчин уровень тестостерона в десять раз выше, чем у женщин, но диапазон уровней среди мужчин значительно варьируется, а у некоторых женщин уровень тестостерона выше, чем у некоторых мужчин.

Половая дифференциация проходит наиболее критические фазы на двух стадиях жизненного пути человека: (1) эмбриональное развитие, когда генетическая наследственность в сочетании с биологическим развитием эмбриона определяет первичные половые характеристики плода – мужские или женские, и (2) период полового созревания, когда происходит изменение тел мальчиков и девочек под влиянием потоков половых гормонов, вызывающих развитие всех вторичных половых характеристик.

Каждой из этих двух стадий посвящено достаточно много биологических исследований, чтобы «составить карту» гормональной основы для половой дифференциации. Большая часть этих исследований сосредоточена на связях между половыми гормонами и агрессией у юношей, между половыми гормонами и агрессией у девушек и на том, как нормальное гормональное развитие воздействует на формирование гендерной идентичности. На основании исследовательских данных социолог Стивен Голдберг делает следующий вывод: если «мужчины и женщины отличны в своих гормональных системах» и если «каждое общество демонстрирует патриархат, мужское господство и мужские достижения», то «именно гормональное различие превращает такие социальные отношения в неизбежность».

Мы все слышаны о спорах по поводу того, что тестостерон, мужской половой гормон, является не только базой развития мужественности в мужчинах, но и биологической основой человеческой агрессии, что, в свою очередь, будто бы объясняет, почему мужчины более склонны к насилию, чем женщины. Однако, как показали многочисленные исследования, не повышенное содержание тестостерона предшествует проявлению агрессии, а, наоборот, этот гормон производится в про-

цессе агрессии, так что зависимость между тестостероном и агрессией может на самом деле иметь противоположную направленность. В серьезной публикации «Тестостерон и социальная структура» Теодор Кемпер обращает внимание на несколько исследований, связывающих уровни тестостерона с мужским жизненным опытом. В этих исследованиях у теннисистов, студентов-медиков перед экзаменом, борцов, спортсменов водных видов спорта, парашютистов и кандидатов на пост чиновника замерялся уровень тестостерона до и после состязаний. Оказалось, что уровень тестостерона значительно возрастал у победителя, а у проигравшего снижался или оставался прежним. Кстати, то же относится не только непосредственно к участникам соревнований, но и, например, к футбольным болельщикам: у «фанатов» выигравшей команды уровень тестостерона оказывался выше. Сам по себе уровень тестостерона у мужчины до его победы не мог предсказать результат. Более того, в аналогичной ситуации победы уровень тестостерона повышался и у женщин. Таким образом, не мужчины (равно как и женщины) являются «рабами гормонов» — наоборот, гормональный фон чутко реагирует на то, что происходит с человеком в социальной жизни.

Сегодня в российском обществе нет такого интереса к проблеме пола, как в американском. За океаном очередные «сенсации» в области влияния полового диморфизма на социальное поведение человека появляются по несколько раз в год. Вот один из последних примеров: в газете Washington Times за 2 декабря 2005 года была опубликована статья Дженифер Харпер под красноречивым названием «И вот новое доказательство — мужчины и женщины разные существа!». В статье сообщается: ученые из Университета Альберта в Канаде, проанализировав результаты магнитно-резонансной томографии 23 мужчин и 10 женщин, обнаружили, что они используют различные области мозга при решении одинаковых задач*. Далее в той же статье говорится: психиатры медицинского факультета Стэнфордского университета объявили, что у мужчин и женщин к тому же разное чувство юмора. Используя магнитно-резонансную томографию, они наблюдали за мозгом 10 мужчин и 10 женщин, пока те рассматривали газетные ко-

* <http://www.washtimes.com/national/20051201-114744-9984r.htm>, русский перевод см. на <http://www.inopressa.ru/washtimes/2005/12/02/13:56:44/sexdifference>

миксы. Исследователи выявили «различия в реакции мозга на юмор, обусловленные полом». И, наконец, еще один американский ученый, психолог Ричард Хайер из Университета Калифорнии, триумфально сообщает о том, что «человеческая эволюция породила два разных типа мозга, определяющих равноценно разумное поведение»* Очень характерна здесь последняя часть фразы, видимо, призванная морально поддержать женщин, которых потенциально может расстроить очередное «неопровержимое доказательство» глубинного отличия их интеллектуальных особенностей от мужских. Надо отдать здесь должное измученным политкорректностью американским психологам: они, по крайней мере, настаивают на поведении разном, но «равноценно разумном». Наш же отечественный мыслитель, журналист Никонов, формулирует проблему гораздо проще и жестче, вынеся прямо в подзаголовок своей книги вопрос «Чем женщина отличается от человека?»*.

Каждое новое «открытие» в области психофизиологии мозга получает широкий общественный резонанс и тут же попадает в массовые периодические издания. При этом никого не смущают часто весьма скромные масштабы очередного эксперимента.

Современные *исследования мозга*, многие из которых встраиваются в предвзятые идеи о мужских и женских ролях, сконцентрированы в трех основных областях: 1) различия между правым и левым полушариями; 2) различия в тканях, соединяющих эти полушария, и 3) способы использования мужчиной и женщиной различных частей мозга для выполнения одинаковых функций. Однако проблема состоит в том, что ученые не могут прийти к «согласию», которое же из двух полушарий мозга лучше и соответственно которое из них доминирует у какого пола. Сначала именно *левое полушарие* рассматривалось в качестве хранилища разума и интеллекта, в то время как правое –местилища психических заболеваний, страсти и инстинкта. Поэтому мужчины считались в подавляющем большинстве скорее лево-, чем правополушарными. Но к 1970-м годам было доказано, что истина не такова и именно *правое полушарие* отвечает за гениальность, талант, творчество и вдохновение, в то время как вмеща-

* Никонов А. Конец феминизма: Чем женщина отличается от человека? М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2005.

ет лишь практический разум, способность к подсчетам и основные познавательные функции. Тогда мужчин объявили предрасположенными к правополушарности.

Дело, скорее, не столько в том, какое полушарие доминирует, сколько в степени, до которой мозг развивает разнонаправленные (многопериферийные) функции в обоих полушариях. Иными словами, речь идет о более высоком уровне дифференциации между полушариями, определяющем половые различия.

Нейрологи Баффри и Грей обнаружили, что женский мозг более разнонаправлен, чем мужской, и это, как они утверждают, приводит к нарушениям в пространственном функционировании и делает женщин менее способными выполнять задачи пространственного характера. Но вскоре их коллега Леви обнаружил, что мозг женщины обладает *меньшей* разнонаправленностью, чем мозг мужчины, и заявил на этом основании, что именно *меньшая* степень разнонаправленности влияет на пространственные функции женщин. Практически не существует никаких современных данных в пользу ни одной из этих позиций. Но некоторые ученые (и те, кто финансирует их исследования) не перестают надеяться, что им наконец удастся сделать сногшибательное открытие и глубинные интеллектуальные различия между мужчинами и женщинами станут непререкаемым научным фактом.

НА КОНКУРСЕ ЖЕНСКОЙ ЛОГИКИ ПОБЕДИЛ ГЕНЕРАТОР СЛУЧАЙНЫХ ЧИСЕЛ...

Широко распространено убеждение, что у женщин особенно плохо дело обстоит с логикой. Это мы усваиваем с детства. Представления о принципиальных различиях «мужской» и «женской» логики, «мужского» и «женского» характера очень устойчивы. Считается, например, что женщинам лучше удастся работа в гуманитарной сфере, связанная с человеческими отношениями и заботой о людях. И работа эта сама по себе совсем не плохая, жаль только, что оплачивается обычно очень низко. Вместе с тем бытует мнение, что женщины не могут быть топ-менеджерами, поскольку недостаточно агрессивны и аналитичны для такой работы. Гораздо большее понимание в обществе встречает сексуаль-

но свободное поведение мужчин, потому что мужчина по природе своей считается склонным к такому поведению и не способным хранить супружескую верность.

Насколько оправданны эти стереотипы, или, если сформулировать по-другому, что здесь от природы, а что социально предписано? В 1975 году психологи Элеонор Маккоби и Кэрол Джексон опубликовали фундаментальный труд под названием «Психология половых различий», в котором объединили данные более 1400 исследований. Скрупулезно обзревая исследование за исследованием, сравнивая одну психическую особенность за другой, ученые не нашли статистически значимых различий. Собранные ими данные *не подтвердили*, что:

- девочки более общительны, чем мальчики,
- у девочек ниже самооценка,
- у девочек лучше механическая память, а у мальчиков мыслительные способности,
- мальчики более аналитичны,
- на девочек больше влияет наследственность, а на мальчиков окружение,
- девочкам недостает мотивации к достижениям,
- девочки лучше воспринимают информацию на слух, а мальчики визуально.

Все эти широко распространенные представления оказались мифами! Подтвердились лишь несколько проверяемых различий: в способности к устной речи (выше у девочек), в визуально-пространственной ориентации (лучше у мальчиков), в математических способностях и физической агрессии (и то, и другое выше у мальчиков). Но вот что интересно: именно эти результаты вошли во все учебники и получили широчайшую известность. То, что в большинстве случаев обнаруживалось отнюдь не различие, а сходство, осталось в глубокой тени.

К таким же примерно выводам приходили и другие исследователи. Хью Феарвезер в 1976 году изучал различия в познавательных способностях мужчин и женщин и не нашел никакой значимой закономерности. Марк Хогреб в своем масштабном исследовании способностей к усвоению текста, проведенном среди американских стар-

шекласников в 1985 году, обнаружил, что лишь 1% различий связан с половой принадлежностью, в то время как 20% — с классовой. В исследовании моральных установок, проведенном Сарой Яффе и Джанет Хайд в 2000 году, 73% мужчин и женщин не проявили никаких различий в готовности заботиться о близких. Примеры эти можно продолжать и продолжать.

В последние тридцать лет в психологии для обобщения данных многих исследований применяется более совершенный метод мета-анализа: если Маккоби и Джексон вынуждены были отдельно сравнивать множество данных, полученных на разных маленьких выборках, то мета-анализ позволяет математически корректно построить из них единую выборку. Новый метод позволил уточнить выводы Маккоби и Джексона. Так, Дженет Хайд и Нита Мак-Кинли показали в результате своих расчетов, что разница в способности к устной речи незначительна и не может считаться статистически значимой. Разница в математических способностях подтвердилась, но оказалась очень невелика: она проявилась лишь в 8% случаев. Как можно интерпретировать эти данные? Это зависит от нашей установки, от того *что* именно мы заинтересованы получить, на чем сделать акцент. Безусловно, 8% — значимая величина, и мы можем с чистой совестью сказать, что различия существуют, но в 92% случаев они не проявляются! Так чего же больше — различий или сходства? (И эти самые способности, как и любые другие, можно развивать. Но зачем серьезно заниматься математикой, если ты с детства ориентируешься на женскую, гуманитарную профессию?)

Оценивая эти данные, следует помнить, что речь идет не об абсолютных различиях между каждым мужчиной и каждой женщиной, а лишь о статистической вероятности, согласно которой среди мужчин как группы индивиды, обладающие некоторыми свойствами (например, математической одаренностью), встречаются чаще, чем среди женщин как группы (причем, согласно результатам мета-анализа, совсем ненамного чаще). Гораздо больше вероятность того, что между конкретным мужчиной и конкретной женщиной никакой разницы в математических способностях не будет. Это верно и для всех других зафиксированных различий. Речь идет отнюдь не об абсолютной разнице между полами, как склонны считать многие, а лишь о слабо выраженной тенденции.

Анализ исследований агрессивности показал, что значимые различия между полами существуют, но не всегда: они проявлялись в зависимости от того, был ли использован в этих экспериментах метод провокации. Если не был, мужчины демонстрировали несколько более высокие показатели агрессивности, чем женщины, но на провокацию мужчины и женщины реагировали одинаково агрессивно.

Итак, что же у нас с различиями? Если посмотреть на все эти данные непредвзято, мы увидим, что на самом деле на протяжении уже более чем столетия исследований полового диморфизма в психике статистически значимые гендерные различия обнаруживать удавалось очень редко. Гораздо чаще никаких различий не было или они были настолько небольшими, что говорить об их статистической значимости, а следовательно, закономерности, просто не приходится. По сути, исследования половых различий обернулись *исследованиями полового сходства*, причем доказанного на основании анализа очень внушительного массива данных.

При этом издаются тысячи книг из области популярной психологии, в которых расписывается, насколько разными существами являются мужчины и женщины, насколько различны у них жизненные ценности, на каких разных языках они говорят, насколько у них разные способности и представления. Поистине, ни в одной другой науке нет такого большого разрыва между тем, о чем действительно говорят научные данные, и тем, как они представлены в массовой литературе, а соответственно и в массовом сознании!

Существует множество объяснений половых различий — по аналогии с животным миром, с точки зрения эволюции, из-за навсегда впечатавшихся в нашу психику свойств древних охотников на мамонтов, божественного замысла, наконец, — но никто при этом не пытается объяснить, почему, несмотря на столь разную биологическую и психическую природу, мы так похожи. И если различия так естественны и укоренены в самом нашем естестве, зачем же их так отчаянно защищать, требуя, чтобы мужчины оставались маскулинными, а женщины — женственными?

Почему это требование беспокоит даже фундаментальную науку? Вера в то, что мужчины и женщины просто *должны отличаться* друг от друга, глубоко пропитала нашу культуру. Поэтому обнаружение *сходст-*

ва, а не различия просто не воспринимается как научное открытие — делается вывод не о том, что доказано сходство, а о том, что не удалось доказать различие (своего рода «нулевая гипотеза»). А поскольку исследование как бы не увенчалось успехом, предпринимаются все новые и новые попытки — а вдруг когда-нибудь наконец удастся найти то, чего мы так упорно и безнадежно ищем...

Подведем некоторые итоги. Хотим ли мы сказать, что не существует никаких биологических половых различий? Разумеется, нет. Прежде всего, существуют различия в репродуктивной сфере, хотя и они не являются абсолютными: есть такие мужчины, чьи тела не способны производить сперму, есть женщины, у которых отсутствуют яичники. Не так уж редко на свет рождаются и гермафродиты, у которых наличествуют половые органы обоих полов, — во всяком случае, достаточно часто, чтобы эта проблема вызывала серьезную озабоченность у Международного олимпийского комитета, с недавнего времени требующего, чтобы женщины-спортсменки проходили тест на отсутствие мужской хромосомы.

Что же касается всего остального, то объективный обзор имеющихся на сегодняшний день научных данных показывает: абсолютных различий между мужчинами и женщинами очень немного. Сказать точно, в чем они заключаются, можно было бы только в том случае, если бы мужчин и женщин с самого детства одинаково воспитывали, одевали, приучали к одним и тем же играм, ориентировали на одни и те же профессии и социальные достижения и т.п. Как выразилась биолог Рут Хаббард, «если общество помещает половину своих детей в короткие юбки и не велит им двигаться так, чтобы были видны их трусики, а другую половину — в джинсы и комбинезон, поддерживая их желание лазать на деревья, играть в мяч и другие активные дворовые игры; если позже, в юности, детей, которые носили брюки, убеждают, что «растущему мальчишке надо много есть», в то время как дети в юбках предупреждены, что надо соблюдать вес и не толстеть; если половина в джинсах бегают в кроссовках или ботинках, в то время как половина в юбках шатается на шпильках, то эти две группы людей будут различаться не только социально, но и биологически». Конечно, что касается брюк равенство уже более или менее достигнуто, но если бы дело было только в этом!

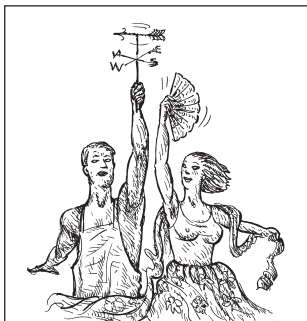
Разница между телом конкретного индивидуального мужчины и конкретной индивидуальной женщины может быть больше или меньше — в зависимости от их биоритмов, возраста, стиля жизни, переживаемых стрессов. В среднем мужчины немного выше и несколько сильнее женщин. Является ли это различие биологически безусловным? Приведу в качестве примера одну из недавних публикаций в авторитетном журнале Nature. В ней содержится обзор достижений спортсменов-марафонцев обоего пола со времени включения женщин в этот вид спорта (1955 год; возможность участия в Олимпиадах — 1984 год). Оказывается, постепенно возрастали спортивные достижения и мужчин, и женщин, но женские — намного быстрее. Проявился настолько сильный разрыв в темпах улучшения показателей (у женщин — на 61%, а у мужчин — лишь на 18%), что авторы этой статьи Брайан Випп и Сьюзан Уард предположили: к 2050 году разница между мужской и женской легкой атлетикой просто исчезнет. А ведь марафон считается самым тяжелым из легкоатлетических видов спорта!

Конечно, не факт, что все произойдет в точности так. Может быть, какая-то разница в результатах и сохранится. Важно здесь другое: этот пример иллюстрирует, насколько сложно взаимодействие между человеческими телами, сознанием и культурой — ведь достаточно долго женщины вообще не допускались до участия в спортивных соревнованиях (на античных Олимпиадах женщинам запрещалось под страхом смертной казни присутствовать даже в качестве зрительниц). Только тогда, когда между мужской и женской жизнью, мужской и женской культурой не будет существенной разницы (перспектива, многих повергающая в ужас), можно будет судить о том, какие различия между мужчинами и женщинами биологически абсолютны, а какие сформированы культурой и разным опытом использования собственного тела.

Необходимо сказать еще об одном важном моменте. Мы привыкли с особым доверием относиться к естественным наукам, таким, как биология, полагая, что если социальные науки (например, социология, политология, даже история) находятся под прямым воздействием той или иной идеологии, то уж естественные науки являются «свободной от политики зоной», где все доказательства строятся на неопровержимых научных фактах. Но не существует науки аполитичной. Наука — вид человеческой деятельности, который находится в прямой зависимости от об-

стоятельств времени и места, на нее оказывает воздействие и то, *каким образом используется* научное открытие, в какой оно ставится контекст. Например, открытие из области теоретической физики привело к созданию атомной бомбы, потому что именно в таком его использовании были заинтересованы правящие элиты сверхдержав.

Упорные попытки найти и доказать фундаментальные различия между мужчиной и женщиной (подогреваемые огромным медийным интересом ко всем этим изысканиям) будут продолжаться, пока утверждение этих различий остается выгодным тем, кто обращает их в свою пользу. Ведь если женщина так сильно биологически «отличается от человека», то зачем ей права человека?

Л. С Е М Е Н О В А

КАК НАВЯЗЫВАЮТСЯ

СТЕРЕОТИПЫ:

**КУШАТЬ ПОДАНО,
ТОЛЬКО ОТДЕЛИТЕ
ЗЕРНА ОТ ПЛЕВЕЛ**

И

Известный немецкий психолог Герман Эббингауз говорил, что психология имеет длинное прошлое и короткую историю. Это утверждение справедливо и для гендерной психологии — темы, которая всегда волновала людей, но стала предметом научного исследования сравнительно недавно. Ученые установили, что, наряду с отличиями, мужчины и женщины имеют много общего. Это поистине потрясающая новость, поскольку испокон веков считалось, что человеческий род разделен на две совершенно непохожих друг на друга половины. Привычное понимание мира оказалось под угрозой.

Но, поскольку в массовом сознании давно утвердилось признание межполовых различий, межполовое сходство предпочитают не замечать. В обществе принято акцентировать внимание именно на различиях, а не на сходстве женщин и мужчин. Возможные причины этого заключаются в следующем.

- Во все времена и во всех культурах одним из самых распространенных способов классификации людей является деление на мужчин и женщин. Следствием такого деления стала расхожая установка: если пол разный, то, значит, есть и различия.
- Как доказали исследования психологов, находить различия гораздо проще, чем обнаружить сходство. Таковы особенности внимания и мышления человека. (Что, к примеру, сразу бросится в глаза, если мы встретим двух людей одного роста, со схожими чертами лица, в одинаковой одежде, но с разными прическами — густой длинной

гривой рыжих волос и короткой стрижкой? Конечно, прическа.) Согласно данным психологов, в основе поиска различий лежат более простые мыслительные процессы, чем при нахождении общего (сходства). А как известно, большинство людей не склонны усложнять процесс познания.

- Акцент на различиях между полами связан и с тем, что в реальной жизни очень многие мужчины и женщины не только внешне выглядят по-разному, но и выполняют разные социальные роли. Поэтому выделение различий просто необходимо, поскольку они служат своеобразным объяснением существующего общественного порядка, оправданием деления прав и обязанностей женщин и мужчин, их неравных социальных возможностей. При этом акцент на поиске различий может привести к появлению у людей ошибочного убеждения, что эти различия непреодолимы. Ошибочное убеждение, в свою очередь, вызывает соответствующее поведение, его подтверждающее. Такой эффект социальные психологи назвали *самоисполняющееся пророчество*: приписывая людям определенные качества и интересы, общество тем самым вынуждает их вести себя таким образом, чтобы постоянно подтверждать эти качества и интересы. (Именно об этом идет речь в одной восточной притче: орел, которому внушили, что он цыпленок, никогда не пробовал летать — он жил и умер курицей, потому что всегда думал, что он курица.)

- Самоисполняющиеся пророчества заставляют нас верить в наличие гендерных различий даже тогда, когда они реально отсутствуют. В результате именно различия становятся для большинства людей привычным явлением, а то, что считается привычным, расценивается как приемлемое и верное. Это еще один выявленный в социальной психологии эффект, определяемый как *эффект знакомости*: все, что не соответствует привычному, вызывает негативные эмоции и в лучшем случае воспринимается как

нечто странное, а в худшем — даже как угрожающее и опасное. Вот почему в большинстве случаев люди предпочитают замечать различия и не обращать внимания на сходство женщин и мужчин.

Интерес к половым/гендерным различиям глубоко проник в современную культуру. Доказательства этому можно найти практически в любом популярном журнале и на полках книжных магазинов. Особо изобилуют информацией о различиях между полами массовые издания книг по так называемой популярной психологии, в названии и содержании которых представлены проблемы женщин и мужчин и их межличностных отношений. Эти книги адресованы не специалистам, а, как гласят аннотации, широкому кругу читателей, которые далеки от научных психологических знаний, но желают разобраться в особенностях мужской и женской психологии.

О чем же пишут в этих книгах? Насколько излагаемые в них факты соответствуют научно установленным данным?

Посетив книжные лавки и магазины Нижнего Новгорода (всего 15) и побеседовав с их продавцами (27 человек), мы убедились в том, что популярную литературу, посвященную психологическим проблемам мужчин и женщин, очень активно раскупают люди разных возрастов (подростки, молодежь, достигшие зрелого возраста и даже пожилые), как женщины, так и мужчины. А магазины стремятся снова и снова заказывать подобные издания. Некоторые из продавцов откровенно признались, что покупают эти книги себе и знакомым, называя их полезными и занимательными. К сожалению, аналогичное мнение иногда приходится слышать даже преподавателям факультетов психологии от студентов первых курсов, которые читают такую литературу, полагая, что извлекают из нее полезную информацию.

Большинство из этих книг довольно дешевы (обычно их цена не превышает 30 — 50 рублей) и издаются вполне приличными тиражами (от 5000 до 10 000 и более экземпляров), тогда как научные и учебные психологические издания дороги (их стоимость не менее 100 — 150 рублей, а чаще всего — 200 и более), тираж же редко превышает 3000 экземпляров. Кроме того, многие книги из серии популярной психологической литературы неоднократно переиздаются, выдерживая порой до шести изданий.

Так что же все-таки, кроме доступной цены и крикливых заголовков («Как стать идеальным парнем», «Мужчиноведение», «Женская логика», «Настольная книга стервы» и т.п.), может привлекать читателей в такой литературе? Чтобы ответить на интересующие нас вопросы, из всего многообразия продающихся в магазинах книг мы отобрали ряд изданий, принадлежащих перу отечественных авторов и относящихся к числу наиболее покупаемых, тираж которых был не менее 5000 экземпляров, либо — более 3000 в случае повторного издания. Эти издания были дополнены списками литературы из серии практической психологии, посвященной проблемам женщин и мужчин, а также статьями из популярных журналов, содержащих рубрики «психология», «он и она» — «Крестьянка», MINI, GLAMOUR. (Их полный список мы приводим в конце.)

Без особого труда мы обнаружили, что все эти публикации претендуют на то, чтобы конкретными советами и рекомендациями создать у неискушенного в психологической науке читателя иллюзию решения многих жизненных проблем. Написанная простым, доступным для большинства людей языком (в ряде случаев ироничным, а иногда и пошлым), такая литература отлично «заточена» под читательский спрос. Отсюда становится понятным, почему с каждым годом количество подобных изданий увеличивается. И чем нагляднее противопоставляются в этих публикациях мужчины и женщины, тем сильнее в сознании читателей закрепляется установка на мнимые гендерные различия и тем выше их потребность находить тому подтверждение, в том числе и через потребление аналогичной литературы. В итоге предложение начинает управлять спросом, а значит, возникает опасность перенесения в реальную жизнь таких же карикатурных, утрированных, нередко доведенных до абсурда образов мужчин и женщин, какие рисуются авторами популярных изданий. Большинство людей обычно видят то, что хотят видеть, либо то, на что специально направляют их внимание.

Вероятно, мало кто из читателей задумывается о том, что чаще всего современная популярная литература (в том числе и психологическая) является лишь способом зарабатывания денег и средством промывания мозгов, но никак не служит благородной цели оказания психологической помощи, на что направлена профессиональная деятельность

настоящих психологов. А иначе как объяснить наличие на страницах данных изданий абсолютно противоположных советов — иногда в пределах одной и той же книги, иногда в последующих «творениях» этих же авторов. Например, вначале читательниц учат быть напористой независимой стервой, а после призывают превратиться в нежную женственную леди, причем дают конкретные рецепты для подобных трансформаций. Вот один из этих примеров:

«Ты много поработала для того, чтобы сейчас с гордостью носить звание стервы. Стервозная школа выживания научила тебя умению владеть собой, распределять свои силы и с умом пользоваться имеющимися ресурсами. Но дело в том, что даже самая продвинутая стерва однажды понимает, что сделала все, что могла, и добилась всего. А что же дальше?..

Теперь наша задача — превратиться из гадкого утенка именно в прекрасного лебедя, а не в хищного стервятника. Потому что крючковатый нос и загнутый заостренный маникюр сегодня уже не в моде. К тому же злая стервозность портит цвет лица, нервную систему и здорово отучает быть той, которую хочется боготворить и возносить на пьедестал. И то, что ты однажды этим самым маникюром вырвала у жизни достаточно жирный кусок, не гарантирует тебе полного счастья.

А ведь именно ради этого женщина живет на Земле. Она достойна восхищения по праву рождения женщиной...

Терпение, отзывчивость, мягкость, гибкость... Вот о том, как нам развить свои лучшие, дарованные нам при рождении природой качества и избавиться от вредных издержек стервозной личины, мы сейчас и поговорим».

Любителям такого «волшебного чтива» будет полезно помнить и о том, что подавляющее большинство его авторов отнюдь не является специалистами в тех вопросах, которые они обсуждают. Как правило, все их заключения и советы основаны не на строго установленных и подтвержденных научных данных, а всего лишь на личном мнении, собственных впечатлениях и житейском опыте, которые ни в коем случае нельзя считать универсальными (подходящими для всех ситуаций и каждого человека). Напротив, они могут оказаться ошибочными, несмотря на то, что сами авторы готовы в них искренне верить (как, к примеру, Шерлок Холмс, который был убежден, что Солнце вращается вокруг Земли, поскольку многократно видел это собственными глазами). Поэтому такая информация способна ввести в заблуждение и дать читателям ложную картину, а следование не про-

веренным на эффективность советам привести к нежелательным последствиям. Об этом весьма красноречиво говорится в одной восточной притче:

«К врачу пришел сапожник; у него были сильные головные боли, и казалось, что дни его сочтены. Как ни старался врач, но так и не нашел подходящего лекарства, которое могло бы помочь. И тогда пациент произнес: «Если мне уже ничто не поможет, то у меня есть последнее желание. Я хотел бы съесть целый горшок супа из четырех фунтов бобов и одного литра уксуса». Врач пожал плечами и сказал: «Я не очень верю в это, но если вы так хотите, то можете попробовать». Всю ночь врач ждал сообщения о смерти больного. На следующее утро, к его изумлению, перед ним предстал сапожник, живой и здоровый, будто и не болел. Тогда врач записал в своем дневнике: «Сегодня ко мне пришел один сапожник, которого уже ничем нельзя было спасти, но четыре фунта бобов и один литр уксуса помогли ему».

Вскоре этого врача вызвали к тяжелобольному портному. И в этом случае искусство врача было бессильно помочь. Как честный человек, он признался в этом больному. Тот взмолился: «Неужели вы не знаете какого-нибудь средства?» Врач подумал и сказал: «Нет, но совсем недавно ко мне пришел сапожник, у которого была болезнь, похожая на вашу. Ему помогли четыре фунта бобов и один литр уксуса». — «Если нет никакой надежды, попробую-ка я это средство», — решил портной. Он съел бобы с уксусом и на другой день умер. А врач записал в своем дневнике: «Вчера ко мне обратился портной. Ему нельзя было ничем помочь. Он съел целый горшок супа из четырех фунтов бобов и одного литра уксуса и умер. Что хорошо для сапожников, то плохо для портных». (Н.Пезешкиан. «Торговец и попугай»).

Важно помнить, что любые утверждения, претендующие на руководство к действию, но не опирающиеся на строго установленные факты, есть не что иное, как личные взгляды авторов, часто искажающие реальность. Механизм их возникновения такой же, как в «небылице» С. Михалкова:

*Провалиться мне на месте —
Не совру! Скажу по чести
От начала до конца
Все, что слышал от отца,*

*Что отец слышал от деда,
Дед прослышал от соседа,
Ну, а тот затейник был,
Сказку он и сочинил...*

Какую же информацию о мужчинах и женщинах предлагают своим читателям популярные психологические издания?

Перечислим типичные проблемы, обсуждаемые на страницах такой литературы.

1. Цели и ценности женщин и мужчин. Обычно представлены крайне узко и однообразно. Чаще всего авторы уверенно утверждают, что современные женщины и мужчины желают «получать от жизни максимум удовольствия», стремятся привлечь внимание противоположного пола со всеми вытекающими отсюда последствиями: от простого соблазнить и «затащить в постель» (так, по мнению поп-психологов, ведут себя мужчины) до брачных уз (эта цель приписывается женщинам). Даже информация о профессиональной карьере преподносится в том же ракурсе. По мнению авторов, карьера может и должна служить средством поиска и привлечения «своей половины». Правда, за мужчиной все-таки признается наличие и чисто профессиональных интересов, хотя об этом сообщается вскользь, как бы между делом. Что же касается женщины, то ее главной ценностью объявляются не профессиональный рост, не деньги, не благополучие, а «большая, настоящая любовь», поиск того единственного, «который смог бы оценить ее действительно тонкий вкус, умение быть всегда обворожительной». При этом активно проводится мысль, что чем больше мужчин окружает женщину, тем больше у нее шансов «встретить достойного и суметь окружить его своей любовью и заботой». Следовательно, задача женщины – быть среди мужчин, для чего вполне может подойти и офис фирмы. И еще: поскольку «главное для женщины – любовь; без нее она, как без воздуха», вся ответственность за наличие/отсутствие любви ложится именно на женщину.

Читая популярные издания, невольно замечаешь, что во многих из них цели – привлечение внимания и покорение противоположного пола – описываются в воинственных терминах охоты. Охотник и охотница, добыча, дичь, капкан... Акцент на подобном способе реше-

ния задачи звучит уже в заглавиях некоторых книг («Мужские особи: виды и подвиды. Особенности национальной охоты»), в аннотациях, введениях и предисловиях.

Вот что, например, можно найти в книге, адресованной женщинам:

«Мужчины, вне зависимости от того, бабники они или донжуаны, толстяки или маменькины сыночки, — охотники по определению. Точнее, охотники до женского пола. Их сверхзадача — «загнать» и соблазнить как можно больше женщин. ...Повторяю и уточняю: их цель — соблазнить, овладеть, но не жениться. Но женщины играют в жизни не только роли жертвы или дичи. Женщины сами во все времена были великими охотницами. Вот только задачи и цели у охотников женского и мужского пола разные. И главная цель женщины — оболстать, «влюбить», захомутать, женить на себе жертву». И далее: «Отправляясь «на охоту», надо разобраться и в себе, в своем характере. Тогда вам будет понятно, стоит ли вообще брать в руки охотничье ружье и ставить манок. Может, этот мужчина вам совсем не подходит. Так сказать, герой не вашего романа. Так что рассматривайте эту книжку как памятку воина или справочник охотника».

Аналогичное рассуждение, только с учетом того, что автор обращается к юношам и мужчинам, можно прочесть в предисловии к другому пособию — «Как стать идеальным парнем...»:

«Природой так в человеке заложено, что каждый мужчина — охотник в душе. Среди женщин, правда, тоже встречаются охотницы... Но даже эти азартные создания не понимают простой вещи. Раз охотницы — женщины, значит, мы на них тоже можем поохотиться! Все они — дичь, короче говоря. Ценная и не особо... Да, бывают они, бывают — такие виды, роды и подвиды, чуть ли не целые отряды женщин, на которых охотиться особенно увлекательно, а удачный итог процесса вообще порождает эйфорию от осознания собственных охотничьих способностей...»

По всей видимости, именно таким вот способом авторы хотят привлечь внимание к своим «шедеврам» и убедить читателей в наличии «особых» отношений между мужчинами и женщинами. Иными словами, у читателей старательно стремятся пробудить желание уподобиться укротителю-дрессировщику... Но в таком случае не лучше ли пойти работать в цирк?..

2. Проблемы секса, сексуальности и сексуального мастерства навязчиво присутствуют практически во всех изданиях. Уме-

ние принимать нужные позы, владение соответствующими техниками, наличие оргазма описываются как важные и нередко единственные условия длительных отношений с противоположным полом, в связи с чем это должно стать основной заботой современных женщин и мужчин. Некоторые авторы упорно пытаются внушить читательницам мысль, что именно секс является прекрасным средством удержания мужчины.

А потому звучат подобные советы:

«Тонко чувствующая женщина согласится порой не на романтическую любовь, включающую все фазы, а на «быстрый» секс прямо там, где желание овладело ее любимым. В кухне — на кухонном столе, в лифте, в море... Это тоже, если хотите, романтика! Мужчины бывают особенно благодарны за такое понимание. А еще — за оральный секс! И не только потому, что это очень приятно, но и потому, что они чувствуют себя в эти мгновения особенно любимыми и желанными. Ведь пенис — воплощение его мужского начала, его чувства власти, его «Я».

И уж тем более не следует женщине забывать о том, что только та, что «может полностью отдаться сексу, в котором способна достигать многократного и длительного оргазма... является предметом мужского вожделения. Именно о такой женщине мечтает каждый мужчина, и он готов положить к ее ногам весь мир без дополнительных усилий с ее стороны».

В отдельных книгах мы даже встречаем описания ситуаций изнасилования женщин, которые представляются не как преступления, а как само собой разумеющиеся обыденные факты. С ними нужно мириться и даже пытаться находить в этом, благодаря сексуальной технике, какое-то удовольствие. Остается только непонятным, сколько именно раз нужно пережить женщине такую ситуацию, чтобы в конце концов научиться получать от нее удовольствие. Трудно сказать, удавалось ли это когда-нибудь автору, но даже последней «стерве», наверное, известно, что изнасилование — уголовное преступление, за которое полагается немалый тюремный срок, так что нужно не «стараться получить удовольствие», а просто позвонить в милицию. Впрочем, дело вкуса...

В ряде изданий авторы обсуждают различия мужчин и женщин в сфере сексуальности, рассматривая в этом ракурсе проблемы верности/измены. Выступая, как правило, с позиций традиционных патриархатных отношений, они излагают читателям версию так называ-

емого двойного стандарта, при котором любая измена мужчины трактуется как вполне естественное следствие его природной полигамности, тогда как на женщину, в силу ее биологически обусловленной моногамности, возлагается вина не только за ее измену, но и за измену партнера (не удержала, не сумела угодить, дала повод и т.п.). Иными словами, что позволено в сексуальном плане мужчине, не позволено женщине. Для женщины измена – это аморальный поступок, наносящий удар по ее репутации.

Согласно такому двойному стандарту, каждый нормальный мужчина, если с ним действительно все в порядке, объявляется в принципе склонным к сексуальной неверности: «Половая распущенность мужчины запрограммирована и является наследием его эволюции». Прелести моногамного брака считаются возможными для него лишь при условии дополнительной полигамной стимуляции, к которой относят порнографию, эротические видеофильмы, проституцию, специальные файлы Интернета, показы мод и конкурсы красоты. В соответствии с принципом двойного стандарта все это возводится практически в норму, оправдывая и закрепляя неравные права и обязанности женщин и мужчин в сфере сексуальных отношений. Однако это неравенство имеет негативные последствия не только для женщин, но и для самих мужчин. Распространенность мнения о сексуальной мощи и активности «нормального мужчины», его внутренней готовности к соответствующим подвигам закономерно приводит к ожиданию повышенного сексуального интереса от представителей мужского пола, в связи с чем практически каждый мужчина, сохраняющий верность своей подруге, попадает чуть ли не в разряд патологии. Поэтому вполне понятным становится, к примеру, тот ажиотаж, который развернулся в средствах массовой информации вокруг долгожданного сообщения о Д.Бэкхэме, наконец-то якобы изменившем своей супруге Виктории и тем самым успокоившем обывателей, уже начавших было сомневаться в его мужской «нормальности».

3. Очень популярна тема завоевания (приручения) мужчины для дальнейшего умелого его использования. Как рекомендуют авторы, такое приручение возможно осуществить посредством внешней привлекательности, заботы о мужчине, его умелого сексуального обслу-

живания. Поэтому во многих книгах мы находим бесконечные советы по правильному уходу за своим телом, выбору подходящей одежды и нужного запаха, искусству макияжа, манере разговаривать и держаться с мужчиной и другим способам соответствия товарному виду — тому «оружию», с помощью которого можно удачно реализовать намеченные цели. Кое-кто из авторов (Е. Шацкая) даже рекомендует женщинам смотреть порнофильмы, чтобы нравиться мужчинам. При этом читательниц стараются убедить в том, что по сравнению с мужчинами женщины обладают преимуществом, так как могут более результативно использовать внешнюю привлекательность: **«Если мужчина не отличается ни развитым интеллектом, ни быстротой ума и вообще лишен какой бы то ни было природной сообразительности, он не может обернуть все это в свою пользу, просто надев обтягивающую майку».** Таким образом, женщине, не имеющей ни ума, ни других добродетелей, приписывается возможность извлекать выгоду из своей внешности.

Именно внешность провозглашается основным пространством усилий женщины в борьбе за успех: **«Быть в хорошей форме — удел женщины, если она хочет быть любимой».**

И чтобы полностью развеять возможные сомнения, в качестве аргументов приводятся наблюдения из жизни (правда, научно не подтвержденные): **«Женщина больше страдает тогда, когда осуждают не ее промахи и ошибки, а внешний вид. Такова уж женская природа, что быть деловой, но не привлекательной для женщины в сто крат хуже, чем быть привлекательной, но не деловой».** Вот и выходит, что «участие в конкурсе нарядов — это участие в конкурсе жизни».

Таким образом, жизнь для женщин — подчеркиваем, для любых женщин, ибо автор не делает никаких исключений, — есть не что иное, как сплошной подиум, по которому они нервно прогуливаются, соревнуясь за мужское внимание (такова уж женская природа). А теперь представим в этой роли, скажем, бизнесмена Елену Батурину, политика Эллу Памфилову, губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко. Список можно продолжить... Что поделать, число женщин, которые упорно хотят быть деловыми, вместо того чтобы денно и ночью заботиться о своей привлекательности, становится все больше. Хотя, конечно, можно бодро объявить их «исключениями, всего лишь подтверждающими правило»... В целом же умозаключения очередного

специалиста по женской душе выглядели бы довольно забавными, если бы не навязывали так упорно всю ту же привычную модель поведения, которая предполагает полную зависимость женщин от мужского мнения и внимания.

Только в очень редких случаях в массовой литературе можно встретить утверждения, что красота — тяжелый крест, «это целая дорога, череда проблем и нагрузок», осилить которые не так-то просто. Однако такие разумные высказывания рано или поздно все равно сменяются рассуждениями о том, как все-таки лучше выглядеть, чтобы произвести впечатление.

В качестве еще одного действенного средства удержания мужчины читательницам предлагается тактика сокрытия своего ума, то есть «искусство» казаться глупее и инфантильнее своего партнера (делового или сексуального). А ведь это в условиях современного общества, где в особом почете ум и компетентность, является не чем иным, как стратегией обесценивания женщины.

Так, в одной из книг мы находим следующую информацию по этому поводу: «В США, например, уже много лет успешно действуют курсы для женщин по обучению умению скрывать от мужчин свои интеллектуальные способности. У женщин, которые успешно закончили такие курсы, вероятность удачного выхода замуж резко повышается». Правда, что означает сие удачное замужество, автор не поясняет. Но ниже он дает «весьма оригинальный» совет: «Несмотря на то, что во всех серьезных вопросах принимает решение женщина, нужно дать понять мужчине, что это решение принято именно им. Женщине с высоким уровнем интеллекта поначалу нелегко изображать из себя дурочку, однако ради сохранения нормальных отношений с мужчиной это просто необходимо». И далее: «Для обучения этому искусству применяются методы игровой и групповой психотерапии по методу Джозефа Морено, а также лекарственные препараты».

Так и представляешь себе мужчину, соблазненного при помощи лекарственных препаратов от излишнего женского ума. Завидный, должно быть, жених!.. А что касается самих авторов, предлагающих подобные «рецепты», невольно думаешь, что кое-кто из них сам успешно окончил эти замечательные курсы по сокрытию интеллекта от окружающих. Остается надеяться, что по крайней мере в личной жизни у них все отлично. Жаль только, что не все они женщины...

Таким образом, поп-издания учат нас, что нормальные отношения между мужчиной и женщиной возможны исключительно при условии их интеллектуального неравенства за счет старательного принижения женщиной своих умственных способностей – приема, который предлагается именовать мудрым решением и который по сути является скрытой техникой поддержания социальной несправедливости.

Среди различных частных аспектов можно также выделить вопрос приспособления и выживания женщин посредством умелого использования так называемых «рычагов женской власти», к числу которых авторы относят обольщение, притворство, эмоциональное давление и игру на слабостях партнера. С одной стороны, читателей явно вводят в заблуждение, приписывая женщинам природную склонность к интригам и используя ложные аргументы относительно различий в логике людей разного пола («мужская логика настроена на то, чтобы адекватно оценивать окружающий мир, а женская... чтобы управлять мужчиной»). С другой стороны, ориентируя женщин на приспособление и, следовательно, сохранение существующих порядков, поп-психологи пытаются внушить читательницам мнимые преимущества и выгоды их второстепенного положения, призывая к искусной и эффективной манипуляции мужчинами – единственному средству их «тайного могущества». Смысл этого «могущества» в известной установке: «мужчина – голова, женщина – шея: куда захочет, туда и повернет», которую в ироничной форме представил в своей стихотворной миниатюре отечественный поэт Э. Асадов:

Чем муж и жена меж собой различаются?

Жена – это та, что всегда подчиняется.

А муж – это тот, что сильнее слона,

И делает все, что захочет она.

Руководствуясь этой установкой, читательниц и учат управлять мужчинами: «...Стоит только начать потакать мужским капризам, сделать вид, что во всем согласна и поражаешься его мудрости и дальновидности, как мужчина все готов сложить к твоим ногам. ...Крутить мужиком нужно незаметно, так, чтобы он сам думал, что он хозяин и повелитель».

А чтобы женщина действительно сумела воспользоваться своим «тайным могуществом» во многих книгах дается целый перечень самых разных мужских слабостей и проблем: *«Убеди милого в том, что он самый лучший во всем... Ври, если нужно, притворяйся, когда он этого хочет, смейся, когда хочется плакать, и поплачь, когда душа поет от счастья. Ты, настоящая, со всеми своими проблемами, болезнями и комплексами никому не нужна. Поэтому соберись и забудь про то, что хочется, делая то, что нужно. И не нужно лишней эмансипированности и бабского гонора. Наберись терпения».*

При таком подходе из отношений исчезает искренность, а ее место занимает ложь и притворство. И сами манипуляторы в итоге невольно оказываются марионетками, ведь они становятся зависимыми от своей манипуляции и тех правил, по которым она осуществляется. А такая жизнь под маской и одновременно на поводке загоняет в ловушку непонимания и себя и партнера, рождает призрачные иллюзии своего могущества, хотя на самом деле отчуждает человека от самого себя, приводит к потере контроля за своими потребностями, желаниями, интересами и способствует утрате доверия.

Не случайно психологи считают манипуляцию аналогом психологического насилия, при котором личность превращается в объект использования. А потому и вывод напрашивается сам собой: *ничего общего с научной и практической психологией подобные советы не имеют.*

4. Тема, нередко обсуждаемая в популярной литературе, касается профессиональной карьеры современной женщины. Как и многие другие проблемы, она рассматривается крайне узко, если не сказать примитивно. Так, авторами совершенно игнорируется реальное положение дел, факты дискриминации женщины в профессиональной сфере. Напротив, в большинстве случаев создается образ недалекой малокомпетентной работницы, карьерный рост которой ставится в зависимость от ее внешних данных, кокетливости, принижения в глазах мужчин своих способностей и даже сексуальной доступности (в частности, нередко встречается утверждение, что многие успешные женщины мирились с сексуальными домогательствами и ради карьеры прошли через многие постели). Как правило, женщин ориентируют не

на отстаивание своих профессиональных прав, не на повышение своей профессиональной компетентности, а на умение с достоинством выходить из разных щекотливых ситуаций отнюдь не делового характера и правильно реагировать на слухи, сплетни и интриги. При этом отдельные советы кажутся совсем странными и нелепыми. Например: «Не стоит спорить с боссом о зарплате; как женщина ты сразу теряешь цену, если не соглашаешься с предлагаемой тебе зарплатой». Или: «Научись улыбаться, особенно начальству, и многие твои проблемы сойдут на нет». Получается, что на работе нас ценят не за нашу компетентность, а всего лишь за половую принадлежность и если не за красивые глаза, то, как минимум, за красивую улыбку. Вот и раскрыт наконец-то секрет конкурентоспособности!..

Даже в специально посвященных этой теме изданиях отсутствует информация о тех препятствиях и барьерах, которые стоят на пути женщины, делающей карьеру, и соответствующие рекомендации по их преодолению. Кроме того, некоторые авторы невольно вводят читательниц в заблуждение слишком категоричными заявлениями, подобными следующим:

«Сегодняшний день предоставляет женщине неограниченные возможности реализовать себя — онавольна делать все, что ее душе угодно... Времена, когда женщина была обязана полностью подчиниться мужчине и зависеть от него, остались в прошлом, — сегодня она может свободно делать карьеру и полностью обеспечивать себя (и не только)».

Может. Но как? Вот об этом-то (бесспорно, самом важном), за исключением все тех же манипулятивных техник, и не говорится ни слова. К тому же поп-авторам, по-видимому, совершенно неизвестно, что во всем мире, включая и Россию, у бедности и нищеты именно женское лицо. А примеры того, что современная женщина «уверенно и успешно завоевывает свои позиции и в мире бизнеса, и в сфере управления, и вообще потихоньку вытесняет мужчину», включая «даже святая святых мужчин — политическую власть», остаются большей частью исключением, за которое ей приходится расплачиваться многими социальными и психологическими проблемами, действуя не столько благодаря, сколько вопреки. И уж тем более не просто легкомысленно, но и довольно кощунственно звучит заключение о том, что современные женщины даже имеют преимущество зарабаты-

вать больше мужчин «в самых легких и приятных сферах экономики, например в индустрии моды или порнобизнесе».

5. Словно дань моде, практически в каждом издании хотя бы вскользь упоминается феминизм, который рассматривается как зло и беда современных женщин. Наделенный эпитетами *оголтелый*, *воинственный*, *«бесшабашный»*, феминизм ставится в один ряд с экстремизмом и радикализмом, а по словам некоторых авторов, и *«стервизмом»* (например, у А. Ветлицкой). Феминизм трактуется как проявление неуверенности женщин в своих силах, их страха перед жизнью, рассматривается как компенсация за беспомощность, отсутствие ума (вернее, «мудрого» желания/умения его скрывать) и красоты, то есть способности нравиться мужчинам. Отсюда стремление во что бы то ни стало отмежеваться от феминизма.

Конечно, если считать, что уверенность женщине может дать только владение манипулятивными техниками управления мужчинами, то феминизм действительно не имеет с этим ничего общего, как, впрочем, и с тем, что ошибочно приписывают феминисткам некоторые серьезные специалисты (как, например, профессиональный психотерапевт Н.Н.Нарицын, для которого феминизм означает демонстративный отказ от общения с представителями мужского пола). Весьма сомнительно, что авторы поп-литературы, высказывающиеся о феминизме, на самом деле знакомы с феминистками или их работами. Но призрак феминизма явно не дает им покоя. Вот и получается как в сказке Е. Шварца «Дракон»: хотя цыган никто не видел, хуже и страшнее их нет никого на свете. Иными словами, представления массовых изданий поп-психологии о феминизме вопиюще безграмотны. И это невольно заставляет вспомнить слова британской журналистки и писательницы Ребекки Уэст: *«Люди называют меня феминисткой всякий раз, когда я выражаю мнение, которое отличает меня от половика для вытирания ног или проститутки»*.

6. Лейтмотив всех этих «ценных» советов — абсолютные и неоспариваемые различия между мужчинами и женщинами, которые затрагивают сферу интересов, потребностей, личностных качеств, способностей, поведения и т.п. Практически все авторы прибегают к резкому противопоставлению женщин и мужчин, объясняя их психологи-

ческие особенности и модели поведения биологически обусловленным эволюционным предназначением каждого пола: «Уже давно установлено, что к моменту рождения базовые программы уже загружены в мозг: мужчины — охотники, женщины — воспитатели. Поэтому наше различие прежде всего в том, что мы — не жертвы надуманных социальных стереотипов, а биологически запрограммированные особи». Или: «Шкала ценностей мужчин и женщин отражает структуру их мозга», то есть даже не особенности функционирования, а именно структуру, не больше и не меньше! И без тени сомнения из книги в книгу кочует: «терпение, отзывчивость, мягкость, гибкость... таковы дарованные женщине при рождении природой качества»; «именно мужчина в эволюционном плане является лидером, первопроходцем». При этом ни история, ни культура, ни специфика воспитания в расчет не принимаются, как и действительно научные исследования их влияния на психику людей разного пола.

Правда, иногда наряду с биолого-эволюционной трактовкой кое-где встречаются и упоминания о различных требованиях общества к мужчинам и женщинам, о навязанных стереотипах и социальных нормах, закрепляющих неравное положение женщин и мужчин. Но происхождение этих требований и норм либо не обсуждается, либо считается естественным следствием все той же биологически целесообразной природы полов.

В ряде изданий можно встретить и еще одну «глубоко научную» идею о том, что при всей биологической предопределенности поведения и женщин, и мужчин в женщине природного гораздо больше, чем в мужчине, и никакими внешними обстоятельствами этого не изменить (здесь имеются в виду и черты характера, и мотивы действий, и манера поведения, и ценностные ориентации, и функции матери и жены). Таким образом, если мужчина все-таки является хоть в какой-то степени социальным существом, то женщина — это полное и беспросветное «дитя природы», и развивать в ней возможно только то, что заложено природой. Надо сказать, что подобное восприятие женщины как носительницы природного (но не культурного) начала имеет давнюю традицию. И до сих пор время от времени обсуждается сходство и отличия женщины от человека, то есть — мужчины.

Только в очень редких случаях авторы популярных изданий отходят от биологической трактовки психологических особенностей людей разного пола. При этом они предпочитают не затрагивать проблему первопричин половых различий, а делают акцент на рекомендациях по изменению поведения и развитию определенных личностных качеств. В целом же довольно часто возникают логические нестыковки: с одной стороны, характеристики мужчин и женщин объявляются врожденными, с другой – предлагаются различные советы и рецепты по их модификации.

К сожалению, психологи-профессионалы редко замечают поп-литературу и вступают с ней в дискуссию. Это, увы, и создает благоприятную среду для распространения под вывеской «психологических рекомендаций» всяческих мифов и предрассудков.

Обратимся к наиболее распространенным мифам и сопоставим их с научными фактами.

МИФ 1.

Мир женщины и мир мужчины – совершенно различны, но внутри каждого из них люди наделены схожими характеристиками, то есть все женщины и все мужчины обладают универсальными психологическими особенностями.

На самом деле, как показывают исследования психологов, антропологов, социологов и других специалистов, мужчины и женщины, живущие в одной культуре, в схожих социальных условиях, имеют очень много общего: их отличия составляют не более 10%, тогда как сходство наблюдается примерно в 90% случаев. А вот внутри гендерных групп, напротив, преобладает социокультурное и индивидуальное разнообразие. При этом особенно ярко межполовое сходство проявляется при сравнении мужчин и женщин, живущих в одной стране (например, Германии), с мужчинами и женщинами, принадлежащими к другой культуре (например, Пакистана), а также в условиях схожих жизненных ситуаций (например, когда женщина и мужчина выполняют функции родителей или одни и те же профессиональные обязанности, скажем, охранника или фитодизайнера). Поэтому вполне закономерно был сделан вывод об отсутствии универсальных женских и мужских характеристик.

МИФ 2.

В основе всех различий женщин и мужчин лежат природные биологические факторы, определяющие их эволюционное предназначение. Эти различия являются исходной данностью, изменить которую не представляется ни возможным, ни желательным.

Как доказали современные исследования, большинство характеристик людей разного пола на самом деле оказываются приобретенными, то есть развитыми в процессе жизни в обществе. Различный подход к воспитанию мальчиков и девочек, разная система требований и разного рода занятия, которым они посвящают свое время и силы, приводят к появлению у них разных и порой даже противоположных качеств, навыков и способностей. Так, девочек с детства обучают вести домашнее хозяйство, а мальчиков обращаться с техникой; им предлагают разные игрушки: одним — кукол, посуду и тряпочки, другим — конструктор и машинки, поскольку предполагается, что таким образом детей лучше подготовят к выполнению дальнейших социальных обязанностей. Интерес ребенка к тому, что связывается с другим полом, как правило, не приветствуется.

Отсюда возникает ситуация порочного круга: человек занимается, как считается в обществе, не своим делом, поэтому его успехи не находят поддержки, тогда как неудачи и малейшие промахи вызывают бурную критику. Именно эти промахи и служат подтверждением изначальной (природной) непригодности человека к делам не своего пола. Достаточно вспомнить хотя бы расхожее ироничное мнение о женщине за рулем, отказывающее ей в способности разбираться в автомобилях и быть хорошим водителем.

Вот и приходится даже в специализированных журналах читать публикации с саркастическими советами, адресованными женщинам за рулем:

«Зеркало заднего вида предназначено для того, чтобы поправлять макияж во время поездки. Садясь в машину, не забудь его направить так, чтобы отражалось твое обворожительное личико, а не какие-нибудь немые отвратительные «Жигули»... Во время поездки по оживленной дороге никогда не крути головой по сторонам: прическа растреплется». И далее: «Знаки на дороге — загадочные штуки, их не запомнить, сколько ни пытайся. Поэтому гораздо проще ориентироваться по мага-

знам: вывески видны издали, и они понятны: около магазина духов — налево, около универсама — направо... Осторожно двигайся, внимательно осматривая придорожные здания: в них иногда бывают совершенно неожиданные распродажи массы нужных вещей».

В последние годы ученые все чаще стали обращать внимание на то, как в процессе деятельности и общения создаются гендерные различия, ставящие людей разного пола в разные и совершенно неравные позиции. Все, что предписывается женщинам (роли, функции, виды деятельности, психологические качества, интересы и т.п.), ценится в обществе намного меньше, чем то, что предписывается мужчинам. Например, домашний труд, на который ориентируют женщин, является в современном обществе менее значимым, чем профессиональный, на который ориентируют мужчин (об этом, в частности, красноречиво свидетельствует отсутствие заработной платы за ведение домашнего хозяйства). Да и сами профессии, где заняты преимущественно женщины (секретари, медсестры, воспитатели), воспринимаются как менее серьезные по сравнению с теми, где преобладают мужчины (политики, ученые, военные). Точно так же качества, считающиеся характеристиками «настоящих» мужчин (активность, независимость, рациональность и др.), имеют большую ценность, чем качества, считающиеся характеристиками «настоящих» женщин (пассивность, зависимость, эмоциональность и др.). Вопреки когда-то очень популярному мнению, что кухарка может управлять страной, воспитывая женщину как кухарку, общество отнюдь не намерено предоставлять ей возможность определять внешнюю и внутреннюю политику государства. И точно также общество упорно игнорирует тот факт, что все черты, называемые «мужскими» и «женскими», на самом деле являются просто человеческими, то есть могут быть присущи в той или иной пропорции каждому из нас.

Таким образом, гендерные различия — продукт различных социокультурных норм, статусных позиций и ролей, предписываемых обществом людям разного пола. Иными словами, все психологические особенности женщин и мужчин *определяются не столько биологическими факторами, сколько социальными*, что соответственно делает их вполне доступными изменению. Об этом свидетельствуют зафиксированные американскими учеными факты реального сокращения ряда гендерных различий на протяжении последних десятилетий.

МИФ 3.

В отличие от мужчин женщины обладают более низкими интеллектуальными способностями, ограниченным умом и нерациональным, нелогичным мышлением, а также более низкой по сравнению с мужчинами профессиональной компетентностью.

Трудно найти более живучий миф! Парадоксально, но даже в эпоху активной и успешной работы женщин на поприще политики, науки, промышленного производства и т.п. в обществе по-прежнему бытуют мнения о невысоком качестве выполняемой женщиной работы, ее умственной и профессиональной «незрелости», абсурдности принимаемых ею решений, полном отсутствии у нее способностей к анализу. И как следствие, сохраняется недоверие к ней, как к человеку, на которого можно положиться в серьезных делах.

Различные версии подобных заблуждений в изобилии встречаются и в популярной литературе. Вот только некоторые из них:

«Так как мозг женщины достигает полного развития к 18 годам, это мозг-скороспелка, который рождает скороспелые выводы»; «Женская логика – явление, которое трудно понять, объяснить или с чем-то сравнить. Женская логика непредсказуема, противоречива, парадоксальна, как и сама женщина»; «Только мужской пол обладает способностью к рациональному мышлению. Поэтому все самые важные и ответственные решения приходится принимать именно ему».

Авторы этих веских заключений, как правило, не позиционируют их как плоды собственных жизненных наблюдений (это бы еще куда ни шло: мало ли какие женщины им попадались в жизни, может быть, они как раз успешно закончили курсы по сокрытию интеллекта), а выдают за научно доказанные факты.

Факты, однако, не таковы. В целом гендерные различия незначительны. Многочисленные экспериментальные данные позволили признать принципиальное равенство полов в отношении общего интеллекта и различных видов одаренности, включая музыкальные, артистические, математические и даже технические способности. Причем первые подобные выводы были сделаны еще в 1936 году американским психологом Льюисом Терманом.

Вопреки расхожему мнению, исследователями также были выявлены факты высокой эффективности труда женщин на оплачива-

емой работе, их большего усердия, умения грамотно планировать свою деятельность и успешно справляться с заданиями, требующими тщательного анализа, а также быть компетентными руководителями.

МИФ 4.

В отличие от женщин, мужчины менее эмоциональны и не способны к сопереживанию.

Иными словами, бесполезно пытаться «достучаться» до мужчины, обращаться к его чувствам, стараясь найти у него эмоциональный отклик и поддержку. Это грубое животное, бездушный чурбан, которому совершенно недоступен язык чувств.

Однако результаты специально проведенных исследований свидетельствуют о том, что мужчины и женщины обладают в целом равной эмоциональностью, только проявляют свои чувства с разной степенью интенсивности, что, по заключению американского психолога Шон Меган Берн, обусловлено различиями в социальных нормах и ожиданиях, адресованных людям разного пола.

Так, в соответствии с широко распространенной нормой эмоциональной твердости мужчин, уже с детских лет общество вынуждает их скрывать и не выражать внешне свои чувства и эмпатию, хотя в реальности, как убеждают научные данные, многие мужчины совсем не хуже женщин способны определять эмоциональные состояния других и сопереживать им. Бесчувственность мужчин, с которой приходится сталкиваться, всего лишь маскировка, отказ от которой возможен, если отсутствует страх прослыть немужественным, «ненастоящим». Как справедливо заметил в своей книге «Опасность быть мужчиной: исследование мифа о привилегиях мужчин» Герберт Голденберг: «Мужчины, как и женщины, тоже плачут, только у женщин слезы капаят из глаз, а у мужчин прямо из сердца».

МИФ 5.

Женщины испытывают потребность в браке и семье гораздо больше, чем мужчины, которые в них абсолютно не нуждаются.

Принято считать, что только брак и семья позволяют женщине реализовать свою истинную сущность, делают ее успешной и к тому же резко сокращают количество проблем. А вот для мужчины брак —

это тяжелый крест, крест на его свободе. Мужчина-одиночка — всегда орел и лакомый кусочек для дам, желающих его заарканить.

Так уж повелось, что с раннего детства девочкам настойчиво внушается мысль, что каждой «нормальной» женщине нужно замужество. Причем такое внушение нередко сопровождается запугиванием: будешь неряхой и лентяйкой — никто замуж не возьмет, не будешь хорошо выглядеть и вкусно готовить — муж уйдет к другой... Аналогичные советы мы находим и в массовой литературе, адресованной женщинам. Только к вышеперечисленному списку всех необходимых качеств прибавляется еще умение «взбодрить» и «разрядить» мужчину хорошим сексом. Что же касается мужчин, то практикуемое воспитание совсем мало ориентирует их на семью и не ставит перед ними задачу во что бы то ни стало жениться. Считается, что у мужчин иные жизненные приоритеты, а потому брак для них в общественном мнении чуть ли не аналог подвига.

Понятно, что при таком подходе вся ответственность за создание брачного союза и качество отношений в семейной паре ложится исключительно на женщин, ведь именно они, а не мужчины заинтересованы в браке.

На первый взгляд у представителей мужского пола, действительно, другие идеалы — карьера, деньги, власть, высокий социальный статус. Однако, чтобы достичь всего этого, нужен «надежный тыл». Поэтому на самом деле, и это подтверждается исследованиями, брак более выгоден мужчине. Женившись, он обеспечивает себе в лице жены уход и заботу, снимает с себя часть проблем по самообслуживанию. Не случайно при найме на престижные и высокооплачиваемые должности предпочтение часто отдают женатым мужчинам: мужчина, который отвлекается на житейские пустяки и тратит время на каждодневные бытовые проблемы, считается ненадежным сотрудником. Невольно приходится согласиться, что супружеская жизнь обеспечивает мужчине возможность успешно покорять общественные вершины и активно творить большую историю. И именно замужество часто лишает такой возможности женщину.

Иными словами, современным женщинам и мужчинам брак дает далеко не равные социальные преимущества. Как отмечает Линда Ли-Поттер: «Мужчины нередко достигают высокого положения

благодаря своим женам. Женщины достигают высокого положения только вопреки своим мужьям».

Но дело не только в этом. Согласно результатам последних исследований, стали очевидны и некоторые психологические преимущества семейной жизни, причем снова не в пользу женщин. Вопреки расхожему мнению, было обнаружено, что показатели психологического благополучия и общего самочувствия гораздо выше у женатых мужчин, чем у холостяков, тогда как у женщин — все с точностью наоборот. Исследования показывают, что семейная жизнь способствует продлению жизни мужчин, но укорачивает жизнь женщин более чем на год. Данные, опубликованные в 2006 году, говорят о том, что брак дает мужьям дополнительные 1,7 года жизни, но отнимает 1,4 года у среднестатистической жены (таковы результаты исследования более 100 тысяч человек по всей Европе).

Возможно, именно поэтому исследователи встречают у современных женщин совсем другое отношение к браку: «Не хочу быть жертвой брака. Хочу состояться не «как принято», а по-своему, в том числе и в своей профессии. Не хочу вступать в кабалу, жертвовать всем, отказываться от своего «Я» ради роли хранительницы домашнего очага и потом еще все время быть обязанной за то, что меня «взяли в жены».

Было бы неверно, однако, воспринимать все вышесказанное как призыв к отказу от брачных уз. Вопрос в другом: как можно изменить это неравное положение женщин и мужчин в семье и за ее пределами? Ответа на этот вопрос массовые популярные издания не содержат. Более того, популярная психологическая литература — это своего рода кривое зеркало, отражающее реальный мир и реальных людей в искаженном и очень примитивном виде. Перед нами авторы, усвоившие культурные стереотипы и предрассудки в отношении лиц разного пола и переносящие все это на бумагу. А для пикантности и остроты — добавка в виде популярного в наше время соуса сексуальности. Вот и выходит, что большинство таких изданий закрепляют в обществе и без того распространенные заблуждения, участвуя тем самым в их социальном воспроизводстве. А нужно совсем иное: непредвзятая оценка происходящего, грамотные рекомендации по организации действительно продуктивных и не дискриминационных отношений женщин и мужчин, обсуждение распределения семейных обязанностей, налаживания конструктив-

ного делового взаимодействия в профессиональной сфере — те реальные пути, которые давали бы возможность женщинам и мужчинам в равной степени развивать свой человеческий потенциал без ущемления прав и достоинства друг друга.

Однако справедливости ради необходимо отметить, что в некоторых книгах и статьях время от времени попадаются отдельные «рациональные зерна», которые, правда, тонут в море некомпетентной болтовни. Так, в книге Е.Кабановой и И.Ципоркиной «Стерва делает карьеру. Десять заповедей успеха» мы встречаемся с попыткой авторов отойти от традиционной трактовки женщины как биологического существа, потенциал которого ограничен поиском и укрощением мужчины. В результате мы находим действительно полезную информацию о трудоустройстве, тех ловушках, которые подстерегают женщину (как, впрочем, и мужчину) при заключении договоров с различными организациями, о приемах защиты от морального прессинга и манипуляций руководства с должностными обязанностями. В некоторых изданиях звучат предостережения о возможных негативных последствиях для женщин, связывающих свою жизнь с богатыми мужчинами, раскрываются причины некоторых мужских проблем и даются убедительные ответы на вопрос «Легко ли быть мужчиной?». Например, в уже неоднократно цитируемой книге В.И.Курбатова можно найти обоснованное и неоднократно подтвержденное учеными объяснение зависимости мужской самооценки от реальных достижений, а из публикации М.Рипинской можно узнать о трудностях самоутверждения мужчин, о связи их низкой продолжительности жизни с ориентацией на олимпийскую формулу: «Быстрее, выше, сильнее!». Но в целом все настолько перемешано, что получается каша из домыслов и фактов, которой усердно потчуют читателей.

И вот на таком фоне поистине приятным исключением выглядят статья психолога Н.Семенович и книга психотерапевта Н.Нарицына. Здесь нет «фантазий на тему гендера», а есть корректное и непредвзятое изложение вопросов сходства и различий женщин и мужчин, их жизненных проблем, разоблачающее предрассудки и укоренившиеся заблуждения. Хочется надеяться, что уже в ближайшем будущем достойные издания потеснят с прилавков магазинов пособия по укрощению и выживанию в условиях «межполовой борьбы». Во многом это

зависит и от думающих читателей, отказывающихся потреблять литературную продукцию, созданную по закону всеобщего тяготения к стереотипам.

В основу анализа положены следующие публикации:

Баратова Н.

Мужские особи: виды и подвиды: Особенности национальной охоты. СПб.; Питер, 2004. 192 с. (Тираж 8000 экз.)

Ветлицкая А.

Стерва как она есть, или Стервой может стать каждая. СПб.; ИК «Невский проспект», 2004. 136 с. (Тираж 7000 экз.)

Ветлицкая А.

Стерва смотрит в будущее: От Стервы – к Настоящей Женщине. СПб.; ИК «Невский проспект», 2004. 128 с. (Тираж 7000 экз.)

Виноградова И.

Неприятность эту мы переживем // MINI. 2005. Ноябрь. С. 75–78.

Иванова Т.

Не родись красивой // Крестьянка. 2004. № 10. С. 26–27.

Кабанова Е., Ципоркина И.

Стерва в пучине страстей: Мужчина в сердце и под каблуком. СПб.; Питер, 2004. 132 с. (Тираж 10 000 экз.)

Кабанова Е., Ципоркина И.

Стерва делает карьеру: Десять заповедей успеха. СПб.; Питер, 2004. 128 с. (Тираж 10 000 экз.)

Как стать идеальным парнем: 25 стереотипных представлений девушек о настоящих мужчинах и что делать, чтобы казаться таким мужчиной / Авт.-сост. Л.Смирнова. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 96 с. (Тираж 5 100 экз.)

Кронна С.

Настольная книга стервы.

Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 320 с. (Тираж 10 000 экз.)

Курбагов В.

Женская логика: Чего хочет женщина, того хочет Бог.

Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 608 с. (Тираж 5 000 экз.)

Крупатов А.

5 великих тайн: Мужчины и женщины.

СПб.; Издательский дом «Нева», 2005. 256 с. (Тираж 3 000 экз.)

Нарицын Н.

Доверительный разговор: Психология счастья.

М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. 448 с. (Тираж 25 000 экз.)

Рипинская М.

Голая правда о мужчинах.

СПб.; Питер, 2002. 192 с. (Тираж 15 000 экз.)

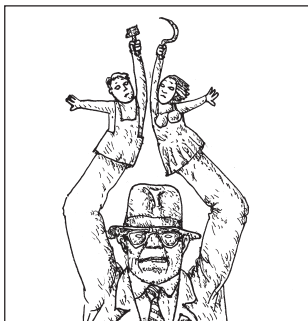
Семенова Н.

Рожденная свободной // Крестьянка. 2004. № 9. С. 22–23.

Шацкая Е.

Мужчиноведение: Курс начинающей стервы.

Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 160 с. (Тираж 5 000 экз.)

Е. З Д Р А В О М Ы С Л О В А
А. Т Е М К И Н А

**ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ:
ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК
В РОССИИ**

Г

Гендерный порядок общества формируется под воздействием многих факторов. Среди них – государственная политика, экономические отношения, коллективные представления, религиозное влияние и этнические традиции, образы мужчин и женщин в культуре, повседневная культура семейных и интимных отношений. Для разных обществ характерны различные гендерные порядки.

В большинстве обществ гендерный порядок является патриархатным, то есть характеризуется явными преимуществами мужчин в публичной сфере и жестким контролем над поведением женщин. Специфика российского гендерного порядка связана с ключевой ролью государства в формировании образцов женственности и мужественности, с государственной политикой эмансипации женщин и поддержки материнства, с сохранением традиционных патриархатных образцов в семье и сексуальной сфере. Для этого гендерного порядка характерно разделение мужских и женских ролей в семье. Мужчина считается главой семьи, при этом признается важнейшая роль женщин в организации быта. От женщин ожидается выполнение основных домашних ролей, забота о детях, больных и престарелых.

При модернизации общества гендерные роли изменяются. Многие традиционные мужские обязанности берут на себя профессионалы, которые занимаются ремонтом техники, монтерскими работами и пр. Женские роли также постепенно изменяются, но значительно медленнее, чем мужские. Женщины и в модернизированных обществах продолжают отвечать за организацию быта, приготовление пи-

щи, уборку, воспитание детей, заботятся о детях и престарелых больных членах семьи. Такое распределение ролей в целом характерно для советской и постсоветской России, хотя общество переживало и переживает различные периоды, которые характеризуются изменениями гендерных отношений.

Рассмотрим эти периоды, отвечая на вопрос: как формировались нормы и предписания для женщин и мужчин, и покажем, как образцы женственности и мужественности, которые часто считаются природными или биологически заданными, создавались советской государственной политикой и различными организациями, а затем претерпевали изменения в ходе постсоветских реформ.

С 1917 года партия-государство активно формировало гендерные отношения, вмешиваясь в частную жизнь граждан и организуя публичную сферу жизни. Оно осуществляло законодательное регулирование гендерных предписаний и контроль над их выполнением. Решение так называемого «женского вопроса» стало во главу угла советской гендерной политики. Продвигались проекты «новой женщины» и «нового мужчины». Однако, несмотря на жесткий партийно-государственный контроль, тоталитарный идеал управления не был полностью достигнут: мужчины и женщины, принадлежащие к разным социальным общностям, вырабатывали жизненные стратегии, обходя этот контроль. Вместе с тем в условиях жесткого политического регулирования, характерного для советского общества, варианты жизненных стратегий были существенно ограничены.

Советское общество характеризовалось разрывом официальных гендерных предписаний и традиционного быта. Вот как об этом писали Ильф и Петров: «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидроэлектростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь уйди-уйди, написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона «полпред»... У его обитателей стремление одно – как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода». В публичной сфере в советский период декларировались и продвигались идеологически окрашенные образы мужественности и женственности.

В частной сфере люди налаживали быт, выстраивали отношения между полами, приспособляясь к внешним условиям и реализуя свои личные цели.

Исследователи выделяют несколько периодов советского гендерного порядка на основе партийно-государственной политики в отношении сексуальности и женщин. Именно женщины были первоочередным объектом декларируемой политики. В постсоветский период проблемы социальной организации отношений полов также обсуждаются в контексте прав, обязанностей и ролей женщин. Женщины выполняют основную нагрузку по организации частной сферы, того самого *маленького мира*, в котором рождаются, воспитываются, женятся, организуют быт, общаются, влюбляются, болеют, стареют и умирают люди. Однако именно этот мир, в котором велика женская роль, часто остается незамечаемым и не считается важным – в нем не строят электростанций и не делают технических изобретений. Поэтому женщины оказываются в фокусе многих исследований гендерного порядка, хотя он, разумеется, включает предписания, контроль и санкции по отношению к обоим полам.

Итак, в гендерной политике российского общества выделяют четыре этапа.

Первый датируется 1918 годом – началом 1930-х годов. Его называют периодом большевистского экспериментирования в сфере сексуальности и семейно-брачных отношений, периодом политической мобилизации женщин и женсоветов. Это радикальный этап советской политики, целью которого было высвобождение женщины из патриархальной семьи и подчинение ее интересам советского государства.

Второй этап – 1930-е – середина 1950-х годов – описывается как тоталитарная андрогиния и экономическая мобилизация женщин. С конца 1920-х годов начинается традиционалистский откат в политике семейно-брачных отношений. Начало этого периода соответствует первым пятилетним планам индустриализации и коллективизации, а затем официальной декларации, согласно которой женский вопрос в Советском Союзе объявляется решенным. Символические границы данного периода – 1936 год (запрет аборт) и 1955 год (разрешение аборт). Отношение государства к аборт – важнейший показатель отношения к индивидуальному выбору женщины.

Третий этап – середина 1950-х – конец 1980-х годов – приходится на период политической оттепели, начало которого датируется XX съездом КПСС (1956), кампаниями массового жилищного строительства и новой постановкой женского вопроса, связанного с программой преодоления демографического кризиса в стране. В это время общество ставит под сомнение официальные советские представления о мужественности и женственности, обсуждаются проблемы феминизации мужчин и маскулинизации советских женщин. Особое внимание уделяется проблемам мужского здоровья и деструктивного поведения. Происходит ослабление государственного контроля над частной жизнью граждан вообще и контроля сексуальной жизни в частности.

Четвертый этап начинается в период политических и экономических реформ конца 1980-х годов, когда существенным образом меняется роль государства в регулировании социальных отношений вообще и гендерных в частности. Возникают и становятся допустимыми разнообразные гендерные роли. Гендерный порядок характеризуется плюрализмом ролей, индивидуализацией и сексуальными свободами, новыми возможностями для мужчин и женщин. С другой стороны, в России отчетливо проявляется дискриминация по признаку пола (прежде всего, женщин), распространяется традиционалистская идеология, во многих сферах усиливаются патриархатные тенденции и возникают барьеры для продвижения женщин, звучит лозунг возврата женщин к домашнему очагу.

ПЕРВЫЙ ЭТАП: ЭМАНСИПАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ, ИЛИ «НОВАЯ ЖЕНЩИНА»

В большевистский период выдвигается программа решения так называемого «женского вопроса» в качестве вопроса политического. Женщины были определены как особая категория граждан, имеющая значимые отличия по сравнению с мужчинами. С одной стороны, женщина представлена как «отсталый элемент», нуждающийся в целенаправленном государственно-политическом воздействии. С другой – женщины рассматриваются как матери и строители социалистического общества. В этих качествах они должны быть мобилизованы пролетарским государством.

Выдвигая тезис «политической отсталости», «закабаленности» и «темноты» женщин, большевики признавали их неготовность к советской трансформации. Именно в борьбе с отсталостью женского пролетариата заключался смысл политического решения женского вопроса. Женщины считались отсталым элементом не только потому, что их уровень грамотности статистически был гораздо ниже, чем у мужчин, но и потому, что были оплотом традиционной семьи и частной сферы — то есть тех сфер, которые должны были быть преобразованы радикальным образом.

Новая политика по отношению к женщинам была представлена в нормативных актах и политических кампаниях, призванных вовлечь их в советскую публичную сферу, превратить в членов советского трудового коллектива: работниц, общественниц и матерей.

В сфере занятости женщина-работница становится экономически независимой от мужчины — главы патриархальной семьи. Конституция гарантировала равную оплату за равный труд мужчины и женщины. Однако проводилась и политика гендерного различия. На национализированных предприятиях осуществлялась политика социального обеспечения и поддержки матери-работницы. Предоставлялось время и место для материнского вскармливания прямо на предприятии, гарантировались пособия матерям как в продуктовом, так и — после Гражданской войны — в денежном эквиваленте, предоставлялись отпуска, составлялись списки вредных и тяжелых условий труда, до которых не допускалась работающая женщина.

В сфере политики уже с 1920-х годов устанавливаются квоты для женщин как отдельной категории населения. Учреждаются партийные структуры женотделов, организуются кампании политической мобилизации женщин — делегатские движения. Политические кампании государства направлены на преобразование советской частной сферы. В середине 1920-х годов власти начинают кампанию «За новый быт», освобождающую женщин от «кухонного рабства» через социалистическую организацию домашнего труда и мобилизацию женщины в общественное производство. Учреждение детских садов и яслей должно было способствовать решению вопроса об общественном воспитании нового человека. При этом бремя материнства не является для женщины неизбежным, что соответствует общей либерализации сексуальных нравов того времени.

Государство организует работу политических и социально-воспитательных учреждений, призванных вовлечь женский пролетариат (работниц и крестьянок) в коммунистическое строительство. Политическую мобилизацию осуществляют отделы по работе среди женщин (женотделы), организованные при ЦК РКПб и партийных комитетах разного уровня. Первыми заведующими Центрального женотдела стали Инесса Арманд и Александра Коллонтай. Задачи женотделов определяются как трудовое раскрепощение работниц и крестьянок, вовлечение женщин в производство.

В сфере семейно-брачных отношений были предприняты радикальные меры, направленные на изменения отношений между полами. Идеология семейной политики опиралась на положения, сформулированные классиками марксизма и социал-демократии, которые полагали, что в социалистическом обществе установятся новые свободные формы отношений между мужчинами и женщинами. В результате семья старого патриархального типа, прежде всего, буржуазная семья, для которой характерны коммерциализированные отношения и эксплуатация женского домашнего труда, отомрет. Первыми декретами советской власти был узаконен гражданский брак, зарегистрированный в органах местной администрации, загсах. Разрушалась традиционная религиозно-церковная система супружеских отношений. Семья перестает быть экономической единицей и утрачивает свою стабильность. Показательным в этом отношении становятся разводы. Декрет 1918 года облегчил процедуру развода, а согласно брачному законодательству 1926 года, расторжение брака допускалось в одностороннем порядке. В это же время были юридически уравнены фактический и зарегистрированный браки. Развестись в большевистской России было проще, чем выписаться из домовоей книги; средняя продолжительность вновь заключенных браков составляла восемь месяцев, многие браки расторгались на другой день после регистрации. Вспомним эпизод из романа «Двенадцать стульев», в котором Остап сообщает своему компаньону Воробьянинову: «Еще недавно старгородский загс прислал мне извещение о том, что брак мой с гражданкой Грицацовой расторгнут по заявлению с ее стороны и что мне присваивается добрачная фамилия — О.Бендер». Советские работники (в первую очередь мужчины) могли быть мобилизованы государством на

выполнение срочных задач коммунистического строительства, и воспитание ребенка ложится на плечи матери-работницы, старших членов семьи и советских воспитательных учреждений. В результате большевистская политика того времени приводит к ослаблению семейно-брачных уз.

Еще один существенный аспект большевистской гендерной политики — формирование новой культуры чувств и отношений. Новая концепция любви предполагает свободу сексуальных отношений и их отделение от брака и деторождения. В соответствии с декретом советской власти, дети, рожденные в браке и вне его, были уравнены в правах. Из права изымается категория незаконнорожденного ребенка и изменяется правовой статус «внебрачной матери». Женщина является трудовой единицей, брак становится личным делом, но материнство декларируется как гражданская обязанность женщины.

Большевистский гендерный проект предполагал, что родительские воспитательные функции во многом возьмут на себя советские коммунальные учреждения. Тем не менее дети имели право на алименты, выплачиваемые отцом в случае соответствующего обращения в суд матери ребенка. Реальное внебрачное отцовство установить было трудно. Для объявления мужчины отцом достаточно было заявления матери. Презумпция материнской правоты таким образом была обеспечена законодательством.

В области репродуктивных и сексуальных отношений одной из поразительных по своей радикальности мер большевистской гендерной политики была легализация медицинского аборта (1920). Этот нормативный акт до сих пор часто воспринимается как символ эмансипации советской женщины*. Дебаты о легализации аборта начались в России еще до Первой мировой войны. Дискуссии о контроле репродуктивного поведения шли в первые десятилетия XX века во всей Европе. Дебаты об абортах являются симптомами женской эман-

* Легализация аборта в Советской России предполагала, что решение о прерывании беременности принимает женщина, однако оно должно быть санкционировано общественной инстанцией и выполнено профессиональными врачами в условиях государственных медицинских учреждений.

сипации и сексуальной либерализации. Но эта проблематика обсуждается в контексте социальных последствий войны, массовых миграций и связанной с ними сексуальной либерализации, цену которой всегда платят женщины. В текстах большевистских идеологов того времени постоянно подчеркивалось, что этот закон является вынужденной мерой, обусловленной послевоенной разрухой. Государство изначально рассматривало материнство не как частное дело советской женщины, а как ее гражданскую обязанность. В то же время мужчины были выделены в отдельную категорию граждан, долг которых — защищать советскую родину, быть готовыми к труду и обороне. Гражданство мужчины было связано государством с воинской и трудовой мобилизацией.

Итак, женщина мобилизуется государством в систему общественного коммунистического производства. При этом материнство поддерживается социальной политикой, а отцовство представляется как экономический долг. Теории материнских инстинктов и материнского счастья женщины находят выражение в официальной идеологии. Политика решения «женского вопроса» предполагает меры, обеспечивающие рост грамотности женского населения, освобождение от экономической зависимости в семье. При этом освобождение от патриархальной зависимости и «окультуривание» предполагало политическую мобилизацию женщины, закрепленную гендерным социальным контрактом между работницей-матерью и государством.

Несмотря на целенаправленную политику формирования новой освобожденной женщины, в повседневной жизни сохраняются разные уклады. Данный период характеризуется смещением старого и нового быта, традиционных и новых образцов поведения, разрывом между поколениями. При этом, несмотря на все новаторство, в советской молодежной среде воспроизводятся патриархатные ожидания, которые предполагают ответственность мужа за материальное благополучие семьи (роль кормильца). Например, Ильф и Петров описывают причину отказа Зоси Синицкой (у нее «был тот спортивный вид, который за последние годы приобрели все красивые девушки») соискателю ее руки бухгалтеру Корейко следующим образом: «В данный момент выйти замуж она не может. Да и какая жизнь у них может выйти: у нее искания, а у него, если говорить честно и откровенно»

но, всего лишь 46 рублей в месяц». Среди совслужащих и даже среди молодежи от мужчины ожидается выполнение традиционной роли добытчика. Действия супругов характеризуют двойные гендерные стандарты: «Двести рублей, которые ежемесячно получал ее муж на заводе «Электролюстра», были оскорблением для Элочки, которая занимала общественное положение домашней хозяйки, жены инженера Шукина... Чтобы сэкономить, Эрнест Павлович брал на дом вечернюю работу, отказался от прислуги, разводил примус, выносил мусор и даже жарил котлеты».

Последствия большевистской политики решения «женского вопроса» были противоречивы: государство, разрушая семью и провоцируя создание женских организаций, рисковало утратить контроль над гражданами. В результате гендерная политика государства была ужесточена и пересмотрена в контексте задач социалистической модернизации 1930-х годов.

ВТОРОЙ ЭТАП: ТОТАЛИТАРНЫЙ ГЕНДЕРНЫЙ КОНТРАКТ, ИЛИ «РАБОТАЮЩАЯ МАТЬ»

Второй этап государственной гендерной политики* привел к стабилизации гендерного контракта «работающая мать». Исследователи, используя термин «гендерный контракт», подразумевают под ним следующее. В каждом обществе существуют определенные способы разделения труда по признаку пола в публичной и приватной сфере и между ними. В соответствии с гендерным контрактом определяется, кто и за счет каких ресурсов осуществляет организацию домашнего хозяйства и уход за детьми в семье и за ее пределами: неработающая мать, поддерживаемая мужем; наемные работники, оплачиваемые из зарплаты обоих супругов; родственники, государство через систему бесплатных детских учреждений и пр. Так, гендерный кон-

* Особые формы гендерной мобилизации были характерны для военного времени. Во время войны в тылу женщины начинают заниматься теми видами деятельности, которыми раньше занимались преимущественно мужчины. В целом, динамика семейно-брачных отношений, стереотипы женственности и мужественности претерпевают существенные изменения в связи с войной.

тракт «домохозяйки» середины XX века в США подразумевал жесткое разделение ролей по признаку пола — муж-добытчик зарабатывает деньги в публичной сфере, жена-домохозяйка обеспечивает организацию быта и воспитание детей. Контракт «двухкарьерной семьи» поддерживается в США и Великобритании с 1970-х годов рыночными механизмами, а в Скандинавии — государством. Советское государство поддерживало контракт «работающей матери», при котором государство обеспечивало для женщины условия совмещения двух ролей, а мужчина был в значительной степени отчужден от приватной сферы и роли отцовства.

Для периода 1930-х годов характерна политика форсированной индустриализации, коллективизации и «окультуривания» советских граждан. Эти процессы и сопутствующие им принудительные миграции, «трудовая повинность» и массовые репрессии существенно видоизменяют тип семейных отношений. В результате традиционная российская семья разрушалась, на смену ей пришла новая советская семья.

В 1930-е годы отчасти меняется государственная политика в отношении семьи. В официальной риторике прослеживается прославление семейно-материнского долга женщины перед обществом и государством. Производственные функции и общественная активность женщины описываются в связи с материнской ролью — контролирующей и заботящейся воспитательницы

Индустриализация сопровождается новой жилищной политикой, влияющей на модели брачных отношений. Решение жилищного вопроса в период крупномасштабной миграции сельского населения в города и перетасовки городского населения осуществляется за счет массовой коммуналлизации жилья. Дома-коммуны в реальности остались утопией большевистского периода, но их идея реализовалась в системе рабочих бараков и общежитий. Описывая общежитие студентов-химиков, Ильф и Петров отмечают: «Розовый домик с мезонином — нечто среднее между жилтовариществом и феодальным поселком... Фанера, как известно из физики, — лучший проводник звука. Большая комната мезонина была разрезана фанерными перегородками на длинные ломти, в два аршина ширины каждый. Комнаты были похожи на пеналы, с тем только отличием, что кроме каранда-

шей и ручек, здесь были люди и примусы». Обустройство частной жизни клеймилось как «мещанство», проявление индивидуализма, эгоизма и пережитков буржуазного прошлого. Коммунальные квартиры представляют собой пространство коллективного проживания, в котором частная жизнь граждан превращается в объект повседневного контроля и надзора.

Модели семейно-брачных и интимных отношений во многом определяются физическим пространством проживания. В коммунальной квартире интимные отношения развиваются в присутствии других; это присутствие еще более ощутимо, чем в случае деревенского дома. Коммунальное сообщество становится суррогатом расширенной семьи, в которой сохраняется консервативная поляризация семейных ролей. Под бдительным надзором ближайшего окружения ролевые изменения или отклонения от предписаний затруднены. В условиях коммунального быта сексуальность не является автономной практикой удовольствия, а остается для женщин нацеленной, как правило, только на деторождение и удовлетворение потребностей мужчины.

Наблюдается табуирование сексуальной жизни. Формируется поколение, для которого характерно умалчивание интимного опыта, преподносимое как добродетель. В 1936 году Постановлением ЦИК и СНК СССР запрещаются аборты. Женщина лишается репродуктивных прав, а врач за совершение аборта карается сроком лишения свободы от трех до пяти лет или присуждается к исправительно-трудовым работам. Одновременно предоставляются льготы многодетным и одиноким матерям, расширяется сеть родильных домов, яслей и детских садов, усиливается уголовное наказание за неплатеж алиментов, ужесточается процедура развода, позднее (1944) делегитимизируются фактические браки, запрещается регистрация отцовства внебрачных детей. Все эти меры направлены на укрепление официальных браков и осуществление принудительного материнства советскими гражданками.

Официальная идеология утверждает, что гражданская доблесть женщин заключается в материнстве: «В нашей стране женщина-мать — это самый почетный человек. В росте численности нашего населения мы видим источник умножения богатства страны, потому что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и са-

мым решающим капиталом являются люди, кадры». Даже в случае развода или нежелания мужа иметь ребенка женщине предлагалось воздержаться от прерывания беременности. В этом случае обязанности материального обеспечения материнства и детства берет на себя трудовой коллектив и советское государство.

Ужесточается законодательство об алиментах, взыскание которых теперь становится ответственностью администрации предприятий, где работают отцы, и отделов НКВД. Одновременно появляется инициированная матерями-общественницами идеология, проповедующая модель равного участия супругов в домашней работе и их равной ответственности за воспитание детей, однако такие взгляды остаются маргинальными.

Демографическая политика становится репрессивной. Советская печать утверждает, что ужесточение законодательства есть следствие роста благосостояния советского народа. Лозунги на плакатах в Домах матери и ребенка гласят: «Каждая женщина в нашей стране не может не хотеть быть матерью. Она знает, что ее ребенок найдет в жизни все необходимое для всестороннего развития сил и способностей». Материнский долг советских женщин позиционировался как решение демографической проблемы в условиях индустриализации и военизации советской экономики.

В условиях отсутствия контрацептивной индустрии и сексуального образования женщина становится мобилизованной как репродуктивная сила, поставляющая государству граждан. Одновременно она мобилизована как работница: в период форсированной индустриализации при низкой производительности труда государство использует женскую рабочую силу как трудовой ресурс. В это время отменяются многие льготы для женщин на производстве (запреты на работу в ночные смены и в тяжелых условиях труда); создаются движения за овладение женщинами мужскими профессиями. Американский исследователь Алекс Даллин пишет, что отношение советского государства к женщине в этот период представляло собой нечто среднее между отношением к генератору и к корове: с одной стороны, она должна была работать на производстве, как машина, а с другой стороны, должна была рожать, как корова. Именно в это время развивается официальная идеология советской суперженщины — работающей матери.

При жестких запретах возникают новые стратегии женщин и мужчин, которые находят способы добиваться своих целей, обходя эти запреты. Рассмотрим некоторые стратегии, имеющие гендерные особенности. Среди них – активное приспособление к существующим политическим и экономическим условиям (женщины-стахановки); манипулирование государственной политикой поддержки женщин-матерей; пассивное приспособление в повседневности к существующей гендерной политике (данные стратегии выделены американской исследовательницей Ш.Фицпатрик).

Стратегия активного приспособления или использования условий мобилизации связана в первую очередь с вовлечением женщин (работниц, крестьянок и жен трудящихся) в общественные движения, инициированные партией и государством. Женщины получают новые шансы и эффективно их используют. Активистки участвуют в движениях за овладение женщинами мужскими профессиями (трактористки, летчицы), в движении общественниц и пр.

Другая стратегия – манипулирование политикой, ориентированной на поддержку материнства. В 1930-е годы массовый характер приобретает апелляция женщин к властям по поводу семейных конфликтов, в которых женщина считалась жертвой, и государство вставало на ее защиту. Получают распространение обращения с просьбами о помощи в розысках пропавшего супруга и взыскании алиментов. Женщины также обращались в партийные органы в случае неверности мужа и находили поддержку.

Еще одна массовая стратегия – пассивное приспособление к изменяющимся требованиям гендерной политики, направленной на укрепление семьи. Во многих семьях сохраняется традиционалистский уклад или его отдельные компоненты. Семья (а не общественное производство) остается приоритетной ценностью граждан, она служит убежищем от государственного контроля. Опору семейного уклада составляли женщины разных поколений, что выражалось в поддержке семейных уз и обязанностей за счет межпоколенческих связей бабушек, матерей и дочерей.

В советской семье, в условиях постоянного дефицита потребительских товаров, мобилизуются традиционные функции разделения труда между полами. Женщины вяжут, шьют, готовят, органи-

зуют быт, достают потребительские товары. У мужчин своя специализация: востребованы их навыки в традиционно мужских видах домашнего хозяйства — ремонте, мастерстве. Как следствие, женщины выполняют «тройную» роль: к материнству и работе добавляется почти профессиональное обслуживание семьи.

Итак, 1930–1950-е годы — это период мобилизации женщины как репродуктивной единицы и как рабочей силы на службу государству и партии. Это период создания нового типа советской семьи, укрепления ее как ячейки социалистического общества, стабилизирующей гендерный контракт «работающая мать». Одновременно именно в условиях репрессивной политики женщины вырабатывают повседневные стратегии, в которых задействуются традиционные и новые гендерные ресурсы.

ТРЕТИЙ ЭТАП: КРИЗИС ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Во времена «хрущевской оттепели» и «брежневской стагнации» государство остается главным агентом регулирования занятости, семьи, социальной политики в отношении женщин, формирования образов мужественности и женственности. В этот период происходит некоторая либерализация гендерной политики и частичное восстановление приватной сферы.

Либерализация гендерной политики связана с декриминализацией аборт в 1955 году и усилением государственной поддержки материнства. Кодекс РСФСР о браке и семье (1968) полностью отменил или изменил большинство законодательных актов сталинского периода. Была упрощена процедура развода, возобновлена возможность установления отцовства. Новая гендерная политика допускала принятие самостоятельных решений по поводу деторождения.

Однако эта политика не сопровождается сексуальным образованием, современные контрацептивные средства остаются недоступными. В результате складывается *абортная контрацептивная культура* (как ее называют демографы), при которой медицинский аборт становится массовым опытом и основным способом контроля

репродукции и планирования семьи. В позднесоветский период аборты стали своего рода символом женской репродуктивной и сексуальной свободы.

В 1950-е годы в условиях легализации процедуры медицинского аборта по-новому проявляется репрессивно-карательный характер медицины. Аборты осуществляются массово-поточными методами, операция происходит с использованием минимальных обезболивающих средств. Существующие «абортные» возможности планирования семьи, хотя и используются повсеместно и повседневно, представляют травмирующий опыт. В официальной риторике аборт замалчивается, в медицинских практиках он становится символом наказания женщины за отказ от выполнения репродуктивной функции. Карательная функция медицины проявляется как бы невзначай — как непредвиденное последствие заботы, осуществляемой в отношении женщин в учреждениях репродуктивного здоровья.

При этом государство осуществляет пронатальную (направленную на материнство) социальную политику и проводит идеологию, отождествляющую «правильную женственность» с материнством. Многочисленные, но незначительные по величине льготы беременным и матерям в 1970–1980-е годы призваны не только стимулировать деторождение. Они направлены и на натурализацию женской роли: продвижение идеологии материнства как естественного предназначения. Вместе с тем социальная инфраструктура (медицинские, детские дошкольные учреждения, сфера бытового обслуживания) не соответствует потребностям семьи, заставляя осуществлять собственные стратегии по адаптации к проблемам воспитания детей и организации быта. Использование межпоколенческих родственных связей по-прежнему является повседневной практикой. Организация приватной жизни через систему знакомств, взятки, блата, неформальной оплаты и персональных услуг в государственных учреждениях также становится массовой стратегией. Так, например, стараясь избежать и нежелательного деторождения и его альтернативы — «массово-поточного» аборта, женщины находят возможности либо обратиться к частным образом практикующим врачам, либо обеспечить к себе особое отношение со стороны медицинского персонала, используя взятки и блат.

Ограниченная либерализация гендерной политики подкрепляется частичной «реабилитацией личной жизни» (приватной сферы). В первую очередь это связано с массовым жилищным строительством 1960-х годов, то есть с появлением нового типа жилья – отдельной квартиры – и новых возможностей для обустройства личной жизни. Семья становится автономной единицей; повседневные интимные отношения, воспитание детей, организация быта выходят за пределы постоянного контроля соглядатаев. Контроль за «правильным» осуществлением мужественности и женственности в большей степени, чем прежде, делегируется семье и ближайшему социальному окружению. Семья вступает в своего рода «конкурентные» отношения с государством.

В официальной идеологии преобладает интерпретация семьи как «основной ячейки» общества, для которой характерно разделение ролей по признаку пола: на женщину возлагаются основные обязанности по воспитанию детей и заботе-обслуживанию. В то же время совмещение ролей матери и работницы, положение одиноких матерей становятся проблематичными, и это находит отражение в позднесоветских СМИ и социологических исследованиях. Критике подвергается и мужская роль, поскольку обнаруживаются многие проблемы, связанные с отчуждением мужчины от семьи и невозможностью осуществления роли монопольного кормильца и защитника.

В конце 1950-х годов исследователи отмечают формирование так называемой неформальной публичной сферы. Это означает, что наряду с официальной общественной жизнью с ее собраниями членов партии и профсоюзов, демонстрациями лояльности в отношении режима, цензурируемой литературой и СМИ, возникают сообщества, объединяющие людей со сходными досуговыми интересами, – единомышленников, коллег, друзей, родственников, неформальные коллективы на производстве. В таких сообществах не обязательно присутствует политический протест, однако в них развиваются альтернативные ценности и представления о личной и общественной жизни.

Для общества позднесоветского периода характерна организация жизни через сети знакомств (полезные связи). Так, поскольку социальная поддержка материнства остается недостаточной, дефицит и низкое качество яслей, детских садов, медицинского обслужива-

ния и пр. заставляет женщин постоянно прибегать к знакомствам, благу, помощи родственников и друзей при уходе за детьми и решении самых разнообразных бытовых проблем. При этом женщины активно используют и те возможности, которые предоставляет государство: матери берут дополнительные отпуска, больничные листы по уходу за детьми, для того чтобы справляться с семейными заботами и домашним хозяйством. Значительная часть рабочего времени расходуется (в первую очередь женщинами) на поиск дефицитных потребительских товаров, стояние в очередях и организацию семейной/личной жизни.

Изменения происходят не только на уровне частной жизни, но и в публичном освещении социальных проблем — в литературе и кинематографе и социальных науках (социология, демография, социальная статистика). Так, если идеология провозглашала моногамную семью основной ячейкой общества, а до- и внебрачные связи объявляла буржуазными пережитками или буржуазным влиянием, то кинофильмы демонстрировали коллизии разводов, любовных треугольников, конфликт поколений, отсутствие «настоящих» мужчин и алкоголизм, проблемы матерей-одиночек и пр. Женщины получили относительную свободу в принятии решения о деторождении, в некоторых сообществах процветал промискуитет. По словам Виктора Ерофеева, «русская женщина статистически на работе врал куда меньше, а дома куда меньше пила. Она соображала лучше и была укоренена в сегодняшнем дне. Она стирала, гладила, красила губы даже в самый разгар культа личности...»

Разумеется, публичное обсуждение социальных проблем в этот период имеет ограниченный характер, сохраняется жесткая идеологическая цензура. Обсуждение не затрагивает идеологических и политических основ советского строя, оно ограничивается лишь так называемыми неантагонистическими противоречиями социалистического общества, включая проблемы гендерных ролей/отношений. Критика идеологии и практик мобилизованной женственности — работающей матери — и мобилизованной мужественности — служителя Отечества — воплощается в двух основных темах: «кризисе мужественности» и «дисбалансе женских ролей».

Спад рождаемости приходит в противоречие с потребностями трудовой мобилизации населения, поэтому усиливается госу-

дарственная политика, поддерживающая семью. Социальная поддержка видоизменяет женскую роль, усиливается акцент на материнство. Среди мер, которые могут изменить ситуацию падения рождаемости, рассматриваются пропаганда ранних браков, нежелательности разводов и увеличения размера семей. Другими мерами является экономическая поддержка материнства (увеличение числа детских садов и яслей, увеличение оплаты декретных отпусков и отпусков по уходу за ребенком, приоритеты в распределении жилья молодым семьям, разработка программ помощи семье и пр.).

Идеальная советская женщина ориентирована на семью и материнство, но вместе с тем работает на советском предприятии или в учреждении, и поэтому анализу подвергается проблема совмещения ею двух ролей. Женщина, в отличие от мужчины, рассматривается в первую очередь через призму семейно-бытовых отношений и повседневных обязанностей. Но прямо или косвенно озвучивается неудовлетворенность женщин своим положением в семье и общественной сфере. Мобилизованная для выполнения целей социалистического строительства женщина испытывает трудности в реализации ролей жены и матери. Вовлеченная в общественно полезный труд, она не справляется с семейными обязанностями, следствием чего являются разводы, проблемы в воспитании детей, одинокое материнство. В качестве альтернативы рассматривается «возвращение женщины в семью». Семья позднесоветского периода сохраняет известную дистанцию от государства и потому для многих людей служит убежищем от государственного и общественного контроля. Однако идентичность состоявшейся женщины — это идентичность «работающей матери». Положение неработающей женщины-домохозяйки и бездетной женщины воспринимается как несостоявшаяся судьба или личные неудачи. Иными словами, выполнение гендерного контракта «работающей матери» является обязательным и принимаемым большинством населения, но одновременно баланс ролей становится все более напряженным.

Социальное неравенство полов усиливается в браке. В социологической литературе того периода зафиксировано, что женские занятия составляют основу домашнего хозяйства и поглощают много вне рабочего времени, образуя своего рода вторую смену жен-

щин-работниц. В семье фиксируется разделение ролей по половому признаку: в «кухонной работе» «нет никакого равенства или хотя бы намек на равенство», существуют различия, касающиеся стирки белья, уборки квартиры, воспитания детей и пр. В целом мужчины оцениваются как «менее квалифицированные в домашнем труде». В домашних обязанностях замужних женщин-работниц большой объем занимает обслуживание мужа. Женщины в неполных семьях (матери детей, рожденных вне брака, вдовы и разведенные) тратят на домашние дела времени примерно на шесть часов в неделю меньше, чем матери детей в полных семьях.

Социологи объясняют неравенство в бытовой сфере следующим образом. Во-первых, сохраняют свое значение патриархальные нормы поведения. Традиция ориентирует девушек на обслуживание семьи и осуществление заботы. Во-вторых, зачастую женщины разделяют *домостроевские* убеждения о характере домашнего труда. В-третьих, неразвитость сферы обслуживания приводит к тому, что мужчины и женщины ориентируются исключительно на потребление продуктов домашнего труда. В-четвертых, не используются резервы модернизации самого домохозяйства. Из признания социального неравенства мужчин и женщин в сфере домашнего труда следуют рецепты изменения ситуации. К ним относятся развитие сферы услуг, индустриализация быта и механизация домашнего хозяйства. Странники таких мер признают, однако, существование *естественных* ограничений политики равенства: быт, как считают они, *по природе* не поддается обобществлению. Домашнее хозяйство служит упрочению семьи, и потому некоторые его виды не могут быть компенсированы развитием сферы обслуживания. Другой рецепт предполагает изменения в обычаях и нравах советских людей, например, освоение мужчинами не привычных для них прежде видов домашнего труда.

В советском обществе повседневные стратегии многих женщин предполагали помощь старших родственников, которая компенсировала неразвитость социальной инфраструктуры и помогала выполнять роль «работающей матери». Другой стратегией облегчения двойной нагрузки стало сознательное ограничение количества детей в семье, позволяющее более гибко совмещать обязанности.

Кризис гендерного порядка проявился также в обсуждении мужской роли. В позднесоветский период критикуется «феминизация» мужчин и обсуждается их демографический «недостаток», низкая продолжительность жизни, высокий уровень заболеваемости и смертности, массовость вредных привычек, алкоголизма, производственного травматизма. Лозунг «Берегите мужчин!», получивший распространение в конце 1960-х годов, описывал советского мужчину как жертву природы, модернизации и конкретных жизненных обстоятельств. Среди мер по преодолению специфически мужских проблем предлагается более жесткий и систематический контроль за здоровьем мужчин, оздоровление семьи, усиление ответственности женщин за правильный образ жизни мужей. Однако эти меры не могли радикально улучшить ситуацию, поскольку социалистическое общество ограничивает возможности реализации «настоящей» мужественности, ориентирующейся на экономическую и политическую независимость, защиту Отечества и служение высоким идеалам.

Таким образом, последняя фаза советского гендерного порядка характеризуется кризисом советских проектов мужественности и женственности.

Кризис гендерного порядка проявился и в постепенной утрате государством контроля над повседневной частной жизнью граждан. Необходимо также учитывать и различия гендерных и, прежде всего, семейных укладов в разных республиках Советского Союза, в городах и деревнях, в центре и периферии. Они в совокупности определяли сложную динамику гендерного порядка в позднесоветский и постсоветский период.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП: ДИЛЕММЫ ГЕНДЕРНОГО РАЗЛИЧИЯ И ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

В постсоветский период положение женщин и мужчин в обществе меняется как на политическом и идеологическом уровнях, так и на уровне повседневной организации частной сферы. Возникают новые гендерные нормы, но одновременно сохраняются советские образцы социальной организации отношений между полами. При этом меняются не только правила игры, но и возникает ситуация неясности в самоопреде-

лении (идентичности) людей. Многие заново выстраивают свою идентичность, вспоминая о дворянских, диссидентских, этнических и прочих корнях. Происходит и переопределение гендерных идентичностей. Если раньше практически любая женщина обязана была исполнять роль работающей матери, то в настоящее время допустимыми становятся и роли/идентичности домохозяйки и бездетных карьерно ориентированных женщин. Разнообразные гендерные нормы воспроизводятся в разных обществах, от религиозных до гомосексуальных. Те образцы мужественности, женственности и отношений между полами, которые раньше считались маргинальными, даже криминальными, обрели свое право на существование.

Разрушаются идеологические основания официального гендерного контракта и официальной политики в отношении женщины. На символическом (культурном) уровне выстраивается новый гендерный порядок. В СМИ, литературе, кинематографе, искусстве появляются разнообразные образцы мужественности и женственности. В обсуждение проблем гендерного устройства общества включаются новые политические силы, общественные и религиозные организации, глобальные информационные агенты, профессиональные сообщества и пр.

Некоторые политики обращаются к «традиции», нуждающейся в возрождении, и к «естественному» предназначению женщин и мужчин. Однако провести такие идеи в жизнь оказывается непросто: сильны привычка и экономическая заинтересованность большинства женщин в самостоятельном заработке; многие молодые образованные мужчины и женщины стремятся к партнерским, а не к патриархатным или матриархатным отношениям в супружестве. Сексуальная свобода стала типичной для представителей обоих полов. И хотя в богатых слоях населения образ женщины-домохозяйки воспринимается как желательный, однако и там роль женщины заметно меняется. Современная российская обеспеченная домохозяйка вряд ли может быть описана как пассивная, полностью подчиняющаяся супругу, хранительница домашнего очага. Это, как правило, женщина, активно заботящаяся о себе — о своей внешности и привлекательности, о здоровье и теле, преследующая свои собственные интересы, выходящие за пределы дома. Такая женщина погружена в гламурный мир престижного потребления, а не в патриархальный семейный быт.

В современном обществе тем не менее формируются идеи о восстановлении «исконных традиций» мужественности и женственности, которые могут быть приняты и распространены как новые социальные образцы и роли. Однако существуют разные трактовки «традиции» и природы женственности. Они различаются в зависимости от того, *что именно* в определенной идеологии считается традицией. Традиционными считаются представления о женщине как домашней хозяйке, жизненный мир которой сконцентрирован вокруг обязанностей заботливой супруги, матери, хранительницы домашнего очага. Таков идеал буржуазного семейного устройства со свойственным ему патриархатным разделением половых ролей мужчины-кормильца и женщины-домохозяйки. Существует также взгляд на западную женщину как на феминистку, разрушительницу общества, семьи и традиции. Различные оценки гендерного традиционализма отражены и в академических исследованиях. А.Посадская, О.Воронина, Н.Римашевская и другие видят в российской трансформации (вплоть до конца 1990-х годов) симптомы патриархатного ренессанса, или неотрадиционализма. Симптомы гендерного неравенства постсоветского периода: вытеснение женщины из публичной и возвращение в приватную сферу, феминизация бедности и безработицы, вытеснение женщин с политической арены. В процессе приватизации женщины оказались главными жертвами безработицы.

Патриархатные тенденции проявляются в дискриминации женщин в публичной сфере, в частности при найме на работу. Так, женщина оценивается как неспособная эффективно выполнять профессиональные функции, поскольку она имеет детей или собирается их завести и о них заботиться. Отмечается незащищенность женщин от насилия, в том числе сексуального, на работе и дома. Исследователи отмечают сексизм в средствах массовой информации, сексуализацию женственности, распространение порнографии и проституции.

Однако патриархатный ренессанс — явление скорее временное и фрагментарное, он не определяет все изменения гендерного порядка. Тезис о ренессансе патриархата ставится под сомнение со второй половины 1990-х годов. В этот период наблюдается успешность женщин в рыночных условиях, происходит рост их общественной активности, продвижение в некоторых отраслях бизнеса и на политичес-

кой арене. Женщины активны и успешны в таких видах бизнеса, как туризм и сервис, в образовании и культуре. Несмотря на спад женского политического участия, появились яркие фигуры женщин-политиков. Некоторые случаи дискриминации по признаку пола становятся известными и осуждаемыми. Сформировались сообщества, занимающиеся феминистскими и гендерными исследованиями, постоянно проходят семинары, школы и конференции, функционируют образовательные программы разного уровня. Организуются выставки, фестивали и перформансы, отражающие гендерные проблемы.

Вместе с тем в начале 2000-х годов политическая сфера остается устроенной по патриархатному принципу: чем больше власти — тем меньше женщин. В экономической сфере также сохраняется патриархатный принцип: чем больше ресурсов — тем меньше женщин. Сохраняется «стеклянный потолок» для женщин: нет видимых препятствий продвижению по социальной лестнице или открытой дискриминации, но женщины не могут и не хотят продвигаться в карьере, поскольку в этом случае пострадает их семья, дети, а успех может нанести ущерб образу «правильной» женственности. Тем не менее многие сферы занятости успешно удерживаются женщинами.

Массовая культура и СМИ представляют разнообразные образы мужественности и женственности. Сексизм сосуществует с портретами активных, инициативных женщин. В рекламе присутствуют различные типажи — от счастливых домохозяек до бизнес-вумен или женщины с младенцем, работающей за компьютером.

Модернизированный быт остается гендерно консервативным. Однако появляются и другие гендерные роли, повседневные потребности часто оказываются сильнее консервативных стереотипов. В сфере сексуальности распространяются новые образцы гендерного равенства, когда допускается сексуальная активность женщин, которые осуществляют поиск подходящего партнера, а к сексу относятся как к сфере удовольствия. Однако и в этой сфере сохраняется двойной гендерный стандарт: общество остается более толерантным по отношению к мужской сексуальной активности, чем к женской.

В целом сохраняется множество элементов неотрадиционалистской идеологии (культурный сексизм), но появляются и новые возможности для женщин, реализуются стратегии, ведущие к успеху.

Однако общество по-прежнему остается организованным таким образом, что сохраняется гендерное неравенство. В постсоветский период женщины продолжают нести основные нагрузки в организации быта (даже при его модернизации и при использовании наемного персонала). Соответственно у женщин остается меньше возможностей для профессионального роста, для освоения новых профессий, для самореализации в сфере занятости. Статистика показывает, что существует структурное гендерное неравенство в доступе к ресурсам. Разрыв в оплате труда возрастает (оплата труда женщин почти на 40% ниже, чем у мужчин), квалификационный опыт женщин в сфере управления значительно ниже. В условиях неравенства и нехватки ресурсов, времени, денег и квалификации, женщины прибегают к мобилизации других средств, в т.ч. к использованию сексуальной привлекательности. Современные гендерные образцы все более становятся агрессивно сексуализированными.

В современном российском обществе признается, что женщины имеют равные с мужчинами права, они могут ориентироваться на различные роли, становиться профессионалами, домохозяйками, согласно своему выбору сочетать разные обязанности. Вместе с тем широко распространено мнение, что женщины обладают отличными от мужчин природно обусловленными склонностями и имеют особое предназначение, ограничивающее их карьерные профессиональные возможности. Женщины воспринимаются как особая категория граждан, нуждающихся в патерналистской социальной политике. В рамках этой идеологии подчеркивается, что у женщин есть гендерно обусловленная гражданская функция — демографическое воспроизводство нации. Воспитание детей и поддержка семьи декларируется как предмет государственного интереса и заботы. Утверждается, что в период социальных трансформаций женщина оказывается жертвой: поскольку государство не обеспечивает ее поддержкой, она не может более быть полноценной работающей матерью, то есть полноценной гражданкой. Необходима система целевых социальных прав, гарантируемых мужчинам и женщинам, призванным выполнять свой «общественный долг». Политика, связанная с решением демографических проблем, является ярким примером патерналистской поддержки женщины-матери — российской гражданки.

Особенность постсоветского периода заключается в дифференциации и множественности гендерных контрактов, социальных ролей, образцов мужественности и женственности, среди которых выделяются несколько основных. Это контракты «работающей матери», «домашней хозяйки», «сексуализированной женственности».

Контракт *работающей матери* по-прежнему важен для современного общества. Он связан с советской традицией массовой женской занятости, с моральной и экономической ответственностью женщин за семейно-бытовую сферу. В настоящее время он воплощает экономические стратегии, диктуемые логикой рынка, а также возможности самореализации для женщин с высоким профессиональным статусом или амбициями. Этот контракт поддерживается идеологией гендерного равенства. В современной версии обязанности «работающей матери» не столько являются ее гражданским долгом, сколько частным делом, однако сохраняется идеология государственной помощи в совмещении ролей. Занятость становится личным выбором женщины, а не обязанностью гражданки перед государством. Обязанность участвовать в общественном производстве сменилась экономической необходимостью обеспечения семьи. Вместе с тем опыт экономической независимости женщины в семье, связь статуса женщины с позицией, занимаемой в публичной сфере, материнство как экономическая функция — все это укорененные советские стереотипы, сохраняющие свое значение во многих социальных средах постсоветского общества.

Контракт «работающей матери» не является однородным. В разных социальных слоях существуют различные «правила игры». Выбор «работающей матери», делающей профессиональную карьеру, поддерживается либеральной идеологией. Гендерный контракт становится «контрактом профессиональной женщины». Ее главный ориентир — профессиональные достижения. Для того чтобы осуществить баланс ролей, она прибегает к услугам рынка, к помощи родственников, семьи. Тогда ее жизненный проект оказывается возможным. Все чаще это вариант «двухкарьерной семьи», то есть профессиональную карьеру делают и жена, и муж, и это характерно для многих семей среднего класса. Однако за организацию быта скорее всего будет отвечать женщина при активной поддержке мужа.

Признаки такого, по существу партнерского, контракта — планирование деторождения и активное участие в беременности мужчины, планирование организации быта и партнерская взаимопомощь в приватной, а иногда и в публичной, сфере, совместные бюджет, распоряжение деньгами и принятие решений. Организация быта, забота о детях — обязанности как женщины, так и мужчины. Прагматические цели (кому, что и когда удобнее делать) становятся важнее, чем культурно заданные требования, предъявляемые по признаку пола. Однако структурная организация общества в целом такова, что заработок мужа обычно более значим, и потому даже при партнерских отношениях женщина больше занимается бытом, хотя это уже не вменяется ей в качестве естественной обязанности.

В случае экономически вынужденной работы женщины, воспроизводится советская традиция ответственности за семью. Главное для такой женщины — не работа, а материнство и дом. Работа важна как заработок, а не как ценность, связанная с самореализацией, ее не интересует содержание труда, которым она занимается. Она готова на любые работы, чтобы внести свой вклад в бюджет семьи. Материнство в этом случае включает не приватную заботу о доме, муже и детях, а обеспечение семьи. Этот экономический смысл материнства в нашем обществе вполне приемлем. Цель женщины — не столько поддержать свой личный уровень благосостояния, сколько обеспечить семью, в состав которой могут входить родители мужа и жены, возможно, и сам безработный муж, и финансово неблагополучные или недееспособные родственники, больные, престарелые, несовершеннолетние и т.д. По отношению ко всем этим членам расширенной семьи женщина может выполнять квазиматеринскую функцию: она заботится об их пропитании, образовании, лечении, отдыхе и пр., распространяя на них свою заботу.

Другой гендерный контракт — *домашней хозяйки* — связан с представлениями о лучших жизненных шансах, характерных для западного старого среднего класса и высших слоев досоветского и постсоветского российского общества. Роль домашней хозяйки определяется двойственно. С одной стороны, это проблема идентичности женщин среднего и высшего класса. В этих слоях создаются образцы патриархального разделения труда, которые объясняются традиционным естествен-

ным женским предназначением. Для определенного сегмента нового предпринимательского класса России женская роль домашней хозяйки становится знаком престижного образа жизни. Материнство и забота о детях и муже воспринимаются как основные черты женственности. Этот контракт опирается также на религиозные ценности, все больше продвигаемые в постсоветской публичной сфере. Роль домашней хозяйки связывается с возрастанием значимости приватной сферы и домохозяйства, с необходимостью в активном управлении частной собственностью в постсоветских рыночных условиях. Однако эта роль сопряжена с многими проблемами. У женщин часто возникают проблемы бюджета семьи и денежных трат, нередко они подвергаются жесткому контролю со стороны мужа, утрачивают независимость, которую имело поколение их матерей, выстраивают специальные стратегии манипуляции мужьями. Возникают и проблемы уважения к домашнему труду, взаимоотношений кормильца и домашней хозяйки, то есть проблемы власти в семье. Отношения равенства оказываются недостижимыми, но при этом женщина становится «менеджером» домашнего хозяйства, в каком-то смысле — профессионалом. Однако ее статус не вполне определен, потому что в обществе правила такого контракта не установлены. И даже если есть наемные работники, которые подчиняются домохозяйке, она все равно остается в сфере домашнего быта, имеющего низкую степень престижа. С другой стороны, хотя многие домашние хозяйки из обеспеченных слоев общества и испытывают неудовлетворенность своею жизнью, эта роль — проект желаемого будущего для работницы низкой квалификации и вынужденно работающей матери.

Вместе с тем *вынужденные домохозяйки* из бедных слоев ограничены в возможностях найти работу, а вынужденные домохозяйки-мигранты ограничены в гражданских правах: женщины пошли бы работать, однако они не могут найти легальную работу, поскольку не имеют соответствующих прав, как и их мужья. Кроме того, они должны помогать детям адаптироваться в инокультурной среде и обеспечивать мужу возможность ненормированно работать в сфере неформальной экономики. Такая домашняя роль женщин определена недостатком гражданских прав и экономических возможностей.

Еще один гендерный контракт — *сексуализированная женственность и спонсируемая женщина*. Этот контракт продвигается

СМИ и обусловлен использованием сексуальности в качестве товара, что выражается в самых разнообразных формах — от порнографии и проституции до «брака по расчету». Сексуализированная женственность — как объект и субъект потребления — становится ресурсом обеспечения социального положения. Жизненные шансы женщины связываются с ее сексуальной привлекательностью, которая может быть обменена на социальные блага и престижное потребление в ходе «выгодной сделки».

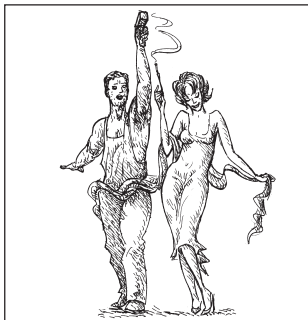
В современном обществе существуют и другие образцы женственности. Среди них — феминистки, представительницы этнических и сексуальных меньшинств, активистки неправительственных организаций, женщины, сознательно отказывающиеся от материнства, женщины-инвалиды, религиозные женщины, женщины — жертвы насилия в зоне военных действий, женщины «нелегалы», проститутки, беженцы, безработные, «бомжы», преступницы, наркоманки, террористки пр.

Гендерное устройство общества становится более разнообразным и сложным для определения. Социальные права женщин лишь в незначительной степени обеспечены поддержкой государства и рыночных структур. Что касается проблем мужественности, то «кризис маскулинности» распространяется на новые поколения мужчин, не способных в рыночных условиях выполнять роль кормильца семьи. Это не относится лишь к небольшому слою обеспеченных семей, в которых мужчина доминирует, располагая властными и материальными ресурсами поддержки материнства и женской сексуальной привлекательности. Во многих других случаях постсоветский мужчина маргинализируется в приватной, а иногда и в публичной сфере.

Решение гендерно окрашенных проблем общество ожидает от государства, социальная политика которого признается неэффективной. В разных социальных слоях возникает ностальгия по патерналистской государственной политике советского образца. Государство, в свою очередь, начинает проводить политику «экономического патернализма» по отношению к материнству, призванному решить демографические проблемы страны. Одновременно все большее пространство отвоевывают образы женственности и мужественности,

апеллирующие к либерально-рыночной традиции гендерного общественного устройства. Эти идеологии являются традиционалистскими в признании биологически заданных гендерных ролей и потому могут способствовать дискриминации граждан по признаку пола, вытеснению женщин в частную сферу, продвижению brutальной мужественности.

До сих пор декларируемое «равенство в различии» представляется недостижимым идеалом. Лишь развитое гражданское общество, ставящее под вопрос тенденции социального неравенства, может способствовать его достижению.

Е. ОМЕЛЬЧЕНКО

СТАНОВЛЕНИЕ ГЕНДЕРА:
**КТО И ЧТО ПОМОГАЕТ
НАМ СТАТЬ СОБОЙ,
А ТАКЖЕ ЖЕНЩИНАМИ
И МУЖЧИНАМИ**

Дети и подростки взрослеют и воспитываются не только в родительских семьях. Год за годом они включаются во все большее количество социальных сфер, для каждой из которых характерны свои нормы и правила воспитания мальчиков и девочек, «нормального» формирования в них мужского и женского начала. С момента рождения человека вопрос пола — центральный: «Мамаша, вы слышите, — у вас сын/дочь!», — кричит врач роженице и требует, чтобы та ответила: «Да, у меня сын/дочь».

Благодаря современным технологиям, пол ребенка можно узнать уже на втором месяце беременности. Еще до его рождения вокруг ребенка формируется особая атмосфера: закупаются одежда, игрушки, книги, ремонтируются комнаты... Так начинается «гендерное воспитание», пронизанное разными, подчас противоречащими друг другу стереотипами. Считается, например, что родители, особенно отцы, больше рады рождению сына. Сын — продолжение рода, фамильной истории, наследник, хранитель семейных традиций. (Анекдот: «Папаша, ваша жена родила! — Сын? — Нет. — А кто же тогда?») Но существуют прямо противоположные представления: отцы хотят сыновей, а любят больше дочерей, или: сын — отрезанный ломоть, а дочь — она и замужем дочь. Стереотипы поддерживаются особыми ритуалами: мальчиков из роддома выдают перевязанными синей ленточкой, девочек — розовой; медсестре, которая торжественно вручает «сверточек» счастливому отцу, за мальчика «положено» давать в два раза больше денег, чем за девочку.

«ПРИРОДНОЕ» И «СОЦИАЛЬНОЕ»

Известный российский ученый Игорь Кон рассматривает становление гендерной идентичности с двух сторон. С одной стороны, можно говорить о психосексуальном развитии, то есть о внутренних процессах осознания человеком принадлежности к определенному полу, с другой — о гендерной социализации, то есть о том, как общество воспитывает, обучает ребенка, помогая ему освоить систему половых ролей. В зависимости от строения наружных половых органов новорожденного взрослые (врачи, психологи — те, кто имеет на это право) определяют (или в спорных случаях — приписывают) ребенку пол. С этого момента девочку или мальчика начинают воспитывать в соответствии с принятыми в данном обществе представлениями о том, как должны поступать мужчины и женщины.

Психологи говорят о том, что особое значение осознание себя мальчиком/юношей или девочкой/девушкой имеет в подростковом возрасте. Это так называемый пубертатный период, бурный процесс полового созревания, который сопровождается мощным гормональным взрывом, стимулирующим ускоренное формирование гендерной идентичности. Американский психолог С.Холл назвал этот период «штормом и стрессом»: шторм гормонов и стресс (подавление), связанный с тем, что мир взрослых требует сдерживать активные проявления возрастающего сексуального желания. В этом возрасте формируются вторичные половые признаки, меняется подростковое тело, образ-Я (идентичность) становится средоточием внимания, тревог и сопротивления. Одна влюбленность сменяет другую, романтические переживания и платонические настроения перемешиваются и вступают в борьбу с эротическими желаниями и «грязными» фантазиями. Эти противоречивые чувства порождают резкие смены настроения, агрессивное сопротивление родительскому контролю, приступы чувства одиночества. Принятие своей гендерной роли не происходит автоматически: «природные» и «социальные» факторы переплетаются, их невозможно понять друг без друга.

В психологии существуют разные взгляды на то, как формируется гендерная идентичность мальчиков и девочек. Для З.Фрейда, например, самое важное — момент бессознательной идентификации ребенка с образом взрослого своего пола — чаще всего отца или матери, поведение которых он/она копируют. Другой подход — теория половой ти-

пизации — говорит о важности положительного и отрицательного подкрепления в процессе «обучения гендеру»: девочек хвалят и поощряют за феминное и осуждают за маскулинное поведение, а мальчиков — наоборот. Это помогает сначала отличать «правильные» образцы поведения от «неправильных», затем — выполнять соответствующие правила и, наконец, включать этот опыт в свой образ-Я.

Двухлетний ребенок знает свой пол, но не понимает, что это значит. В три-четыре года он уже различает пол окружающих людей по случайным внешним признакам, например — одежде и прическе. Но еще нет понимания того, что это «на всю жизнь». Например, мальчик может просить купить ему юбочку и завязать бантик, а девочка — постричь ее коротко и научить «писать стоя». Умение различать пол (свой и других) лишь по внешним признакам не значит, однако, что дети не могут приписывать этим признакам свои значения. Улавливая, чего от них (как девочек или мальчиков) ждут родители и взрослые, дети формируют собственные гендерные предпочтения (желание быть мальчиком или девочкой), причем свой пол устраивает их далеко не всегда. Это может вызывать со стороны взрослых как умиление, так и осуждение и даже панику. Примерно к семи годам приходит понимание необратимости своей половой принадлежности, что сопровождается развитием пристрастий и установок внутри своей гендерной группы, осознанным выбором друзей, игр и компаний по интересам.

ЛОВУШКИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Жесткие поло-ролевые различия могут оказать плохую услугу в воспитании и девочек, и мальчиков. Так, настойчивое требование со стороны взрослых или мальчишеских компаний истреблять «телячьи нежности» делает мужчину бесчувственным, подрывает его способность быть внимательным мужем и отцом. Быть всегда первым невозможно, гипертрофированная соревновательность часто оборачивается тревогой, разрывом между уровнем притязаний и достижениями. Установка на абсолютную независимость порождает одиночество, ведь в действительности все люди взаимозависимы. «Крутизна» может обернуться конфликтами и разборками, страхом перед собственными слабостями.

Гендерная социализация в семье связана с тем, как воспринимают растущие девочка или мальчик роли, которые предписаны мужу и

жене, женщине и мужчине. В современной семье этот процесс усложняется существенным изменением роли матери (как психологически, так и социально). С точки зрения растущих детей, мать всемогуща, она имеет полную власть. Именно от нее, особенно в раннем возрасте, зависит то, как будет проходить взросление, насколько ребенок будет чувствовать себя защищенным. С другой стороны, девочка замечает, что в обществе мать вовсе не обладает такой властью, как в семье. В обществе доминирует мужчина, в семье — женщина. Атмосфера подавления женщин, с которой сталкиваются дети, сказывается на формировании образа матери.

Непросто складываются взаимоотношения растущей дочери и отца. Отец часто проявляет противоречивые чувства по отношению к растущей дочери. У него сложилось определенное представление о женщинах, но к своей дочери у него другое отношение. Он желает, чтобы его дочь достигла большего, потому что достойна лучшей участи, чем другие женщины. Так отец формирует у дочери завышенные притязания. Однако уже к пяти семи-годам (как утверждают психологи) общество вырабатывает у девочки устойчивое представление о ее подчиненном положении. Так у девочки-дочери формируется внутренний конфликт. Мать видит в растущей дочери возможность повторения, а в чем-то и исправления своего жизненного опыта. Она стремится воспитать ее так, чтобы у девочки не было тех сложностей, с которыми встретилась в жизни она сама. Тем самым мать может передать дочери свои конфликты, свои проблемы. В этом сложном пространстве отношений девочки к матери и к отцу, в котором чередуются любовь и тревога, обожествление и страх, формируется ее представление о себе как дочери и женщине.

Матери в гендерном воспитании отводится основная роль. Например, считается, что разное отношение матери к воспитанию сына и дочери определяет то, как они воспринимают себя. Девочки напрямую идентифицируются с матерью, их отношения строятся на взаимном влиянии и поддержании своей общей «женскости». Отношения мать—сын описываются как принципиально другие. Мать своей «женскостью» (то есть подчиненностью) еще больше усиливает оппозицию между женским и мужским: ей самой и ее сыном. «Обучение своему гендеру» в большей мере происходит через прикосновения и ухаживания, чем вербально или через разные способы поощрений и наказаний. Эта тактильная манипуляция детьми рассматривается как фундамент гендерной социализации.

Уже младенцев родители стремятся гендерно окрашивать (цвет коляски, чепчик), создать физическую разницу, поддающуюся простому наблюдению. С возрастом гендерный язык становится богаче: одежда, стрижка, стиль общения, выбор деятельности — все это способы успешного показа себя в качестве девочки или мальчика. Чем чаще родители используют в обращении с мальчиками и девочками разные тактики: покупают им специфические игрушки, показывают, в какие игры следует играть девочкам и мальчикам, одевают их, как «правильных взрослых дядь и тетей», приобщая с раннего детства к «чисто женским и мужским занятиям» (девочек учат готовить, стирать, пеленать кукол, делать уколы; мальчиков — стрелять, играть в футбол, забивать гвозди, собирать/разбирать трансформер), — тем вероятней, что дети в дальнейшей жизни будут воспроизводить в своем поведении гендерные стереотипы. Обучение гендеру происходит через «имитацию» (делай, как мама, как папа), «идентификацию» (ты — как мама, как папа) и «интернализацию» (мама/папа — образец, и ты станешь такой/таким же).

Социализация — это приспособление индивидов к социальной среде, в которой они родились, их включение в качестве действующих субъектов в различные социальные системы. Вопрос о принудительном характере гендерной социализации был поднят в феминистских теориях. Девочка становится девочкой, а мальчик — мальчиком (не в физиологическом, а культурном смысле) не автоматически, а потому что их так воспитывают. Стать девочкой — значит сначала неосознанно, потом осмысленно принять свою подчиненность, зависимость и вторичность по отношению к мужчине и, понимая это, вести себя, одеваться, говорить как «настоящая и правильная» девочка. Стать мальчиком — значит осознать себя в качестве первого, основного и властного субъекта.

Главная заслуга феминистского подхода в том, что было высказано сомнение в *очевидности* «женского» и «мужского», было показано, как общество (со своей историей и ценностями), социальные институты (семья, система образования, культура, религия, СМИ), соседи и сверстники активно участвуют в их формировании. Стать девочкой и мальчиком не просто: нужно научиться соответствовать существующим в обществе и близком окружении ожиданиям и требованиям, предъявляемым к этим «ролям». Мы рождаемся с определенным биологическим полом (мужским или женским), а как мы начинаем «показывать, демонстрировать» свою половую принадлежность — зависит от ситуации.

Но что же происходит в повседневном гендерном становлении, остается ли в нем место для самостоятельных решений мальчиков и девочек, или их вход в существующую культуру — «либо ты мальчик, либо девочка» — полностью предопределен?

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ АТМОСФЕРА ГЕНДЕРНОГО ВЗРОСЛЕНИЯ

Родители не всемогущи и не столь однозначно влиятельны, как им хотелось бы. В одной семье вырастают как «правильные», так и «неправильные» мальчики и девочки. Дети могут демонстрировать более традиционное или более радикальное поведение по отношению к родительским ценностям. В отказе детей, и особенно подростков, воспроизводить родительские образцы и проявляется личность самого ребенка как активного мыслителя, самостоятельно придающего смысл миру и своему месту в нем.

Дети могут использовать как мужской, так и женский стиль поведения, если не ощущают на себе давления. Если они взрослеют в атмосфере, где социальные характеристики пола изменчивы и эти изменения не связаны с моральными табу, то гендерная игра становится более яркой и естественной. Если бы не поддерживались стереотипы о мире как вечном противостоянии мужского и женского, а возможности проявления «мужских» и «женских» качеств не были бы ограничены репродуктивной способностью, но определялись бы свободным выбором человека, то гендерное взросление не выглядело бы столь драматичным. Но в реальности очень трудно отделаться от представления о «естественном» предназначении и соответствующей ему демонстрации женского и мужского пола. Это и есть власть патриархатной идеологии, которая в большей или меньшей степени присуща нашему самовосприятию и отношению к другим.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СЕБЯ КАК МАЛЬЧИКА ИЛИ ДЕВОЧКИ

Дети, как и взрослые, включены в общество, в котором властные позиции принадлежат мужчине. Мужское господство — явное или приписанное — означает не только мужское превосходство в смысле силы и власти по отношению к женщине, но и противоположность жен-

шине. Когда мы говорим своему ребенку «хороший мальчик», мы не просто хвалим его за хорошее поведение, но и подчеркиваем возраст, пол, а также соответствие существующим нормативам. Эта лингвистическая форма — не просто слова, а определенный подход, в котором есть ребенок, взрослый, детское поведение, заслуживающее похвалы, потому что оно соответствует мужскому гендеру. Мальчик слушает и понимает, что это не просто наша оценка его действия, но улавливает черты мужского, которые подчеркиваются нами как правильные.

Принятие социальной позиции — мужской или женской — это еще и психологический процесс. Восприятие своего тела, отношение к нему как женскому или мужскому занимает здесь ведущее место. Самым важным гендерным маркером, т.е. знаком, позволяющим определить половую принадлежность, является одежда и прическа. Первоначально это полностью находится в руках родителей, именно они стараются формировать базовые представления о надлежащей полу внешности. У каждого в памяти наверняка есть одна или несколько историй о том, как тяжело и сложно переживались в детстве моменты гендерного сбоя (несоответствия). «Какая у вас красивая девочка! — Но это сын! — Да? А выглядит, как девочка!» Или, например, девочка, одетая в спортивный костюм, сталкивается с тем, что ее принимают за мальчика. Она замечает, что взрослые не только огорчаются, но и сердятся, когда не могут сразу разобраться, кто она есть. Если же она не хочет носить платье, то ей приходится придумывать какие-то прически или применять косметику, чтобы, не изменяя привычек, не вызывать агрессии.

По наблюдению ученых, занимающихся детством, платье занимает центральное место в том, как мальчики определяют девочек. Отмечаются также различия в пластике девочек и мальчиков: мальчики держатся более свободно, чем девочки, принимая доминирующие в пространстве позы. Девочки, проявляющие пластическую свободу, оцениваются и мальчиками, и другими девочками как сексуальные провокаторы и «доступные». Несмотря на распространение стиля «унисекс», юбки и брюки остаются важными внешними признаками гендерного распознавания. В определенном смысле это больше, чем просто одежда. Это — культурные коды. Они не только конструируют и сексуализируют девочек, они могут действовать как важный маркер (определитель) маскулинного и феминного способа/образа жизни. При этом перевернутое ис-

пользование юбок и платья, например в контексте культур, где это является мужским кодом (например, в Шотландии или Индии), принципиально не меняет этой установки. Юбка и платье, которые надевает мужчина, ничуть не подрывают его гендерную идентичность, а воспринимаются как пусть и экзотическое, но прямое доказательство мужественности (как, впрочем, и длинные волосы), тогда как постоянное ношение брюк женщинами, если они не стилизованы особым образом, как и «мужская» стрижка, продолжают восприниматься, пусть и не столь значительно, как прежде, но все-таки как вызов своей феминности.

Еще один культурный код связан с особым публичным поведением мальчиков и девочек. Так, ученые обратили внимание на то, как происходит демонстрация феминности и маскулинности в спортивных состязаниях. Для девочек характерна тактика «сдерживаемой интенсивности», которая связана с привычкой видеть себя в первую очередь в качестве объекта другого (мужского/мальчикового) взгляда и стремлением показать свою «хрупкость», слабость, подчас в ущерб реальным возможностям.

Чем более девочка воспринимает свой статус как феминный, тем больше она воспринимает свое тело как хрупкое и немобильное, и тем больше она научается его сдерживать. Девочка в большей или меньшей степени с раннего детства начинает проживать свое тело как объект: быть «настоящей» женщиной — это жить с постоянным ощущением того, что ты будешь предметом взгляда/рассматривания, и того, что в фокусе внимания будет твое тело. Следовательно, нужно научиться презентовать себя как потенциальный объект для манипуляций другого субъекта, а не проявлять активность и выражать собственные стремления. Культивирование в модельном бизнесе в качестве единственного эталона стандартизированного женского тела (90—60—90) порождает у растущих девочек, тело которых не соответствует этим нормативам, глубокие психологические переживания и даже травмы.

Поддерживать «естественные» гендерные требования — значит занять удобную позицию и избежать нареканий в «уродстве». Далеко не все современные подростки соответствуют этим требованиям. Однако тем, кто однажды телесно, эмоционально и сознательно воспринял образцы доминирующих/подчиненных форм гендерных отношений, невероятно трудно представить себе, а тем более практиковать, какие-то альтернативные формы. Сила гендерных стереотипов в том, что они, будучи поддерживаемы большинством, маскируются под бесспорные факты,

не требующие доказательств. Поэтому выбор других стратегий поведения, не согласующихся с доминантной (мужской) и подчиненной (женской) моделью демонстрации гендера, может быть расценен не только окружением, но и самим человеком не просто как «неправильный», а как аморальный. Если ребенку/подростку даются сигналы, что его/ее гендер не узнаваем, это может ощущаться им/ей не просто как не та одежда/прическа/поведение, а как моральное пятно, «ошибка природы», уродство.

Для доказательства существования половой/гендерной дихотомии ссылаются на качественные различия между мальчиковой/мужской и девичьей /женской культурами. Мальчики собираются в большие группы, объединяются по принципам иерархии, соревновательности, спорта, «приколов» и агрессивности. Девочки стремятся к поддержанию атмосферы «лучших друзей», ориентированы на кооперацию, а не соревновательность, в большей степени ценят эмоциональность, предпочитают демонстрировать «хорошее, правильное» поведение. Все эти рассуждения выглядят слишком стереотипно, на самом деле мир детей более сложен, подвижен и текуч. Почему же *всех девочек* нужно непременно сравнивать со *всеми мальчиками*? Ведь это преувеличивает гендерные различия, не учитывая вариаций внутри одного гендера (*между мальчиками и мальчиками и между девочками и девочками*), которые зависят от статуса родителей, национальных особенностей и т.п.

Начиная с шестого-седьмого класса отношения детей/подростков внутри своих компаний становятся иерархичными — как у мальчиков, так и у девочек. Иерархии могут строиться по разным основаниям, где в качестве успешной маскулинности и феминности могут выступать разные типы. Внутригендерные различия могут оказаться более значимыми, чем межгендерные. Но, к сожалению, эти различия теряются, когда их начинают оценивать с помощью бинарного языка «мальчики против девочек». В этом также проявляется власть гендерной идеологии.

ДЕВОЧКИ

Принято считать, что современным девушкам сложнее преодолевать барьеры взросления, чем юношам. С этим можно поспорить. Девушки и юноши растут не в изолированных пространствах (даже

если речь идет о жестких патриархальных семьях), а рядом друг с другом, отражая, воспроизводя в себе и те, и другие черты.

Именно взрослые усложняют процессы взросления. Существует устойчивый стереотип относительно генетических предрасположенностей мальчиков и девочек. Мальчики «по природе своей» должны быть более агрессивны, поскольку они отвоевывают новое пространство, формируют новые нормы, разрушая прежние. Девочки «по своей природе» испытывают потребность в воспроизводстве традиционных, патриархальных ролей. Если же девочка агрессивна и жестока, то эти качества стереотипно связываются с ее «проблемной» сексуальностью. Девочки в глазах взрослых совершают в этом контексте двойное нарушение: по отношению к общепринятым нормам вообще (как и мальчики) и по отношению к мужчинам и мальчикам, поэтому их сексуальная агрессивность («реальная», а чаще всего приписываемая) всегда вызывает большее общественное порицание. Подобное отношение к девочке обусловлено конечно же общественным отношением к женщине в целом.

Здесь уместно обратиться к понятию гендерной нечувствительности или «слепоты». Это «мягкая» форма сексизма*: речь не идет о прямой или скрытой дискриминации или маргинализации девочек/женщин — их просто не замечают. Когда говорят о молодежи, то по умолчанию рассуждают исключительно о мальчиках, которые воспринимаются как синоним молодежи в целом, не обращая внимания на особенности как эпатажных, публичных, так и повседневных, скрытых женских молодежных действий. Особенно ярко гендерная слепота проявилась в теориях молодежных субкультур, в которых эти субкультуры обычно представляются как исключительно мужские, а сложности подросткового периода сводятся к половому созреванию, гормональному всплеску, и весь процесс взросления представляется по умолчанию — взрослением мальчиков-подростков. Девочки оказались абсолютно «невидимыми».

* Сексизм, по определению английского ученого Э.Пиденса, — это установки и убеждения, в соответствии с которыми представителям одного или другого пола ложно приписываются (или отрицаются) определенные качества, что приводит к усилению полового неравенства.

«ВИДИМЫЕ» МУЖСКИЕ И «СКРЫТЫЕ» ЖЕНСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Субкультурный подход оказался самым «живучим» из всех молодежных теорий XX века. В термине «субкультура» подчеркивался андеграундный характер молодежных групп и их отличие от господствующей культуры. Со временем наиболее яркие субкультурные формирования приобрели свои имена – Тедди Бойз (у нас – стилияги), моды, скинхеды, растаманы, панки, готы, рейверы и др. Они были открытыми, демонстративно бросающими вызов принятым канонам, и сразу стали рассматриваться как опасность, сначала – существующему порядку, а затем – общественным ценностям и буржуазной идеологии в целом. Субкультурные *имена* возникали одно за другим и с помощью средств массовой информации закреплялись за новыми культурными формированиями. Их начали активно исследовать. При этом внимание было обращено только к мужчинам, да и сами исследования проводились в основном мужчинами. Скрытые стороны поведения, не только женского, но и мужского, долгое время оставались за рамками изучения.

Сторонники феминистского подхода главным недостатком субкультурных теорий считают полное игнорирование участия девушек в субкультурах, отсутствие внимания к взаимоотношениям мальчиков и девочек, субкультурной сексуальности, отношению разных групп к семье и женитбе. Игнорировались субкультуры, в которых центральным моментом было доминирование особых сексуальных норм и телесных экспериментов (не только гейская и лесбийская субкультуры, но, например, сексуальные мистерии готов, агрессивный сексизм скинхедов, инфантильная сексуальность рейверов и др.). Гендерная нечувствительность распространялась и на территориальное позиционирование мальчиков и девочек. Молодежь представлялась *мальчиками*, которые вели себя «как мальчики» и проводили свое свободное время, как правило, на улицах. Девочки рассматривались как «маленькие жены и матери», свободное время которых проходило «где-то там» внутри родительского дома.

Исследователи феминистского направления изучают автономные девичьи культуры (особенно девочек из рабочей среды). Были показаны характерные для них формы сопротивления как brutальному сексизму мужчин-сверстников, так и дискриминации внутри семьи, сис-

темы образования и рынка труда. Исследование, проведенное Анжелой МакРобби в конце 1980-х годов, показало, что девочки входят в субкультуры, занимая в них маргинальные позиции, что отражает «нормальные» сексуальные установки парней, для которых девушки – это прежде всего «girl-friends». Интересно, что девушки-скинхедки и панкушки, бросая вызов генеральной линии феминности своим субкультурным выбором, в пределах своей субкультурной группы продолжали поддерживать традиционные гендерные различия и распределение властных ролей. По мнению исследовательницы, не существует каких-то особых женских субкультур (в противоположность мужским). Однако она обратила внимание на особые способы общения девушек между собой. Эти девичьи тусовки МакРобби назвала «культурой спальни» (bedroom culture). Стремясь к автономности и убегая от контроля не только взрослых, но и мальчиков-сверстников, девочки собираются вместе у одной из подруг, обсуждают свои переживания, сексуальность, свои влюбленности, демонстрируют покупки. В принципе происходит то же самое, что и в мальчишеских компаниях, отличие одно – девичьи группы менее заметны.

Отметим, что в последнее время девочки становятся все более «видимыми», отвоевывая себе пространства в публичной сфере – клубах, кафе, на улицах.

ПОДРОСТКОВАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ: ДЕВОЧКИ ПРОТИВ МАЛЬЧИКОВ?

Палитра молодежных представлений о сексуальности и сексуальном поведении очень разнообразна. Индивидуальные стили сексуальности подростков варьируются от пуританско-аскетических (возрождение религиозных культов девственности и чистоты через модные постспидовские и проамериканские тенденции «здорового образа жизни», телесные практики воздержания) до культа тантрических практик «бесконечного оргазма», унисексуального освобождения, киберсекса и психоделических поисков других сексуальных реальностей.

Взгляд на сексуальность в прошлом был проще. Девочки рано становились женами и матерями, защита своей невинности, девственности была необходимым условием привлечения подходящего мужа. Взросление мальчиков происходило в контексте стремления к карьере,

вполне приемлемым для них считалось, что они могут «разбрасывать дикие сексуальные зерна» по мере освоения социальной роли защитника семьи. Сегодня идеи о «правильном» и «неправильном» сексуальном поведении выглядят сложнее, границы между хорошими и плохими мальчиками и девочками не столь отчетливы. Девушки и юноши вовсе не склонны к раннему замужеству и женитьбе, в то время как их половая зрелость наступает намного раньше, чем прежде.

Временной интервал между физическим созреванием и усвоением традиционных ролей вместе с абсолютной доступностью контрацепции приводит к тому, что сексуальность, женитьба и обзаведение детьми — разъединяются не только во времени, но и по смыслу. Западные ученые выделяют три исторических периода, для которых характерны различные сексуальные стандарты. Первый — конец 1940-х — начало 1950-х — был периодом «двойных стандартов», с социально принимаемой (одобряемой) сексуальной активностью мальчиков и запрещаемой формой активности для девочек. В следующие лет двадцать считалось, что добрачный секс позволителен для молодых людей, которые собираются вступить в любовные отношения, в качестве прелюдии к браку. С конца 1960-х свадьба перестает быть очевидной необходимостью для многих сексуально активных девушек и юношей в равной степени. Часто это объясняется «сексуальной революцией» 1960–1970-х годов, которая принесла с собой толерантное, «разрешающее» отношение к молодежной сексуальности, внимание к личному удовольствию и сексуальному удовлетворению. В обществе в целом сформировалось благосклонное отношение к поздним бракам, спокойно воспринимался добрачный секс. В последние десятилетия XX века ситуация заметно изменилась. Что же могло так сильно повлиять на заметную стабилизацию уровня сексуальной активности молодежи? Предлагались различные объяснения, среди которых — частичное возрождение религиозных верований; боязнь заразиться СПИДом; высокая эффективность «социальной» рекламы, посвященной рискам, связанным с ранней сексуальной жизнью. Однако, на наш взгляд, отмечаемая большая сексуальная сдержанность — это определенное преувеличение, или то, что можно отнести лишь к части молодежи нашего времени. Разрыв между началом сексуальной жизни (по данным российских исследований молодежи, это 15–16 лет) и вступлением в брак (в среднем 24–25 лет) сохраняется, и большинство молодежи ведут в этот период достаточно активную сексу-

альную жизнь, для которой характерна частая смена партнеров. Довольно опасная процедура — пытаться свести все многообразие сексуального поведения подростков к некоему общему знаменателю.

К концу 70-х годов прошлого века практически впервые в зоне внимания ученых-социологов и психологов начинают появляться молодые женщины, правда, специфическим образом — в связи с проблемой проституции. И здесь не обошлось без стереотипов. Женская проституция всегда рассматривалась в связи с женской *гетеросексуальностью*, а мужская — мужской *гомосексуальностью*. Мужская подростковая сексуальность не считалась проблемой, если она была связана с «нормальным» мужским поведением, сексуальная испорченность молодых мужчин связывалась исключительно с подростковой гомосексуальностью, в чем, пусть неявно, проявлялся сексизм: женская сексуальная (подростковая) испорченность изучалась в контексте «естественной, природной», а мужская — «искусственной, насильственной». Проституция определялась как качество «соблазнительниц», направленное на провокацию мужских гетеросексуальных импульсов, чем еще больше подчеркивалось, что все молодые женщины потенциально находятся в «зоне риска». Женская преступность могла объясняться ненормальным гормональным развитием и спецификой строения женских хромосом. То есть девочек следовало защищать не столько от мальчиков, сколько от их собственной повышенной сексуальности. Причины отклонений в поведении женщин чаще всего искали в особенностях семейного воспитания и условий жизни. Молодые женщины изображались или слишком, или недостаточно гетеросексуальными. Слишком — это потенциально испорченные девушки, склонные к гетеросексуальным отклонениям; недостаточно — это девушки с маскулинными чертами и, следовательно, либо склонные к гомосексуальным отклонениям, либо «неперспективные» в смысле реализации своего «женского» предназначения (семья, дети, домашнее хозяйство).

Женская гетеросексуальность связывается исключительно с замужеством и только в этом виде рассматривается как «естественная». Не одобряется как поздняя, так и ранняя женская сексуальность. Это приводит к тому, что наиболее психологически здоровой формой выглядит не феминность, а комбинация маскулинных и феминных характеристик. То есть лучше всего, если девушка научится балансировать между

«очень» женщиной и «вовсе не» женщиной. Девочка/девушка должна быть сексуальной и соблазнительной настолько, чтобы вызывать интерес мальчиков/юношей, но не до такой степени, чтобы провоцировать их на открытые сексуальные действия. Беседы на эти темы с молодыми девушками говорят о том, насколько сложно бывает поддерживать это часто непонятное равновесие. Итак, гетеросексуальная «распушенность» молодых женщин выглядит знаком отклонения от нормы, а молодых мужчин — показателем нормальной маскулинной сексуальности.

ЧТО ЖЕ ВЛИЯЕТ НА ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ?

Больше всего информации о сексуальных нравах и поведении подростки получают из массмедиа. Основные каналы — публикации для подростков (глянец), теле-, радио- и интернет-проекты, разработанные специально для этой возрастной группы. Частым и уже обязательным становится использование эффекта интерактивного диалога, включающего молодежные аудитории в выбор культурных предложений (музыки, поп-звезд, модных трендов). Вместе с этим культурным выбором подростки впитывают новые (модные) гендерные и сексуальные идеи и представления.

Раньше основным источником информации были печатные издания. Так, ученые отмечали, что среди девочек наибольшей популярностью пользовались журналы и романтическая беллетристика; предпочтения мальчиков в чтении были более разнообразны. Подростковая беллетристика способствует формированию и закреплению гендерной идеологии, способов сексуального самовыражения и сексуальной власти. Для девочек подобная идеология связана с конструированием подростковой женственности, привлекательности, желательности женского пассивного поведения и важности этих качеств для привлечения мужчин. Интересы мальчиков-подростков несколько другие: приключения, хобби, «мягкое» порно типа «Плейбой». Они могут стремиться к поддержанию более широкого круга тем, которые не обязательно будут замыкаться на их сексуальной привлекательности, поскольку мужественность в понимании мальчиков — это активность, проявляющаяся не только в сексуальной сфере. Значимыми ролевыми моделями для подростков обоих полов являются поп-звезды. Подростки 50-х падали в обморок от звуков голоса Франка Синатры, поющего «Любовь — невероятная вещь»

или «Наша любовь должна остаться здесь». В начале 90-х подростки слушали сексуально проблематичную лирику Майкла Джексона и Мадонны: «Эротика, эротика, пройдишь руками по всему моему телу», с их вызовом и гендерной, и этнической идентичности. Середина 90-х принесла с собой сверхтокровенные сексуальные тексты нового рэпа. Российский вариант — «Мальчишник»: «Секс, секс, как это мило, секс, секс без перерыва».

В начале XXI века настоящий переворот в публичной девичьей сексуальности произвел дуэт Тату. Главный вызов их имиджа и текстов связан с тем, что они стали олицетворением новой девичьей силы, построенной на отказе подчиняться власти взрослых (право на подростковую сексуальность), власти мужчин (право на свободу «Нас не догонят!»), власти нормативной гетеросексуальности (право на гоможелание: «Я сошла с ума — мне нужна она!»). В результате получилась гремучая смесь, эффект их выступлений был подобен шоку — нравственному, культурному, гендерному и сексуальному. Скандальный имидж вместе с особым типом музыкальной гармонии, резкими переходами от оглушительно громкого звука к тишине и шепоту — стали открытием не только для российской молодежи, но и для западной. На какой-то период «татушки» воспринимались чуть ли не как новый культурный бренд России. Несмотря на довольно широкое распространение гомофобных настроений среди подростков (прежде всего — мальчиков-подростков), они стали кумирами не только девочек и мальчиков, но и более взрослой молодежи. Конечно, за этим эффектом стоит очень тонкий и рассчитанный на скандал продюсерский ход. Вызов, брошенный Тату, был воспринят многими девушками, породил особый тип девичьего прикола на танцполе — демонстрацию, а чаще — имитацию лесбийских отношений. В целом, видеоклипы поп- и рок-звезд воспринимаются подростками как демонстрации сверхуспешности их карьеры. Культовые героини становятся все более мощными трансляторами образов сексуальности, которые впитываются подростками не только через тексты их песен, но и пластику, поведение, «звездную хронику».

Несмотря на существование индивидуальных и групповых вариаций, молодежные культуры и субкультуры дают подросткам популярные модели того, что «хорошо», «правильно», «модно». Этот сложный, мозаичный комплекс идей и ценностей охватывает большую часть молодежи. Благодаря доступности и общности современных медиа, новые тренды моментально становятся достоянием подростков практически

ки во всех уголках света. Включение в это пространство требует от них постоянной готовности к осмысленному выбору — что принимать, а что отвергать в этом культурном потоке.

Надо отметить: индивидуальное сексуальное поведение в большей степени связано с тем, *как* подростки *представляют себе* то, что происходит с их сверстниками, чем с тем, *что имеет место в реальности*. Среди подростков достаточно распространена точка зрения, что их сверстники более сексуально активны, чем они сами. Имиджи мужчины-мачо, женщины-вамп и топ-моделей активно используются подростками в публичных демонстрациях своей сексуальности, являются значимыми моментами в поддержании ими самоуважения и движения по направлению к зрелости. Однако поскольку массмедиа редко дают последовательное описание сексуальных отношений, оставляя подростков без точного сценария, девушки и юноши сталкиваются лицом к лицу с необходимостью самостоятельно классифицировать различные «способы» и, продираясь через путаницу и неясности, развивать собственные работающие модели сексуальной жизни.

Таким образом, родители, как бы они этого ни хотели, вовсе не являются единственными ролевыми моделями для подростков. Молодежь строит свои представления в многомерном пространстве противоречивых советов о достойном и правильном стиле взрослой сексуальности. В зависимости от культурного контекста среди этих моделей могут одновременно присутствовать и стабильное моногамное замужество (женитьба), развод, и выбор новых партнеров, одинокое родительство, частая и свободная смена партнеров, гомосексуальные пары, официальное или неофициальное многоженство. Взрослое сексуальное «наследство», представляющее собой пространство для выбора, туманно и неоднозначно: если раньше существовали какие-то более или менее принимаемые большинством нормативные векторы, то сегодня взрослые часто выглядят абсолютно беспомощными в попытке передать подросткам какой-то опыт.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ

Какие они — современные девочки и мальчики, юноши и девушки, молодые женщины и мужчины? Думаю, самое главное не пытаться понять, чем же их «молодежный» гендер отличается от «взрослого». Гендерная социализация, как, впрочем, и другие виды включения в общество, вовсе

не заканчивается в отведенный учеными и политиками отрезок «молодости». Сегодня само понимание взрослости, как достигнутой зрелости, следовательно — завершенной идентификации (полного понимания, *кто Я есть*), вызывает справедливую критику. Нет такого движения по маршруту «детство—взрослость», где важно вовремя войти и выйти. В современном обществе, в российском в том числе, отсутствуют проверенные «тропы» социализации. То есть такие последовательные формальные ступени, найдя которые подросток уже гарантирует себе «правильное» и одобряемое взрослое и зрелое «Я».

Так, например, во всех тоталитарных общественных системах существовали/вуют одобряемые и поддерживаемые властью каналы социализации, гарантирующие более или менее беспроблемное включение в структуру и получение соответствующего статуса. В СССР это был мощный и «единственно верный» канал: октябренок — пионер — комсомолец — член КПСС. Эта идеологически партийная принадлежность была не только классовой, политической, культурной, этнической, но и, конечно, гендерной. За «неправильное» женское или мужское поведение/позиционирование разбирали на собраниях, проводили беседы с родителями, исключали из школ и институтов. Конечно, не стоит упрощать. Во все времена, в том числе и советские, молодежь была разной. Но мы говорим о нормативной гендерной идентичности, правилах женского и мужского показа, приписываемых конкретным обществом. Принцип подчинения личных интересов интересам коллектива и общества, идеал жертвенности и подвига, не могли не сказаться на требованиях общества, предъявляемых к молодежи. Базовой идентичностью была классовая, девушки и юноши росли как наследники социального происхождения родительской семьи (рабочие, колхозники, служащие/интеллигенция), и это было самым главным.

Сегодня картина совсем другая. Основным стержнем формирования современной личности становится индивидуализация, что значительно переворачивает всю ценностную систему. Индивидуализация — это не обязательно эгоизм и пофигизм. Это своего рода внутренний ресурс, собственный внутренний капитал индивида, способ более самостоятельного управления своей жизнью, когда ни один из социальных институтов не является образцом «правильной» социальности: надейся только на себя, и получишь только то, чего сам/а достигнешь.

Вариантов жизненных путей, троп социализации стало невероятно много. Другое дело, что множественными стали и типы соци-

ального расслоения: бедные и богатые, жители столиц и периферии (сельской местности особенно), имеющие доступ к значимым ресурсам (культурным, образовательным, трудовым) и не имеющие их.

Кто же сегодня является образцом для подражания, чьи авторитеты наиболее значимы в процессе формирования женского и мужского? Просто и кратко на эти вопросы ответить вряд ли удастся. Очевидно, что роль родителей и учителей как ключевых фигур в гендерном воспитании не столь важна, как прежде. Сегодняшние *гуру* молодежи – это поп-звезды, медиа-кумиры, лидеры своих компаний, культовые фигуры. Именно они выступают образцами «правильных» женщин и мужчин, достойных подражания. Контакт со своими настоящими «учителями» чаще всего виртуальный, что несколько не снижает эффекта, поскольку виртуальная коммуникация (интерактив) уже стала одним из ведущих каналов социализации. Девушкам и юношам не столь важно, чтобы их видели и даже слышали, – важно найти понимание в среде тех, кого они считают «своими». Молодежь обучается правилам «нормальной» гендерной игры: от гопнических и полукриминальных правил «жизни по понятиям» – к актуальной, продвинутой альтернативной толерантности.

В ситуации ценностно-нормативной нестабильности значимость культурных, в том числе и гендерных, образцов становится стержнем взросления. Пространство женского – мужского: реального, символического, виртуального – это поле красочного маскарада, общей игры, в которой, так или иначе, участвует вся современная молодежь. Сексуальная привлекательность – значимая и широко обсуждаемая сторона имиджа, стала базой современной популярной культуры. Варианты гендерных самопредставлений похожи на красочную мозаику, в которой трудно определить, где консерватизм, а где – новаторские провокации, где модные, продвинутые тренды, а где – рутина или мешански обывательское ханжество. Пожалуй, именно в гендерной игре, как ни в чем другом, выражается разнообразие индивидуальностей и демонстраций жизненной стилистики современных девушек и юношей. Вот несколько портретов.

Так называемая *нормальная* молодежь – эти девушки и юноши придерживаются традиционно патриархальных нормативов и правил, стремятся продемонстрировать (правда, не обязательно следовать) «правильный» гендер. Палитра традиционного публичного «женского маскара-

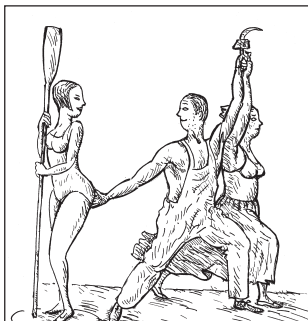
да» современных девушек более разнообразна, чем прежде. Она вовсе не предполагает обязательств «скрывать или удерживать проблемную сексуальность» или отказываться от карьерных притязаний. Традиционные черты «хранительниц очага», «домашних хозяек», «слабых и надеющихся на защиту существ» удивительным, а иногда парадоксальным образом сочетаются с прикидом гламурной красавицы, супермодели и женщины-вамп. Так, например, подчеркнуто открытая грудь (полу/обнаженная) и открытые много выше колен ноги вовсе не обязательно ассоциируются с распушенностью, а культивируются в этой среде как признак правильной и перспективной феминности: удачное замужество, карьера, статус. Нормативность (традиционность) этих ролей проявляется в том, что они так или иначе вписываются в контекст подчиненной и подчеркнуто преувеличенной женскости, ожидающей мужского взгляда и оценки.

Гендерные презентации юношей этого культурного стиля не столь разнообразны, однако они мало похожи на традиционные представления о мужчинах — качках и мачо, которым не свойственны сомнения, слабость или поражения. Ключевой момент, отличающий традиционную (не обязательно гегемонную) маскулинность современных юношей от других, более продвинутых стратегий, — это их патриархальные, гомофобные и ксенофобные настроения. Или, иначе говоря, для них характерна демонстрация уверенности *в природой данном мужском превосходстве, противостоителю мужской гомосексуальности*, а также *немотивированной неприязни к «другим»* — чужакам, национальностям, расам. Но публичные гендерные проявления современных юношей, демонстрирующих эти правила, могут быть вариативны. Так, например, практически обязательным для современных юношей является демонстрация сексуальности, что еще недавно считалось признаком «голубизны» и всячески избегалось. Активное продвижение с помощью рекламы модного мужского тренда «метросексуала», завоевавшего невероятную популярность благодаря его «лицу» — Дэвиду Бэгхаму, значительно ослабило противостояние, существовавшее в контексте мужской нормативности между натуралами и гомосексуалами. По идее маркетологов, разработчиков нового мужского образа, метросексуал призван соединить в себе черты гегемонной маскулинности (верный муж, заботливый отец, добытчик и кормилец) с привлекательностью образа ухоженного, нежного и гладко выбритого гомосексуала.

Основными достоинствами гендерных стратегий *продвинутой* (альтернативной, субкультурной, неформальной) молодежи признается эксклюзивность, непохожесть, отказ от следования принимаемым большинством *правилам мужского и женского*. Для этой молодежи характерны культурные практики, которые «переворачивают» привычное восприятие одежды, использование традиционных потребительских знаков в эпатажном контексте. Это может быть юбка у мужчины или бритая голова у женщины, множественный пирсинг, унисексуальный прикид или, наоборот, доведенный до абсурда гламур у обоих полов. Здесь отсутствуют жесткие границы мужского и женского. Причем отказ от такой маркировки может иметь и «тихие» проявления — например, отказ молодых женщин пользоваться косметикой и носить подчеркнуто дорогие, демонстративно «женские» наряды. Или мужское противостояние, выражающееся в ярком, красочном и самом «немужском» гардеробе. Ключевыми моментами этих стилей являются не только стремление и демонстрация эксклюзивности в одежде и пластике, но и принятие других вариантов гендерных и сексуальных практик, связанных с процессами ухаживания, выбора партнера, формой совместной жизни, отношением к семье, рождению детей, распределению обязанностей и власти.

* * *

Итак, обучение гендеру происходит в контексте и под влиянием детских и юношеских сообществ, привязанностей, включенности в теле- и радиопроекты, интернет-коммуникацию, усвоению (быстрому или медленному) правил гендерных режимов школьной, студенческой, рабочей жизни. Все мы рано или поздно вырастаем в мужчин или женщин в том смысле, в каком мы сами это понимаем и чувствуем. Наша идентичность может меняться, корректироваться в течение всей жизни вслед за меняющейся реальностью. Современных вариантов женского и мужского, женщин и мужчин очень много. Мы все больше и больше узнаем о них, часто это знание нам навязывается даже против нашей воли. Благодаря этому мы, более или менее добровольно, можем выбирать и следовать тем образцам, которые нам ближе, в которых мы чувствуем себя комфортнее, которые помогают нам реализовать свое предназначение и быть счастливыми.

И. ТАРТАКОВСКАЯ

МАСКУЛИННОСТЬ:

ВСЕ МУЖИКИ – СВОЛОЧИ?

Р

Разговор о гендерных исследованиях и гендерных отношениях чаще всего ассоциируется с женщинами, женскими правами и проблемами и нередко воспринимается как нечто потенциально враждебное мужчинам, которых будут напропалую обвинять в сексизме и прочих смертных грехах. Но на самом деле, гендерные исследования и гендерная теория отнюдь не направлена на то, чтобы вырвать как можно больше прав у мужчин и отдать их женщинам. Эти исследования весьма чувствительны и к специфическим мужским проблемам, которые не менее серьезны и болезненны, чем женские. Гендерное неравенство — это классическая «палка о двух концах», которая загоняет как женщин, так и мужчин в определенные довольно жесткие рамки, безотносительно к их индивидуальным свойствам, желаниям и представлениям о счастье. Какую же цену за подобную организацию общества приходится платить мужчинам?

«ЧТОБ СТАТЬ МУЖЧИНОЙ – МАЛО ИМ РОДИТЬСЯ...»

Мужчина, конечно, — это не в последнюю очередь биологическое существо, обладающее определенными половыми признаками. Но с точки зрения общественных ожиданий самих по себе половых признаков всегда оказывается мало: от мужчины требуется еще и некое «мужское» поведение. Недаром в популярной песне группы «Ленинград», которая называется «Дикий мужчина», атрибутами последнего являются «яйца, табак, перегар и щетина». В этом примере хорошо видно, как тесно биологические признаки мужчины переплетены с социальными, то

есть определенным стилем жизни: одних «яиц», даже вместе со «щетиной» (хотя щетина уже является элементом определенной работы над собой: это ведь не борода все-таки, значит, ее обладатель иногда бреется) для убедительного образа недостаточно, нужно добавить еще дополнительные признаки брутальности — запах табака и алкогольного перегара.

Быть именно «диким мужчиной» совсем не обязательно и далеко не всегда приятно. Но каким-то набором мужских, иначе говоря, маскулинных, качеств каждый биологический мужчина должен обязательно обладать, иначе его мужской статус может быть подвергнут сомнению. Общественные санкции по отношению к недостаточно мужественному или похожему на женщину мужчине всегда были гораздо жестче, чем по отношению к недостаточно женственной женщине.

И это действует, начиная с самого детства: мальчики гораздо более ограничены рамками приемлемого поведения, чем девочки, которым довольно долго позволяется быть «сорванцами». Родители обычно не очень озабочены своими дочками, которые участвуют в престижных «мальчишеских» видах деятельности, например гоняют в футбол. Они считают это временным явлением, которое потом пройдет, сменившись интересом к нарядам и кавалерам. Если мальчика называют «девчонкой», это имеет однозначно негативный смысл, воспринимается как оскорбление, наносимое с презрением и насмешкой. Для девочки же прозвище «настоящий парень» имеет гораздо более позитивный смысл, и им можно гордиться. Это различие как в зеркале отражает общественные приоритеты более высокого порядка, которые обесценивают все женские проявления по сравнению с мужскими. Пытаясь структурировать свой мир, мальчики быстро усваивают и даже преувеличивают неполноценный статус девочек и женщин и приписываемых женскому полу качеств.

Хотя в последние годы так называемые идеалы мужественности и женственности начали совпадать больше, чем в прошлом, наиболее существенные «маскулинные» идеалы, предписываемые мальчикам и мужчинам, по-прежнему весьма отличаются от «фемининных». Правда, надо учитывать, что эти идеалы различаются в зависимости от принадлежности мужчины к социальному классу, и тут мы сталкиваемся с противоречиями внутри представлений о маскулинности. Например, любые мужчины должны быть активной стороной: в противоположность приписываемой женщинам пассивности, от них ожидается-

ся наличие большей физической силы, агрессивности, настойчивости и инициативности. Предполагается, что они будут независимы, амбициозны, стремиться к соперничеству. Не случайно эти характеристики совпадают с теми, которые необходимы для успеха в экономической системе, основанной на конкуренции. По сравнению с ними, женские идеалы направлены на то, чтобы в основном исключить эту возможность: от женщины как раз ожидается уступчивость и мягкость.

Другими словами, мужчина обязательно должен быть успешен. Однако для мужчин из рабочего класса успех обычно ограничивается обретением практических и технических навыков. Эти навыки традиционно относятся к сфере специфически мужских занятий, в то время как занятия наукой, обеспечивающие мужчинам лучшую карьеру, парадоксальным образом воспринимаются как более пассивные и «женственные». Но именно мальчики из высших классов, обучающиеся в элитных школах, готовятся к занятию лидерских позиций в бизнесе и получению престижных специальностей. Мальчики же из рабочих семей готовятся к вступлению в ряды массовой рабочей силы, при этом у них вырабатываются многие «идеальные» мужские характеристики (агрессивность и доминирование), которые на самом деле вряд ли им удастся проявить на работе. Над кем они могут доминировать? Товарищами по цеху? Обрабатываемой деталью? Поэтому эти качества находят выход в сфере досуга: в спорте, например, и во взаимоотношениях с девушками и женщинами.

Итак, чтобы не получить позорное прозвище «девчонка» (а когда вырастет, так и вовсе «баба»), мужчина должен быть мужественным, то есть обладать маскулинностью. На практике это означает, что он должен следовать определенным сценариям поведения и иметь такие взгляды, которые бы соответствовали этим сценариям.

Известный английский социолог Энтони Гидденс описывает традиционную нормативную мужественность как совокупность таких черт, как:

- стремление доминировать над другими мужчинами в сфере общественной жизни;
- наличие двойного стандарта (что допустимо для мужчины, неприемлемо для женщины, и наоборот);
- разделение женщин на «чистых» (на которых можно

- жениться) и «нечистых» (проституток, содержанок, ведьм);
- понимание половых различий, как незыблемых, данных Богом или Природой;
 - представление о женщинах, как существах иррациональных, с неясными желаниями и действиями (женщина как проблема);
 - разделение труда по признаку пола, мужчины могут выполнять только «мужскую работу».

Мало кто оспаривает это описание признаков «настоящего мужчины». Другое дело, почему мужчины должны быть именно такими? Определено ли это природой или воспитанием? Можно ли что-то изменить в этой картине, и стоит ли это менять? На эту тему высказано множество точек зрения. Рассмотрим наиболее интересные из них.

ОБЪЯСНЕНИЯ МАСКУЛИННОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ МУЖЧИНОВЕДЕНИЕ

В социальных науках нет единой точки зрения на то, что такое мужественность или маскулинность. В зависимости от своих взглядов авторы предлагают разные объяснения. Так, например, представители направления, которых условно называют «консерваторами» (традиционалистами, фундаменталистами), полагают, что для мужчин вполне естественно быть защитниками женщин и кормильцами семьи, а также политически и социально доминировать. Маскулинное поведение считается соответствующим мужской природе. Но вот по поводу того, как оно сформировалось, тоже есть разные точки зрения.

Моральные консерваторы утверждают, что маскулинность сформировалась в процессе общественного развития как специальный кодекс поведения, призванный регулировать от природы присущие мужчинам антисоциальные наклонности. Другими словами, именно цивилизация заставляет мужчин играть роль отцов, защитников и кормильцев. Самой известной из книг этого направления является труд Дж. Гильдера «Половое самоубийство». Гильдер придерживался весьма пессимистических взглядов по поводу «мужской природы»: он называет мужчин

варварами, стремящимися к немедленному удовлетворению своих желаний. Предоставленные самим себе, мужчины легко прибегают к насилию. Общество может ограничить их необузданную природу только при соблюдении трех условий: во-первых, в обществе должны присутствовать женщины; во-вторых, женщины должны пользоваться «эротической властью», которую имеют над мужчинами; в-третьих, общество должно поддерживать женщин в их стремлении держать мужчин «в узде». Для этого необходимо всячески защищать и пропагандировать святость и нерушимость традиционной семьи. Традиционная маскулинность, таким образом, означает триумф цивилизации над природой и утверждение власти женщин над мужчинами.

Биологические консерваторы, напротив, считают, что социальное поведение мужчин является результатом их природных биологических наклонностей, выработанных в результате эволюционного процесса. Если моральные консерваторы высказывают опасения, что в случае изменения традиционных моделей мужественности и женственности обществу станет труднее удерживать мужчин в рамках цивилизаторской маскулинной роли, и поэтому выступают против феминистских проектов, предлагая свой проект, состоящий в укреплении и «облагораживании» традиционной семьи, то биологические консерваторы не верят в возможность изменения мужской и женской «биограммы» и относительно индифферентны к феминизму, поскольку считают его принципиально утопичным. Свои аргументы они подкрепляют ссылками на эволюционную теорию Чарльза Дарвина, полагая, что она объясняет различные социальные роли мужчин и женщин. Эта позиция ярко представлена Э.Уилсоном, чья книга «О природе человека» была даже отмечена Пулитцеровской премией.

И моральные, и биологические консерваторы широко пользуются такими понятиями, как «женская и мужская природа», «естественное поведение» и т.п. Но за «естественные» и «природные» автоматически принимаются либо просто традиционные образцы поведения, либо те, которые имеют аналогии в животном мире. При этом с животным миром обращаются весьма произвольно. Во-первых, всегда выбираются именно те животные, которые ведут себя «правильно», хотя существуют и другие, которые не образуют ни в каком виде семей, у которых доминируют самки, и т.п. Во-вторых, поведение даже этих «правильных»

животных, у которых самки слушаются самцов, описывается с помощью посторонних по отношению к ним — «человеческих» — понятий. Например, широко используются такие термины, как рабство, война, коммуникация, альтруизм, вряд ли уместные для описания взаимоотношений в животном мире.

Надо сказать, что не так уж мало мужчин разделяют феминистские взгляды на природу своей маскулинности. Они не согласны с тем, что традиционная маскулинность морально оправдана или биологически детерминирована, считают, что она основана на мужских привилегиях, с одной стороны, и угнетении женщин — с другой, но в то же время приносит существенный вред и самим мужчинам. Мыслители этого направления, наиболее известными из которых являются Майкл Киммель, Джозеф Плек, Роберт Коннелл, пишут о том, что маскулинность представляет собой наложенную на мужчин систему ограничений, так же как и фемининность — систему ограничений, наложенную на женщин. Эти навязанные способы поведения поддерживаются с помощью системы санкций, вознаграждений, а также социальных стереотипов и идеалов. Как мужчины, так и женщины лишены из-за этого возможностей свободной самореализации. Лучший способ преодолеть эти ограничения как для мужчин, так и для женщин — борьба с сексизмом и соответствующими стереотипами. Эти авторы предлагают заменить традиционную маскулинность новым типом поведения: мужчины должны выйти за навязанные им рамки, борясь против насилия, заботясь о других людях и помогая создавать общественные организации, основанные на сотрудничестве, а не на соперничестве.

Есть и другое, очень любопытное, направление общественной мысли, связанное с борьбой за права мужчин. В принципе оно разделяет многое из теоретического багажа феминизма, в частности, его трактовку маскулинности как системы ограничений, но его представители считают, что эта система наносит гораздо больше вреда мужчинам, чем женщинам. Если сторонники феминизма описывают маскулинность как набор взглядов и способов поведения, оправдывающих доминирование мужчин в обществе, то сторонники защиты прав мужчин считают ее способом самозащиты, с помощью которого мужчины пытаются справиться с непосильными задачами, возлагаемыми на них обществом. Как писал представитель этого течения Г. Гольдберг, «социальная роль мужчины ста-

ла смертельно опасной». Борцы за права мужчин разделяют феминистское неприятие традиционных гендерных ролей, но полагают при этом, что феминизм, вместо того чтобы помогать мужчинам освободиться от своей «участи смертников», только усугубляет ситуацию. Они полагают, что утверждается новый сексизм, жертвы которого — мужчины. Свою задачу представители этого направления видят в том, чтобы противостоять новому сексизму и способствовать принятию законов, которые защитили бы мужчин от множества несправедливостей, которым они повседневно подвергаются, особенно в сфере законодательства о разводах, опеке над детьми и пресечения домашнего насилия. Наиболее ярко их взгляды выражены в книгах Г.Гольдберга «Риск быть мужчиной» и У.Фаррелла «Миф о мужской власти». Примером деятельности защитников прав мужчин является скандально известная английская организация «Отцы за справедливость», представители которой то залезают на стену Букингемского дворца, то планируют похищение младшего сына премьера Тони Блэра, чтобы привлечь внимание общественности к своим поправленным отцовским правам.

Защитники прав мужчин отмечают зависимость мужчин от женщин, которая начинается в самом раннем детстве. По их мнению, матери воспитывают своих сыновей такими, какими они хотели бы их видеть: способными и обязанными о них заботиться и доставлять им радость. В результате этой зависимости мужчины не умеют строить эмоциональные отношения с другими мужчинами, часто даже испытывают к ним недоверие и ненависть (в том числе и потому, что боятся обвинений в гомофобии). Гендерный идеал маскулинности внутренне противоречив, и полностью соответствовать ему в принципе невозможно, поэтому мужчины попадают в безвыходную ситуацию: с одной стороны, они должны быть защитниками и кормильцами, с другой — их постоянно упрекают за жестокость и душевную черствость. В результате мужчин постоянно преследует чувство вины и даже ненависти к самим себе. В своей аргументации борцы за права мужчин ссылаются на демографическую статистику, указывающую на меньшую продолжительность жизни мужчин, их более частую заболеваемость, самоубийства, гибель в результате несчастных случаев, алкоголизм, наркоманию и криминальное поведение. «Какая извращенная логика, — восклицает Гольдберг, — может указывать на «привилегированное положение мужчин», эмоцио-

нально подавленных, отчужденных от своего тела, изолированных от других мужчин, терроризируемых страхом поражения, боящихся просить о помощи... только и знающих, что свою работу!» О чем-то похожем, кстати, писал и у нас в конце 1960-х годов демограф Б.Урланис: «Принято считать женщин слабым полом. В прямом, физическом смысле — это правильно. Однако демография утверждает обратное: слабый пол — мужчины», — ссылаясь на практически те же самые аргументы (меньшую продолжительность жизни мужчин, их более низкую биологическую жизнеспособность, большую занятость, меньшую эмоциональную связь с семьей). В результате появился популярный лозунг «Берегите мужчин!».

В этих утверждениях много справедливого. Высока цена, которую мужчинам приходится платить за свою маскулинность, действительно, нередко смертельную. Иллюстрацией этого служит современная демографическая статистика: ожидаемая продолжительность жизни для российских мужчин составляла в начале 2000-х годов всего 58–59 лет, то есть большинство из них не доживет даже до пенсионного возраста (для женщин эта цифра составила 72 года). Но насколько справедливо обвинять в этой ситуации женщин? Разве женщины заставляют мужчин пить низкокачественный алкоголь, участвовать в вооруженных конфликтах и бандитских разборках, пренебрегать своим здоровьем? За всем этим стоит определенный стиль жизни («яйца, табак, перегар и щетина»), который действительно эту жизнь здорово сокращает, — и именно он считается стилем «настоящих мужчин». Когда мы говорим о страшной цене маскулинности, не стоит упускать из виду и то, за *что* все-таки приходится платить и почему мужчины не отказываются от своего маскулинного поведения в массовых масштабах.

Маскулинность связана с соперничеством, но она связана и с доступом к власти. Нарисованный У.Фарреллом («Миф о мужской власти») портрет безвластных и одновременно несущих полный груз ответственности мужчин, хотя в чем-то и узнаваем, содержит далеко не всю правду. За критерий безвластия здесь принимается тот физический ущерб, который приносит мужчинам их положение «лидеров поневоле». При этом игнорируются все остальные аспекты властных отношений: возможность контролировать труд и сексуальность других людей, экономическая выгода и т.п. Таким образом, аргументы «защитников прав муж-

чин» описывают логический круг: утверждается, что мужчины на самом деле не обладают ни властью, ни привилегиями, потому что они страдают от последствий этой власти и привилегий. Но мужчины все-таки не только страдают, но и получают совсем неплохие дивиденды, например, в виде распределения общественного богатства, возможности выбирать (и менять) более молодых сексуальных партнерш, в виде непосредственного доступа к политической власти. И именно поэтому, думается, движение за права мужчин пока не стало таким массовым, как феминистское движение.

Еще одно направление можно условно назвать «духовным». Основано оно на убеждении в том, что маскулинность является продуктом глубинных бессознательных архетипов. Эти архетипы лучше всего обнаруживают себя в фольклоре, мифах и ритуалах. Основателем такого мифопоэтического подхода является американский поэт Роберт Блай (1926—), опирающийся на идеи К.Г.Юнга (1875—1961). Суть программы Блая заключается в том, что мужчины должны войти в соприкосновение со своей душой и постигнуть архетипический образец маскулинности, который в настоящее время ими утерян. Его идеи ориентированы не столько на социальные изменения, сколько на личное самосовершенствование мужчин. Ключевую роль в этом самосовершенствовании играет восстановление подлинных ритуалов инициации, через которые должен пройти каждый мужчина. Мужское насилие, недостаток жизненных сил, обеднение отношений отцов и сыновей, а также мужчин и женщин — все это связано с отсутствием таких инициаций. Сходные идеи в поэтической форме выражены в известном фильме Андрея Звягинцева «Возвращение», с той разницей, что режиссер не воспринимает их оптимистически: инициация заканчивается гибелью одного из героев. С самого начала фильма понятно, что маскулинный эксперимент, предпринятый отцом, плохо кончится. Мальчики должны найти *свой* путь в мир взрослых мужчин и понять *свои* проблемы и скрытые стороны личности.

Книга Р.Блая «Железный Джон» стала бестселлером, в основном благодаря тому, что он затронул важную проблему эмоциональной жизни мужчин, подавляемой традиционными нормами маскулинного поведения. Однако мифопоэтический подход не подразумевает никаких научных аргументов в поддержку своих тезисов: он конструирует

фантазию об универсальной «глубинной маскулинности», отражающую, по сути, все те же традиционные стереотипы. Ностальгия по этой «глубинной маскулинности» побуждает «мифопоэтов» идеализировать доиндустриальное прошлое человечества, когда мужчины знали, «что значит быть мужчинами».

Социалистическое направление общественной мысли предложило свою трактовку маскулинности как социального явления, связанного с экономически заданной классовой структурой. В настоящее время маскулинность определяется тем, *кто* какую работу выполняет, *кто* контролирует труд других и *кто* распоряжается продуктами этого труда. Маскулинность различается в зависимости от классовой и расовой принадлежности ее носителей. Негативные эффекты маскулинности, о которых так много пишут представители других направлений, по мнению социалистов, есть не что иное, как отчуждение мужчин, подчиненных производственным отношениям.

Лучше всего эта позиция представлена в работе Эндрю Толсона «Ограничения маскулинности» (1977). Наибольшее внимание он уделяет влиянию работы на маскулинность рабочего. Труд рабочего – тяжелый физически, он отнимает почти всю человеческую энергию. С точки зрения Толсона, само положение рабочего в системе производства определяет необходимость по крайней мере частичного освобождения его от домашней работы. Помимо этого рабочий постоянно чувствует свою незащищенность перед лицом экономических кризисов: он легко может потерять работу или лишиться значительной части заработка. В таких условиях его маскулинность может утверждаться только через физическую силу и нередко через грубость. Рабочий подвергается постоянному контролю, он находится внизу производственной иерархии. Одновременно он ищет стратегии сопротивления этому контролю, которые могут быть успешны, только если будут коллективными. Таким образом, маскулинность рабочего – это маскулинность, разделенная с другими, основанная на групповой солидарности. Особую роль в маскулинности рабочего играет также его семья – единственная сфера жизни, где он может занимать доминирующую позицию.

В отличие от рабочего, маскулинность менеджеров, собственников и специалистов имеет другой характер. Их маскулинность определяется соперничеством друг с другом, а не солидарностью, утверж-

дается за счет материального успеха, карьеры и определенных видов деятельности, например, потребления престижных товаров, «здорового образа жизни» и т.п. Работа для этих мужчин является не только необходимостью, но и средством самоутверждения, «лестницей, ведущей вверх». Большую роль играет умение управлять другими людьми. Утверждать такого рода маскулинность весьма непросто, это почти всегда приводит к эмоциональным перегрузкам, «трудоголизму», чревато нервными срывами. Отношение менеджеров и специалистов к личной жизни также отличается от рабочих: они более склонны к равенству в семье, потому что она не является для них главной ареной самоутверждения.

Общим является то, что и рабочие, и менеджеры по-своему отчуждены от своего труда: рабочие из-за подчиненного положения и неспособности контролировать свой труд; менеджеры же, наоборот, из-за того, что имеют слишком много власти и ответственности, которые им приходится постоянно подтверждать, находясь в состоянии жестокой конкуренции. Обе эти категории к тому же сильно зависят от экономической конъюнктуры. В итоге и те, и другие имеют очень мало пространства для личной свободы.

Нельзя отказать этим наблюдениям в точности. Однако социалистическая концепция объясняет только эти два вида маскулинности, весьма важные для современного общества, но далеко не единственно возможные. Позиция в системе производственных отношений, конечно, очень важная база маскулинности, но нельзя недооценивать и другие ее аспекты — культурные стереотипы, сексуальную ориентацию и т.п. Мужественность топ-менеджера существенно отличается от мужественности рабочего-станочника: они по-разному утверждают себя, играют разные социальные роли. Но существуют ведь и представители богемы, политики, скинхеды, латиноамериканские мачо и белорусские крестьяне... Пожалуй, различного в их мужественности будет больше, чем общего. Наконец, многие черты маскулинностей рабочих и менеджеров присущи и женщинам, занимающим и те, и другие позиции, и, таким образом, мало что объясняет в маскулинности как таковой.

Поэтому говорить о каком-то одном универсальном архетипе, или коде поведения, или «сущности», маскулинности просто бессмысленно. Это имеет прямое отношение и к гендерному неравенству: нельзя сказать, что все мужчины в мире (или даже в «одной отдельно взя-

той стране») находятся в привилегированном положении по сравнению со всеми женщинами. Между разными типами маскулинности есть своя иерархия, свое разделение власти. Так, например, чернокожие мужчины и мужчины-гомосексуалы (или, как их часто называют, геи) имеют другую маскулинность и другие проблемы. Гомосексуалы, например, утверждают, что не участвуют в патриархатных отношениях, потому что не пытаются контролировать женскую сексуальность и не получают от угнетения женщин тех выгод, которые получают гетеросексуальные мужчины, более того, сами очень часто становятся жертвами гомофобии – неизменной черты традиционной, или нормативной, маскулинности. Чернокожие мужчины считают, что на их маскулинность решающим образом повлиял опыт рабства и бесправия их предков, а также их собственный опыт столкновения с расизмом и экономической депривацией. Они подчеркивают, что нормативная маскулинность формировалась именно как привилегированная мужественность *белых*, утверждающая себя на контрасте с подчиненными типами маскулинности.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ

В социуме за длительный исторический период постепенно сложился нормативный образец маскулинности (в научной литературе его иногда называют «гегемонная маскулинность», по аналогии с марксистским понятием о классе-гегемоне), которому должны соответствовать «настоящие» мужчины. Для гегемонной маскулинности очень важно иметь преимущества не только перед женщинами, *но и перед другими группами мужчин* (например, гомосексуалами, низко квалифицированными рабочими, представителями национальных меньшинств и проч.).

Схематично «настоящего» мужчину, носителя гегемонной маскулинности можно представить как автономного, рационального субъекта, собственника, профессионала, гетеросексуала, ориентированного на достижение статусных позиций в обществе. Известный исследователь маскулинности Рольф Бреннон сформулировал четыре основные компоненты «мужской роли», то есть социально предписанные условия (необходимость) состоявшейся маскулинности.

1. Отличаться от женщин.
2. Быть лучше других.

3. Быть независимым и самодостаточным.

4. Обладать властью над другими.

Насколько все эти рассуждения применимы к нашим родным российским мужчинам? Нельзя сказать, что они не имеют к ним никакого отношения, но для российских мужчин, особенно имевших опыт жизни в советскую эпоху, акценты могут быть расставлены несколько по-другому.

Так, советское государство, игравшее важную роль в определении характера гендерных отношений, не предполагало для своих граждан, в том числе и мужчин, никаких ресурсов независимости или автономности. Каналы распределения власти также предусматривали абсолютное преимущество государственных структур: властные отношения были возможны почти исключительно в рамках официальных иерархий, так что власть мужчин как социальной группы была существенно подорвана. И хотя мужчины преобладали в верхних государственных эшелонах, властью как таковой обладал не носитель статусной позиции, а сама статусная позиция, человек же, ее занимающий, в любой момент мог быть легко смещен. Личные амбиции, стремление к лидерству тоже в какой-то степени гасились коллективистской идеологией, стремлением не выделяться, «быть, как все». Как пишет известный социолог Юрий Левада, «специфическое «наше» — это боязнь «высовываться»... Нарушитель этой неписаной нормы — в какую бы сторону такое отклонение ни происходило — сталкивается не только с моральными, но и с насильственными санкциями».

Все эти особенности существенно затрудняли реализацию «подлинной маскулинности» в том виде, в каком она описана выше. Однако после распада советского политического режима (и соответствующих ему гендерных отношений) утверждение «маскулинного сценария» стало актуальным и в нашей стране. Особенно это заметно, если посмотреть, какие «герои современности» представлены сейчас на страницах российских мужских журналов. Социолог Жанна Чернова проанализировала материалы этих журналов и пришла к такому выводу: гегемонная маскулинность западного типа, характерная для буржуазного либерального общества, становится эталоном и предписанием для «настоящих мужчин» и в современной России. Наиболее важными компонентами, из которых складывается эта подлинная мужественность, являются в настоя-

шее время сфера собственности и профессиональной занятости. Ж.Чернова выделила четыре ведущих медийных образа российских мужчин-профессионалов: «функционер-бюрократ», «творец-гений», «компьютерщик-программист» и «бизнесмен-собственник». Главными чертами портретов всех этих героев современности являются высокий уровень профессионализма, автономия, соревновательность, материальная независимость.

Но ведь этими качествами, и профессиональными, и личными, обладают далеко не все мужчины: ведь если есть «победители», по логике вещей, должны быть и «побежденные», не говоря уже о том, что далеко не всем мужчинам так уж хочется всю жизнь бороться за свою карьеру и расталкивать локтями конкурентов. Что же бывает с теми, у кого не получилось «состояться» в том смысле, которого ожидает от мужчин общество – стать крепким профессионалом, кормильцем семьи, уверенным в себе и способным за себя постоять?

«НЕСОСТОЯВШАЯСЯ МАСКУЛИННОСТЬ»: ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ...

В начале нового тысячелетия группа исследователей, в которую входила и автор данной статьи, изучала поведение людей, в силу разных обстоятельств оказавшихся в сложной ситуации на рынке труда – безработных или получавших очень низкую зарплату, не обеспечивающую им даже прожиточного минимума. В числе прочего нас интересовало, будут ли гендерные различия в стратегии преодоления жизненных трудностей: как реагируют на проблемную ситуацию разные категории мужчин и женщин. Наше исследование было довольно длительным по времени: на протяжении двух лет мы периодически встречались с нашими информантами и выясняли, что у них изменилось в жизни за истекшие полгода.

На втором этапе исследования мы определили группу мужчин, которым никак не удавалось справиться с жизненными трудностями. Это происходило по разным причинам: кто-то уже перешагнул «критический» в условиях нашего рынка труда возраст 40 лет и имел значительные проблемы с трудоустройством; у кого-то не оказалось нужных связей; кто-то долго болел; кто-то поссорился с начальст-

вом... Общим у этих мужчин было то, что они не могли реализовать сценарий «успешной маскулинности» и в силу этого стали неудачниками и в глазах общества, и, что еще более существенно, в собственных глазах. Нас заинтересовал вопрос, что делает мужчину, который, по принятым в нашем обществе критериям, не является «настоящим мужиком», умеющим справляться с любыми трудностями? Наше исследование показало, что в условиях, когда сценарий маскулинности (который одновременно является сценарием успеха) реализовать не получается, мужчина впадает в состояние полной растерянности и даже теряет ощущение своей половой принадлежности. Как сказал один из них в интервью, *«иногда не поймешь, кто ты — баба или мужик, честное слово»* (Александр, 51 год). Никакой резервной стратегии на этот случай у мужчин, оказывается, не предусмотрено: они или вынужденно соглашались на низкооплачиваемую и низкоквалифицированную работу, после чего полностью теряют интерес к жизни, либо вовсе спиваются. Некоторые из тех, у кого более успешной оказалась супруга, и не возражал бы посидеть дома и заняться детьми. Но вот их жены к такой постановке вопроса оказались совсем не готовы: у российских женщин очень силен стереотип, согласно которому мужчина — прежде всего кормилец семьи, и меняться ролями им не очень-то хочется.

Поэтому приходится находить хоть какую-то работу, даже если к ней совсем не лежит душа: *«Ну, работать-то где-то надо... Жить надо на что-то. Нравится — не нравится, надо, чтобы была работа»* (Николай, 54 года). Человек, которому принадлежат эти слова, в прошлом — квалифицированный инженер, работавший в космической промышленности, затем — директор магазина, менеджер, в настоящее время работает слесарем на московском заводе. Единственным оправданием такого положения дел для него служит то, что это *«в общем, нормальная работа, мужская... работа с инструментом, со станками»*. Таким образом, несмотря на значительное снижение статуса и зарплаты, герой этого интервью сохраняет основания для поддержки своей маскулинности через традиционную связь мужчины с миром механизмов, техники. Это последнее, с чем он готов расстаться.

Нелюбимая работа, на которую приходилось соглашаться нашим информантам, представляла для них очень малую ценность, и они легко были готовы менять ее на любое другое, хотя бы чуть-чуть более за-

манчивое предложение, однако эти рабочие места непременно должны быть «мужскими». Представитель группы «неудачников» в ответ на вопрос, на какую работу он никогда бы не согласился, ответил: *«Все, что связано с каким-то унижением, лакейством, холуйством — нет. Это мне не свойственно вообще. И ни при каких обстоятельствах я на такие бы работы не пошел. Даже если бы меня уволили, официантом — вряд ли. Я пойду ящики грузить»* (Дмитрий, 38 лет). Работа в сервисе, согласно процитированному выше высказыванию, не является настоящей мужской работой, поэтому мужчины соглашались на работу более тяжелую, но соответствующую маскулинным критериям. Ведь единственное, что «неудачникам» остается от «классической мужественности» — это необходимость отличаться от женщин. Легче перенести значительное падение статуса, заработка, невозможность обеспечивать семью позволяет «настоящее мужское занятие» — по возможности, «с железками», а если нет — то, на худой конец, дворником или сторожем (но не продавцом!).

В то же время профессионализм как основа жизни так важен, что некоторые мужчины готовы работать даже бесплатно, чтобы подтвердить свою личностную состоятельность: *«Я просто хочу, чтобы дома не сидеть, хотя бы на работу ходить. Просто бесплатно, помогать там буду. Я не буду лезть, куда не надо, это ни к чему, буду делать непосредственно то, что должен, просто помогать»* (Сергей, 41 год). Но эта высокая зависимость личностной самооценки от профессионального статуса на самом деле таит в себе ловушку — уменьшает шансы трудоустройства. Так, например, один из наших респондентов рассказывает о своем сыне, тоже безработном: *«...На простую работу он не хочет идти, чтобы не терять квалификацию»* (Иван, 42 года). Другой респондент, экономист, для которого приемлемый размер зарплаты оставался довольно высоким, несмотря на то, что он уже два года сидел без работы, вообще не понимал, что препятствует его трудоустройству: *«Я бы сам хотел узнать, что препятствует, но это не меня надо спрашивать, а работодателей»* (Вячеслав, 34 года).

Компромисс в виде устройства на работу не по специальности или низкооплачиваемую влечет за собой не только ухудшение жизненных обстоятельств, но и угрожает личностной целостности. Но если мужчина все же решился на него, то возможности адаптации к новой ситуации весьма ограничены: маскулинный комплекс этому препятствует.

Достигнутая в результате компромисса новая профессиональная позиция воспринимается как непрерывная череда унижений: *«С точки зрения того, как реально я работаю... человеком себя не чувствую»* (Александр, 51 год); *«Мы себя рабами чувствуем»* (Виталий, 30 лет). Вообще, слова «рабы», «рабовладение» при описании своей работы мужчины-неудачники употребляли довольно часто.

Отдельную проблему для «неудачников» составляют отношения с другими людьми: женами, родителями, приятелями. Причем наиболее болезненны как раз оказались отношения с другими мужчинами, потому что женщина может пожалеть, от родителей можно дистанцироваться (примеров такого дистанцирования у нас среди информантов оказалось очень много), но сопоставление с другими мужчинами как бы ставит беспощадную «оценку» собственной маскулинной состоятельности: *«...Время было упущено, а хочется сделать то, что не сделал раньше. Не хочется, как ветряная мельница, хлопать крыльями попусту. Просто смотрю, ребята в том возрасте что-то достигли»* (Юрий, 40 лет). Боязнь выглядеть в глазах других мужчин недостаточно мужественным может быть даже препятствием при трудоустройстве, поскольку успешная маскулинность предполагает не только хорошо оплачиваемую профессиональную работу, но и признание своей «мужской состоятельности» со стороны других людей.

Таким образом, можно сказать, что постсоветский вариант несостоявшейся маскулинности связан не только с проблемами на рынке труда, но и с недостатком позитивных версий общепринятого маскулинного сценария. При этом традиционные критерии того, что значит быть «настоящим мужчиной», в огромной степени подорваны советским, а в особенности позднесоветским опытом. Можно сказать, что для таких мужчин главным (и единственным) оставшимся критерием мужественности служит отличие от женщин; эта «остаточная» маскулинность определяется скорее через отрицание, чем через наличие сущностно необходимых черт, — мужчина — *это не женщина*.

* * *

Итак, мужчиной в современном обществе быть нелегко — с этим трудно спорить. Как бы ни понимали маскулинность социологи, кого бы ни считало «настоящими мужиками» общественное мнение, очевидно, что к мужчинам предъявляется много весьма жестких требова-

ний (которые поддерживаются и большинством женщин, и большинством мужчин), и в их распоряжении не так много допустимых вариантов поведения. И если современная женщина уже на вполне законных основаниях может примерять на себя традиционно мужскую роль бизнесмена, эксперта, политика (ей будет сложнее добиться успеха, но сам факт ее устремлений вряд ли встретит осуждение), то мужчине все еще почти невозможно стать воспитателем детского сада или просто сидеть дома и заниматься домашним хозяйством без того, чтобы его сочли полным неудачником.

Почему же мужчины редко протестуют против традиционного распределения гендерных ролей? Ответ прост: потому что в этом распределении есть много такого, что их все-таки устраивает. Как ни крути, в их распоряжении львиная доля всего мирового богатства. Они контролируют практически все ключевые решения в области политики и экономики. Наконец, они могут себе позволить не заботиться постоянно о том, достаточно ли сексуально они выглядят. Во всяком случае, тем из них, кто имеет доступ к деньгам и власти, это совсем не обязательно: они будут пользоваться успехом в любом случае. Но эти привилегии доступны не всем мужчинам... В бесконечной борьбе за власть, карьеру и деньги всегда будет гораздо больше проигравших, чем победителей. Да и победа достается нелегко. «Смертельная петля» маскулинности продолжает затягиваться.

И еще один важный аспект: «несостоявшаяся маскулинность» всегда хочет состояться любой ценой, в том числе и насильем над кем-то еще более слабым. А если сам индивид никак не может стать достаточно сильным, чтобы утвердить свою мужественность, он будет надеяться, что за него это сделает гипермилитаризированное «мужское» государство — уж оно-то никому не даст спуска. И тогда есть шанс все-таки почувствовать себя «настоящим мужиком», победителем и героем... Вместе с тем есть множество мужчин, которые искренне не хотели бы играть в эти старые мужские игры: бороться за власть, гибнуть на работе, снимать стресс мегалитрами крепкого алкоголя. Не все получают удовольствие от контроля и доминирования. Но общество по-прежнему устроено так, что всячески толкает их на этот путь — и для того чтобы сопротивляться, надо опять-таки быть очень сильным мужчиной. Так что круг замыкается.

И единственный способ вырваться из этого круга — это не просто «плыть против течения» в своей личной жизни, но попытаться как-то изменить то общество, в котором мы живем и которое заставляет так страдать и мужчин, и женщин. И тогда не надо будет спорить, кто все-таки страдает больше...

И. ТАРТАКОВСКАЯ

**РАБОТА:
А СЧАСТЬЕ – В ТРУДЕ?**

Фраза «все мужики – сволочи» часто приписывается стихийным феминисткам. И ведь если счастья нет в личной жизни, то оно в... Однако не все так просто...

Как же с гендерной точки зрения устроен рынок труда, какие шансы найти достойную работу имеют женщины и мужчины, каковы особенности женской карьеры – в отличие от мужской?

Трудовые отношения – эта та сфера жизни, где различия между возможностями мужчин и женщин наиболее очевидны даже для предвзятого наблюдателя – как с точки зрения распределения рабочих мест, так и с точки зрения результатов труда: зарплаты и карьеры. Однако эти различия обычно воспринимаются обществом как совершенно естественные: разные функции мужчин и женщин в семье, частной жизни приводят к тому, что они выбирают разные профессии и имеют неодинаковые амбиции. Причем принято считать, что так было «испокон веков»: женщины сидели дома, мужчины охотились на мамонтов, воевали, воздвигали дворцы и плотины, совершали научные открытия и т.п. Короче говоря, они «уходили на работу», оставляя своих женщин «береечь домашний очаг»...

Однако на самом деле такое разделение – «мир – дом мужчины», «дом – мир женщины» – окончательно оформилось не так уж давно.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Разделение на домашнюю работу, которая выполняется бесплатно, и собственно «работу» (потому что домашний труд таковой не вполне считается) связано отнюдь не с реализацией природных свойств и склонностей мужчин и женщин, а с разделением на производство и домашнее хозяйство, которое сложилось в современном виде только по мере возникновения и развития капиталистического общества. В докапиталистических обществах (как и сейчас во многих странах так называемого третьего мира) для большинства населения эти понятия были неразделимы, и в «работе» принимали участие все члены семьи (хотя разделение труда между ними также существовало). Это относилось и к аграрному, и к ремесленному производству. Женщины были полностью исключены из сферы политики и многих других, но в хозяйстве они играли довольно важную экономическую роль. Ситуация стала меняться, когда производство отделилось от дома и переместилось на специальные фабрики с частичной механизацией труда. Единицей найма стала уже не семья, а конкретный человек. Тогда и произошло разделение сферы «работы» и сферы «дома», причем последняя стала восприниматься как «место для женщины».

На заре индустриализации женщины очень активно в ней участвовали и составляли значительную часть наемных рабочих. При этом участие женщин в труде, приносящем деньги, *не было принципиально новым феноменом* — они всегда были задействованы в производстве продукции на обмен, будь то сельскохозяйственное производство или домашнее ремесло. Новым было то, что теперь они начали работать самостоятельно, *не под контролем своих мужей и отцов*.

У последних это вызывало протест по трем главным причинам:

- женщины составляли им конкуренцию на рынке труда, будучи к тому же более дешевой и управляемой рабочей силой (из-за своего в целом более низкого социального статуса);
- поскольку женщины начали работать и обеспечивать себя сами, стало возможным платить мужчинам более низкую зарплату;
- занятые на работе вне дома, женщины меньше времени уделяли домашним обязанностям.

Поэтому первые профсоюзы не принимали в свои ряды женщин. Одним из их требований была «защита труда женщин и подростков» — требование по форме гуманное, но на самом деле имевшее двойственный характер. Действительно, законодательно ограничивались наиболее жестокие формы эксплуатации женщин и детей, но в то же время это был запрет для женщин заниматься определенными видами деятельности, как правило, лучше оплачиваемыми (то есть этот вопрос под видом заботы выводился из-под компетенции самих женщин).

Среди требований рабочих важное место заняло требование «семейной зарплаты», на которую можно прокормить семью при условии, что жена не будет работать. К концу XIX — началу XX века в наиболее развитых странах это состояние было в принципе достигнуто. И значение «семейной зарплаты» стало размываться лишь в послевоенные годы.

Большую роль в создании представлений о том, что «место женщины — дома», сыграл средний класс. Весьма влиятельна в этом отношении была морализаторская «викторианская идеология»: в общественном сознании с помощью печати и других социальных институтов распространялись идеи о том, что экономическая самостоятельность замужней работающей женщины подрывает семью, что дети работающих женщин заброшены, что многие виды работ вредят здоровью женщин.

В результате женщины были не то чтобы полностью вытеснены с рынка труда, но сосредоточились лишь в определенных его сегментах: домашняя прислуга (до Первой мировой войны большинство работающих женщин имели именно этот тип занятости), присмотр за детьми, производство пищи и некоторые отрасли индустриального производства — в основном легкая промышленность. На все высококвалифицированные и высокооплачиваемые рабочие места женщины практически не допускались (очень часто при поддержке соответствующих профсоюзов). Если значительная часть женщин проникала в ту или иную отрасль промышленности, это означало, что отрасль находится в упадке. Так, при советском режиме экономисты и юристы были практически женскими специальностями, поскольку они низко оплачивались и не играли существенной роли в управлении производством. В сегодняшней России мы можем наблюдать обратную картину: стремительный рост числа мужчин-экономистов и юристов.

В начале индустриализации большинство работающих жен-

щин долгое время были незамужними, если они вступали в брак, то оставляли работу. Например, в Англии «революция замужних женщин», когда они в массовом порядке стали работать, произошла лишь в 50-е годы XX века.

НЕМНОГО РОССИЙСКОЙ СТАТИСТИКИ

Социологические исследования, проведенные в нашей стране, показывают, что в настоящее время, несмотря на все тяготы работы «в две смены», женщины отнюдь не спешат в массовом порядке становиться домохозяйками: для большинства из них работа – важная составляющая их жизни, они не хотят ограничивать круг своих интересов сферой дома. Однако образ мужчины-кормильца, мужчины-спонсора приобретает для женщин все большую притягательную силу, поскольку экономическая ситуация в стране не позволяет большинству из них поддерживать себя и ребенка за счет женской зарплаты, как это нередко было в советское время.

Зарождается институт домохозяек, который содержит в себе также много проблем. В отличие от классических капиталистических стран, где их положение защищено законом и муж обязан в случае развода выплачивать алименты не только детям, но и бывшей супруге, если она не работала и пожертвовала ради семьи карьерой, в России статус домохозяйки остается юридически неопределенным. Более того, возникающая полная экономическая зависимость домохозяйки часто ведет и к личной зависимости: мужа искренне считают зарабатываемые ими деньги лично своими и строго контролируют расходы своих спутниц жизни.

В сфере работы экономические возможности женщин также не равны мужским. Женщины обычно выполняют работу, отличную от той, которую выполняют мужчины, и занимают места на низших уровнях трудовой иерархии. (Эти различия иногда обусловлены видом деятельности: очень мало женщин-моряков и мужчин-секретарей, но довольно много людей обоего пола работает клерками, лавочниками, торговцами, представителями, программистами и преподавателями вузов. Большинство видов аграрного труда выполняется совместно.)

Приведенные ниже статистические данные (Государственного комитета статистики) позволяют наглядно представить, какой высокий уровень гендерных различий на рынке труда существует сегодня в России, насколько устойчиво разделение на «мужские» и «женские» профессии.

Эти различия имеют не только горизонтальный (виды деятельности), но и вертикальный (уровень трудовой иерархии) характер.

**Распределение женщин и мужчин по отраслям экономики
(ноябрь 2003 г.), %**

Отрасли экономики	Женщины	Мужчины
Занято в экономике всего	49	51
Промышленность	38	62
Строительство	20	80
Транспорт	21	79
Связь	60	40
Оптовая и розничная торговля, общественное питание	65	35
Здравоохранение, физическая культура и соцобеспечение	80	20
Образование	80	20
Культура и искусство	64	36
Наука и научное обслуживание	52	48
Управление	36	64

**Распределение женщин и мужчин, занятых в экономике,
по группам занятий (ноябрь 2003 г.), %**

Группы занятий	Женщины	Мужчины
Занято в экономике всего	49	51
Руководители	39	61
Специалисты высшего уровня	62	38
Специалисты среднего уровня	68	32
Служащие, занятые подготовкой информации	90	10
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	70	30
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий	25	75
Неквалифицированные рабочие	52	48

Таким образом, как и в советский период, мужчины и женщины продолжают работать преимущественно в разных отраслях произ-

водства и выполнять разную по характеру работу. Но даже если они работают в одной отрасли, оплата их труда существенным образом различается.

**Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата
женщин и мужчин по отраслям экономики в 2003 г.**

Отрасли экономики	Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %
Всего в экономике	64
Промышленность	63
Электроэнергетика	79
Легкая промышленность	88
Образование	77
Наука и научное обслуживание	66
Связь	60
Финансы, кредит, страхование	66
Управление	80
Жилищно-коммунальное хозяйство	79

При формальном равенстве прав и возможностей обоих полов, как правило, профессиональный рост женщин на каком-то уровне карьеры как будто наталкивается на невидимое, но непреодолимое препятствие – так называемый «стеклянный потолок». А какова же при этом разница в профессиональной подготовке мужчин и женщин?

**Распределение обучающихся по полу и видам обучения,
на начало 2001/02 учебного года, %**

Виды обучения	Женщины	Мужчины
Всего	51	49
В общеобразовательных учреждениях	50	50
В средних специальных учебных заведениях	52	48
В высших учебных заведениях	57	43
В аспирантуре	45	55
В докторантуре	44	56

Несмотря на то, что число женщин, получающих высшее образование, заметно выше, чем мужчин, шансов получения ученой степени больше именно у мужчин: при переходе к стадии аспирантуры их доля начинает преобладать (причем дело не только в том, что молодым людям аспирантура дает отсрочку от армии – на докторантуре влияние этого фактора уже не может сказываться). Как это отражается потом на реальной карьере? Например, на такой, казалось бы, гендерно нейтральной профессиональной сфере, как преподавание в высшей школе.

**Распределение по полу профессорско-преподавательского персонала
государственных высших учебных заведений,
на начало 2003/04 учебного года, %**

Категории персонала	Женщины	Мужчины
Всего	52	48
Ректоры	7	93
Проректоры, директора филиалов	23	77
Деканы факультетов	31	69
Заведующие кафедрами	31	69
Профессора в составе кафедр	22	78
Доценты в составе кафедр	47	53
Старшие преподаватели	68	32
Преподаватели, ассистенты	68	32

Как видим, женщины в два раза преобладают на двух самых низших ступенях вузовской научно-административной иерархии, но уже начиная с должности доцента доля мужчин становится выше, значительно возрастая на каждой следующей ступени. Этот простой пример свидетельствует о наличии серьезнейших неформальных барьеров, препятствующих реальному равенству профессиональных возможностей мужчин и женщин.

Приведенные выше статистические данные позволяют судить о сохранении значительного экономического дисбаланса между мужчинами и женщинами. Однако в советский период этот дисбаланс частично сглаживался «раздаточным» характером экономики: значительная часть ресурсов, таких, как доступ к жилью, практически бесплатным дошкольным учреждениям, возможностям отдыха, лечения и т.п., распре-

делялась в зависимости от самого факта принадлежности к той или иной сфере социального производства. Женщины-матери находились в особенно сильной зависимости от возможностей социальной сферы своего предприятия или организации. Сокращение социальной сферы в период реформ особенно болезненно ударило по самым экономически незащищенным слоям населения: пенсионерам (среди которых женщины преобладают из-за более раннего возраста выхода на пенсию и большей продолжительности, по сравнению с мужчинами, жизни), матерям с маленькими детьми, не имеющим возможности работать, и женщинам в целом из-за того, что их экономические ресурсы более ограничены, чем у мужчин.

Отчасти эта ситуация стимулировала женскую экономическую активность. Как отмечают многие исследователи, экономическая нестабильность привела к тому, что женщина часто становится кормильцем семьи, иногда единственным. Ярким показателем такой женской активности стал феномен «челночной» торговли: основную массу «челноков» составляли женщины (по различным данным, от 72 до 85% от общего числа «челноков»). Можно сказать, «челночный» бизнес был *женской стратегией* выживания. Это связано, по всей видимости, с тем, что именно женщины, оказавшись в ситуации экономических лишений, проявили большую готовность расстаться со своей профессией, понизить свой статус и пополнить ряды уличных торговцев. Мужчинам же на это решиться гораздо сложнее. Однако в настоящее время «стихийный рынок» с его мелкооптовой и розничной торговлей находится в упадке, а шансы женщин «пробиться» в более крупном и организованном бизнесе уже значительно ниже.

РАБОТЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ, ИЛИ... КОТОРЫЕ ВЫБИРАЮТ НАС

Проблема разделения труда по признаку пола – одна из центральных тем в гендерных исследованиях, и это не удивительно: представления о «мужской» и «женской» работе «делают гендер» в такой же мере, в какой и интерпретация биологических различий. В самом деле, мужественность и женственность представляют собой, прежде всего, определенный тип поведения, и трудовое поведение играет здесь центральную роль. Классическая феминистская теория изначально рассматривала мужской труд как публичный, женский – как приватный, «невидимый», но с

начала 1980-х годов стало появляться все больше работ, посвященных гендерным отношениям уже собственно на рынке труда, в публичной сфере.

Основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о том, вынужденная ли это ситуация или «естественная» — с точки зрения интересов экономики, семьи и, наконец, самих женщин. Является ли такое явное разделение труда результатом действия дискриминационных механизмов или свободной конкуренции рабочей силы? Может быть, женщины сами не хотят работать на «мужских работах» и быть руководителями? Разные теоретики, социологи и экономисты, предлагали свои ответы на эти вопросы. Так, например, с точки зрения теории половых ролей разделение на «мужской» и «женский» труд — вполне нормальное и позитивное явление. Современные женщины получают образование, их способности и таланты должны находить применение. Наилучшим таким применением могут быть профессии, связанные с заботой о людях (младший медицинский персонал, социальные работники, учителя) — вот они их и выбирают. В идеальном варианте у женщин должна быть возможность работать неполный рабочий день, чтобы совмещать свои семейные обязанности с работой. Однако существует конфликт между традициями, которые сковывают самостоятельность женщин и привязывают их к дому, и современными формами организации производства: работая неполный день, много денег, конечно, не заработаешь. В качестве образца сторонниками этого подхода предлагается «скандинавская модель» социального государства с высоким уровнем социальных гарантий.

Очень популярна в 1980-е годы была так называемая «теория человеческого капитала», а ее создатель, американский экономист Гэри Беккер, даже получил Нобелевскую премию. Согласно этой теории, более низкие зарплаты женщин являются результатом действия рыночных законов. Зная, что им придется провести много лет вне рынка труда, забываясь о своих семьях, женщины сознательно решают не делать инвестиций в человеческий капитал (то есть не тратить время и силы на профессиональную подготовку, приобретение профессионального опыта и квалификации). Поскольку они имеют более низкую квалификацию, они меньше зарабатывают. Таким образом, второсортное положение женщин на рынке труда, по сути, является результатом их свободного выбора. Беда, однако, заключается в том, что если женщины все же инвестируются в человеческий капитал (говоря в терминах Беккера), мужские и женские зарплаты от этого автоматически не выравниваются. К тому же не у всех

женщин есть семьи и дети. Но даже тем из них, кто имеет такую же высокую квалификацию, как коллеги-мужчины, не уходит в декретный отпуск, готов полностью отдавать себя работе, довольно трудно бывает стать, например, топ-менеджером крупной фирмы или предприятия.

Феминистки, особенно близкие к марксистским взглядам, предложили свое объяснение гендерных различий в сфере занятости. Наиболее известная из работ этого направления принадлежит Хайди Хартманн и называется «Несчастливый брак марксизма с феминизмом» (несчастный потому, что чисто марксистское объяснение экономического неравенства ее не устраивает). Хартманн считает, что при капитализме не только собственники средств производства контролируют труд наемных работников, но и мужчины контролируют труд женщин. Суть этого контроля заключается в том, что женщины не допускаются к высокооплачиваемым рабочим местам, из-за этого они вынуждены смотреть на брак как на средство решения материальных проблем и смиряться со своей бесплатной эксплуатацией дома. Таким образом, материальный базис власти мужчин над женщинами заключается именно в контролируемом доступе к рабочим местам, которые сами по себе являются гендерно нейтральными («пустыми ячейками», по выражению Хартманн).

Этот подход впоследствии был подвергнут критике и одновременно развит другими авторами. Так, Синтия Кокберн выдвинула тезис о том, что мужчины на рынке труда обладают не только экономической, но и социополитической, а также физической властью над женщинами. Под социополитической властью она подразумевала мужскую солидарность и различные формальные и неформальные способы ее поддержки: например, мужские клубы, совместные походы в рестораны и сауны и т.п. В самом деле, исследования показывают, что у работающих вместе мужчин, в том числе начальников и подчиненных, есть различные формы общения на работе и в сфере досуга, в которых их коллеги-женщины практически не принимают участие. На этих формальных и неформальных «тусовках» решается множество производственных вопросов, в том числе и касающихся карьерного роста и продвижения. Женщины же остаются за бортом этого «мужского клуба». Под физической же властью Кокберн понимает те критерии, которые принимаются, чтобы доказать физические преимущества мужчин перед женщинами: большую силу, способности к технике и т.п. Кокберн выдвинула интересную идею о том, что сами представления о мужской силе и

те критерии, по которым она оценивается, являются не «естественными» и само собой разумеющимися. Она утверждала, что физическая сила и технические способности не присущи мужчинам от рождения, а воспитываются с детства в соответствии с представлениями о тех навыках, которыми должны владеть мальчики, и описывает множество приемов, с помощью которых создается физическое преимущество мужчин над женщинами.

Трудовой процесс основан на технологии, рассчитанной на определенные социальные условия, в том числе и на разделение труда по полу. Например, станки на хлопковых фабриках в северо-восточной Англии и южной Шотландии на заре индустриальной революции были сконструированы так, чтобы на них могли работать женщины и дети, которые считались тогда более дисциплинированной рабочей силой. К началу 1830-х годов женщины в Англии составляли более половины взрослой рабочей силы. В докладе лорда Ашли в Палате общин 15 марта 1844 года приводилась следующая статистика: из 419 560 фабричных рабочих в Великобритании взрослые мужчины составляли лишь 96 569 человек, то есть менее четверти; 80 695 человек были мальчики-подростки до 18 лет, 224 296 человек — женщины, из них 112 192 моложе 18 лет. Таким образом, взрослые мужчины на заре индустриализации, как раз тогда, когда уровень механизации был относительно слабым и работа была физически более тяжелой, составляли всего лишь 23% рабочей силы.

По мнению Синтии Кокберн, гендерное разделение труда оказывается не просто экономическим феноменом, но включает в себя и *манипуляции социально обусловленными физическими свойствами мужчин и женщин.*

Являются ли приведенные выше рассуждения клеветническими «феминистскими измышлениями», или за ними стоят реальные жизненные факты? И верны ли они для России, где занятость женщин на рынке труда в XX веке стала одной из самых высоких в мире?

Политику российских работодателей проиллюстрируем результатами исследования, проведенного в городе Самаре социологом Ириной Козиной, которая проанализировала официальные наймы (случаи трудоустройства) на предприятия различных размеров и всех форм собственности. Опрашивались оба участника найма — наниматель и работник.

Выяснилось, что в условиях высокой конкуренции за рабочие места работодатели предпочитают работников, готовых к повышенным

трудовым нагрузкам, экстренным изменениям трудового графика и сверхурочным, что менее приемлемо для женщин, чем для мужчин. Соответственно доля рабочих мест, публично маркированных в качестве «мужских», возрастает. На рынке труда Самары половина вакансий сопровождалась указанием пола требуемого работника. «Женские» вакансии (требуется женщина) составляли 13% от общего числа. «Мужские» рабочие места (требуется мужчина) составляли 37%. О значительной роли работодателя (нанимателя) в формировании гендерного разделения на рынке труда свидетельствует тот факт, что реальная картина найма практически полностью совпадала с представлениями нанимателей о гендерных особенностях конкретных рабочих мест. Если вакансия представлялась нанимателю «мужской», то почти всегда ее занимал мужчина (в 97% случаев), если «женской», то женщина (в 99% случаев). Те вакансии, которые определялись нанимателем как гендерно нейтральные (нет требований по полу), были заполнены большей частью женщинами (70%). Следует пояснить, что по уровню оплаты «нейтральная работа» приближается к «женской работе», то есть оплачивается значительно ниже «мужской» (по данным упомянутого исследования, примерно на 40%). Так что основной отличительной характеристикой гендерно нейтральной работы является ее экономическая составляющая (доходность).

Гендерные стереотипы проявляются и в политике работодателей, и в тех ограничениях собственных возможностей на рынке труда, которые люди определяют себе сами. Влияние предубеждений на поведение работников прослеживается и в уровнях притязаний, и в мотивах выбора рабочего места. Так, большая часть людей при поиске работы ограничивает свой выбор только теми вакансиями, которые соответствуют определенному «гендерному образу рабочего места». Это означает, что в ситуации выбора работы мужчины, как правило, изначально не претендуют на «женскую» работу, а женщины на «мужскую». Подверженность собственным традиционным представлениям «разводит» их по разным сегментам рынка вакансий. В настоящее время практически *не наблюдается конкуренции между полами* в секторе гендерно нейтральных рабочих мест: низкооплачиваемые рабочие места специалистов, большинство из которых находятся в бюджетном секторе (образование, здравоохранение), занимают в основном женщины. В этой сфере действуют механизмы, определяющие «гендерный профиль» рабочего места не столько с точки зрения содержания труда, сколько с точки зрения его условий и оплаты.

С гендерными ограничениями женщины сталкиваются не только при поиске работы, подобные проблемы возникают у них и в процессе трудовой деятельности. Помимо прямой дискриминации, можно также отметить действие более тонких социокультурных механизмов, которые существенно ограничивают возможность самореализации женщин даже на тех рабочих местах, которые социально сконструированы как «типично женские». Ведь особенность «женских рабочих мест» в том, что они являются таковыми не только по реальному распределению рабочей силы, но и символически, и нарушение «правил игры» немедленно карается хозяевами положения, в роли которых, как правило, выступают мужчины.

Важна также относительно редко поднимаемая тема телесных характеристик работников. Сюда относится в первую очередь здоровье, но не только. Телесность означает еще и внешний вид, который в известной степени влияет на шансы работника на трудоустройство. К внешности женщин предъявляются особенно жесткие требования. Речь идет не только о пресловутой сексапильности. «Внешний стандарт», применяемый к женщинам, давно уже стал не просто требованием, вменяемым конкретным боссом конкретной секретарше, а своего рода общей культурной нормой.

* * *

Итак, шансы мужчин и женщин сделать карьеру, зарабатывать денег и просто найти хорошую работу существенно различаются. Безусловно, эти различия связаны с теми задачами, которые выполняют женщины в семейной сфере: обязанности заботиться о других членах семьи, особенно о детях и престарелых или больных родственниках, ограничивают возможности женщины как работника. Но дело не только в этом. Даже те женщины, которые не отягощены такими обязанностями, у которых уже выросли дети, которым есть кому помочь по хозяйству, которые, наконец, могут себе позволить воспользоваться для этих целей услугами наемных работников, сталкиваются на рынке труда и при профессиональном продвижении с серьезными проблемами.

Именно ограниченные возможности самостоятельно заработать достаточно денег, чтобы обеспечить достойную жизнь себе и своим детям, заставляют многих женщин смотреть на брак или даже просто связь с обеспеченным мужчиной как на способ решить свои материальные проблемы. А это порождает, в свою очередь, корыстные, неискренние отношения с мужчинами, основанные на извлечении выгоды и психологических манипуляциях, — от чего страдают уже оба пола.

О. СТОЮНИНА - ЗДРАВОМЫСЛОВА

**СЕМЬЯ:
ИЗ ПРОШЛОГО
В БУДУЩЕЕ**

С середины XX века социологи изучают процесс, называемый *модернизацией семьи*. Он начал развиваться под влиянием индустриализации и урбанизации и стал частью глобальных изменений в современном мире.

Исследователи обнаружили, что во многих культурах — с разной скоростью и разными последствиями — происходит разрушение традиционных (патриархальных) семейных моделей, основанных на разветвленных родственных сетях. Их сменяет так называемая *супружеская семья*. В ней взаимные обязательства супругов и родственников малочисленны, их взаимный контроль ослаблен. Структуру семьи образуют отношения *муж — жена, родители — дети* (до момента их совершеннолетия и отделения от родителей). Речь идет о хорошо знакомой нам современной городской семье, живущей отдельно от других родственников. Гендерные отношения в ней могут развиваться как на основе традиционного образца (муж — добытчик, кормилец, жена — домохозяйка), так и на основе различных вариантов «домохозяйства с двумя зарплатами».

Нередко отмечается, что современная семья переживает кризис. Одни исследователи называют его переходом к новым формам — более разнообразным и более подходящим для современных мужчин и женщин. Другие обращают внимание на то, что в глобальном обществе потребления семейные ценности сдают свои позиции, поскольку на первый план выдвигается индивидуальный успех и идет жестокая конкуренция за его достижение. В этой гонке вместе с мужчинами все активнее и эффективнее участвуют женщины.

Однако появление новых ценностных приоритетов не приводит автоматически к изменению традиционных воззрений на распределение ролей и утверждению гендерного равноправия в семье. Как формируются и закрепляются отношения гендерного неравенства, каким образом «создается гендер» в повседневной жизни? По мере того как женщины включаются в профессиональную жизнь и публичную деятельность, семья все более привлекает внимание исследователей, пытающихся ответить на эти вопросы.

СЕМЬЯ КАК ПРОЕКТ: К РАЗНООБРАЗИЮ СЕМЕЙНЫХ МОДЕЛЕЙ

Главные тенденции, характеризующие тип современной семьи, который доминирует в Европе и США с середины 1960-х годов, демографы связывают с изменениями в системе ценностей, прежде всего, с ростом индивидуализма и рационализма. Это проявляется в уменьшении численности браков, распространении сожительства (когабитационных союзов), падении рождаемости и ее «старении», преобладании малолетних семей, увеличении числа внебрачных детей и распространении добровольной бездетности. Известный демограф Дирк ван де Каа выразительно охарактеризовал эти перемены, назвав их переходом от «золотого века» брака к когабитационному союзу; от пары «ребенок-король с родителями» к паре «короли с ребенком»; от контрацепции в целях предохранения от беременности к контрацепции как самовыражению; от однородного хозяйства к разнообразным типам семьи и домашнего хозяйства.

О динамике семейных ценностей говорят результаты европейского исследования, начавшегося еще в 1978 году (к 2000 году в нем участвовали 33 страны, в том числе Россия; было опрошено 40 000 человек). Они подтверждают представления о том, что *традиционные семейные ценности*, такие, как стабильный брак, наличие детей, их «центральность» в жизни женщины, слабеют. Означает ли это, что снижается ценность семьи в жизни современного (по крайней мере европейского) человека? Ответить на этот вопрос сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Результаты европейского исследования 1978–2000 годов свидетельствуют, что постепенно размывается традиционная форма сов-

местной жизни – семья, основанная на зарегистрированном браке. Если в 1990 году 14% опрошенных согласились с тем, что брак стал пережитком прошлого, то в 1999-м ответивших так было уже 20% (Россия соответствует среднему показателю). В большинстве стран, участвовавших в исследовании, не только вырос удельный вес зарегистрированных разводов по отношению к бракам, но развод стал в большей степени оправдываться (по десятибалльной шкале одобрения/неодобрения средняя оценка составила 5,5, в России этот показатель – 5,2).

Желание иметь детей не всегда связывается с созданием семьи. Так, 41% шведов и 40% финнов полагали, что «ребенку не обязательно иметь обоих родителей». В России 53% опрошенных высказали позитивное отношение к образу жизни матери-одиночки (больше, чем в среднем по всем странам, где этот показатель составляет 44%). В некоторых европейских странах упала значимость наличия детей в семье, хотя для большинства людей она остается по-прежнему высокой. В России – средний показатель оценок, но здесь чаще, чем в других европейских странах, встречается мнение, что жизнь женщины полноценна только тогда, когда у нее есть дети. Так считают 83% опрошенных россиян. (Для сравнения: в Голландии эту идею поддерживают лишь 7% респондентов.)

Результаты исследований, проведенных примерно в тот же период времени в США, показали, что между 1975–1991 годами в представлениях американцев о хорошей жизни ослабевали позиции семьи, в то время как значимость денег укреплялась: важность «счастливого брака» для «хорошей жизни» снизилась с 84 до 77%, а необходимость «иметь много денег» возросла с 38 до 55%. Тем не менее все это не означает, что в массовых представлениях хорошая семья перестала быть условием счастья.

В европейском исследовании было выделено три группы стран. Первую составили развитые западноевропейские страны (Голландия, Бельгия, Дания, Швеция, Исландия, Северная Ирландия, Франция, Великобритания, Австрия). Их жители делают акцент на *семье* (88%), *дружбе* (5%), *работе* (52%) и *свободном времени* (43%). Несмотря на высокую значимость семьи, именно в этих странах произошли примечательные перемены в отношении к семейным ценностям: брак чаще расценивается как пережиток, не осуждаются аборты, распрост-

ранено несогласие с тем, что родители должны жертвовать всем для детей, утверждается высокая ценность самореализации и карьеры не только для мужчин, но и для женщин. Характерный пример из опроса, проведенного в конце прошлого века во Франции: в 1990 году восемь французенок из десяти полагали, что женщина не может добиться успеха в жизни, не имея профессии. В отличие от 60-х, в конце 90-х годов французские родители утверждали, что они придают такое же значение учебе девушек, как и учебе мальчиков, и большинство из них хотели, чтобы дочери сделали в профессии блестящую карьеру. Вторая группа — страны, в которых доминирует консервативный взгляд на семью, основанный на религиозных традициях (Италия, Мальта, Польша, Румыния, Греция). В этих странах особенно высока ценность *семьи* (89%), *работы* (69%) и *религии* (46%). Третья группа (15 стран, среди которых — постсоциалистические страны, включая Россию, а также Германия, Испания и Португалия) принадлежит к промежуточному типу. В них доминируют ценности *семьи* (80%) и *работы* (58%) при самых низких, по сравнению с двумя другими группами стран, показателях ценности *свободного времени* (24%) и *религии* (15%).

Подчеркнем, что при всей очевидности перемен, затронувших все без исключения европейские страны, ни в одной из них семья не утратила своей первостепенной значимости. Более того, в ряду таких ценностей, как *работа*, *семья*, *друзья*, *свободное время*, *политика*, *религия*, семья ценится выше всего (в среднем 84% опрошенных считали ее «очень важной», в России этот показатель составил 76%).

Американская исследовательница Арли Хохшилд известна своими открытиями новых социальных фактов и феноменов, влияющих на глубинные эмоциональные связи между людьми. В своих книгах она показывает, что в крайне рационализированном современном обществе, пронизанном идеологией рынка, семья и дом вытесняются на периферию, становятся маргинальным образованием. Люди уделяют им меньше времени и сил, поскольку стержнем их жизни становится работа, требующая все больше времени и постоянной концентрации усилий. «Время для эмоций» становится роскошью, доступной немногим, а следовательно, семья начинает восприниматься как бремя. Постоянная нехватка времени и сил для выполнения семейных обязанностей вызывает постоянное чувство вины (особенно присущее женщинам), раздражение, ведет к росту конфликтов.

А.Хохшилд утверждает, что прессинг современной жизни все глубже «вталкивает» мужчин и женщин «в работу» и «в супермаркет». В повседневной реальности семья и близкие все менее способны оставаться центром жизненного мира, однако для большинства людей они тем самым *приобретают более высокую ценность*, чем раньше. «Мы оберегаем и лелеем в глубине души идею заветной семьи, и мы отделяем этот идеал от практики. Мы не связываем то, о чем мы думаем, с тем, что мы делаем», — объясняет этот парадокс А.Хохшилд.

Если «классическая семья» (отец-кормилец и мать-домохозяйка, прожившие в браке с юности до старости и вырастившие нескольких детей) определяла судьбу человека, то современная семья представляет собой *один из проектов*, которые человек осуществляет в течение жизни. По мнению известного английского социолога Энтони Гидденса, это сопряжено с меняющейся ролью традиции в жизни современного человека, а в сфере интимной жизни выражается изменением идеала любви. «Романтический» идеал, предполагавший сохранение супружеских отношений на протяжении всей жизни и экономическую зависимость женщины от мужчины, постепенно сменяется идеалом «чистых отношений». В них на первое место выходит ценность интимности, которая предполагает эмоциональную открытость друг другу и равный «обмен» эмоциями. «Чистые отношения» в отличие от романтических, в принципе, не строятся с целью брака или даже сожительства. Основанная на таких отношениях совместная жизнь продолжается лишь до тех пор, пока сохраняется взаимное, эмоциональное удовлетворение, открытость и доверие друг другу.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что сегодня нет единственной, нормативной модели семьи. В России в последние полтора-два десятилетия более или менее единую для всех слоев населения советскую семейную модель («работающая мать») сменил *выбор семейных моделей*. Результаты последней (2002) Всероссийской переписи населения обнаружили увеличение возраста вступления в первый брак, «откладывание» брака и рост незарегистрированных сожительства. Люди, особенно молодые, больше готовы к экспериментированию в личной жизни. Появились и даже приобретают популярность гостевые и экстерриториальные союзы (их еще называют «браками выходного дня»). Супруги проживают в разных квартирах (иногда по со-

седству), видятся раз-два в неделю, чаще всего по выходным. Считается, что такие союзы заключают занятые работой, материально обеспеченные люди, которые особенно ценят личную независимость, автономию и боятся рутины повседневности. Подобные союзы могут длиться несколько лет и даже десятилетий, а могут либо быстро закончиться разрывом, либо превратиться в обычный брак. Еще более редкие и экзотические формы отношений – «открытые» браки, когда каждый из супругов пользуется полной сексуальной свободой, а также групповые браки – принадлежность молодежной культуры. В них объединяются несколько пар (две-три), которые живут «коммуной» в течение двух-трех лет. В такие союзы чаще вступают люди, временно живущие и работающие в больших городах.

Для современной семьи характерна неопределенность гендерных и родительско-детских отношений. Центральный пункт противоречий в ней (иногда такую семью называют *постсовременной*) – наличие сильнейших центробежных тенденций. Каждый из членов семьи стремится удовлетворять свои индивидуальные стремления, при этом размыты скрепляющие отношения нормы, которые были четко прописаны в традиционной семье. Такие нормы определяли, что экономический вклад мужчины-отца – основа его семейного главенства и что обязанность женщины-матери – вести домашнее хозяйство и ухаживать за детьми. В современной семье, напротив, все является объектом обсуждения – родительство, сексуальность, распределение домашней работы, финансы. Это делает отношения более хрупкими и конфликтными. По мере того как мужчины, женщины и дети перестают ориентироваться на патриархальную субординацию, на первый план выдвигаются их эмоциональные потребности и индивидуальные стремления.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

В кризисные 90-е годы XX века в России усилилось экономическое значение семьи (развитие надомного труда, расширение семейного самообслуживания), а семейные отношения или отношения по типу семейных (в «ближнем круге» родственников и друзей) в еще большей степени, чем в советское время, стали восприниматься как единств-

венная защита в нестабильном и враждебном внешнем мире. Семья превратилась в главную (нередко единственную) гарантию выживания не только для «традиционных» и «новых» бедных, но и для относительно состоятельных граждан.

В постсоветскую эпоху семья — своего рода буфер, смягчающий социальное напряжение в обществе. Она стала резервом неоплаченного и экономически неучтенного труда, компенсирующего провалы в экономике. Вместе с тем гендерные отношения внутри домашних хозяйств, в основном, строятся по схеме «мужчина — добытчик семьи», а женщины считаются работниками «второстепенной значимости». У них ограниченные возможности добиться карьерного роста, и они по-прежнему несут двойное бремя профессиональной занятости и домашних обязанностей.

В российском обществе существуют два фундаментальных ограничения, сужающих для большинства мужчин и женщин пространство личного выбора. Во-первых, это обострившийся риск бедности — результат обвального социального расслоения, начавшегося в 90-е годы. Во-вторых, неразрешенный конфликт традиционных и модернистских ценностей — результат того, что несмотря на пережитый в XX веке опыт советского равноправия, продолжающийся рост образованности среди женщин, их конкурентоспособность в профессии, общество во многом остается патриархальным. Об этом свидетельствуют противоречивые нормы, которые регулируют гендерные отношения в большинстве российских семей*.

Большинство мужчин и женщин в России убеждено в том, что главенство в семье не зависит от экономического вклада супругов, и, как правило, именно женщина распоряжается деньгами. Жена может иметь не только собственные профессиональные интересы, но и стремиться к карьере, но материнские обязанности считаются безусловным приоритетом для женщины-матери, которая должна на неопределенное время («пока ребенок маленький») оставить работу и даже

* Здесь и далее используются результаты исследований, проведенных автором данной статьи в рамках проектов «Российская семья на европейском фоне», «Экономический вклад супругов и семейная власть», «Томская инициатива».

мысли о карьере. Семейные обязанности рассматриваются как центр жизни женщины, но не мужчины, у которого другое предназначение. Тем не менее бытовые обязанности супруги должны делить поровну, поскольку признается, что ведение домашнего хозяйства – тяжелая работа, а брак должен основываться на взаимном уважении супругов, доверии и поддержке.

В постсоветской российской семье считается нормой, что дети не боятся отца, что родители объясняют им свои решения, что ребенок развивается свободно, а не так, как ему предписывают родители: они контролируют круг общения ребенка, а он, в свою очередь, согласовывает с родителями, как, например, тратить заработанные деньги. Родители должны помогать своим взрослым детям, а те, собираясь жениться, должны получить одобрение родителей.

Гендерные отношения в современной российской семье регулируются довольно гибкими нормами. Однако в этих отношениях постоянно присутствуют три основных «линии напряженности» или зоны борьбы за доминирование между мужчинами и женщинами. Первая из них – это *споры по поводу денег* (кто и как должен ими распоряжаться). Мужчины считают, что женщина должна отвечать за ежедневные покупки, а решения о крупных тратах должен принимать мужчина. Как правило, женщины с этим не соглашаются. Мужчины чаще, чем женщины, поддерживают идею зависимости семейного главенства от экономического вклада, считая, что «деньгами в семье должен распоряжаться тот, кто их зарабатывает». Другая зона конфликтов – *проблема сексуальной свободы в браке*. На ее отсутствии настаивают мужчины, которые чаще, чем женщины, уверены, что факт измены жены должен однозначно приводить к разводу. Женщины, напротив, готовы мириться с изменой и, если она не становится явной для окружающих, предпочитают сохранять брак. Наконец, третья группа – конфликты, связанные с *воспитанием детей*. Мужчины чаще, чем женщины – сторонники самостоятельности детей. Женщины, напротив, предпочитают их опекать и контролировать. Если мужчины, как правило, настаивают на необходимости отцовского («мужского») воспитания для мальчика, то женщины признают, что мать способна воспитать сына и без отца (в этом, судя по всему, сказывается влияние опыта матерей-одиночек, укоренившегося в «генетической» памяти нескольких поколений женщин).

Нормы гендерных отношений в российской семье, в целом унаследованные от советской эпохи, различаются у людей старших и младших поколений. Женщины старших возрастов (55 лет и более) считают, что «жена должна работать наравне с мужем, чтобы было, на что содержать семью». Это убеждение связано не с идеей гендерного равноправия, а с опытом «равенства в бедности» и вынужденной женской занятости. Соответствующий этой норме тип поведения, широко распространенный в советское время, теперь встречается чаще всего среди малоимущих и среди пожилых женщин (доля которых, как известно, значительна среди бедных). В отличие от многих своих матерей и бабушек, подавляющее большинство молодых женщин склоняется к тому, что наилучший способ организации семейной жизни — это семья с мужчиной-кормильцем. Для женщин средних и старших возрастов (35–44 года и 45–54 года, 55 лет и старше) характерна установка на родительскую опеку и стремление строго контролировать детей. Молодые женщины и часть женщин среднего возраста (до 24 лет и 25–34, 35–44 года) чаще, чем все остальные, озабочены стабильностью брака и придают особое значение сексуальным отношениям супругов, видя в них гарантию прочности семьи. Они считают, что «супруги должны соответствовать друг другу по темпераменту — такой брак прочнее», а «жена не должна отказывать мужу в близости, даже если она чувствует себя усталой или больной». Молодые женщины не готовы говорить с мужем о том, что их не устраивает в интимных отношениях, озабоченные, главным образом, тем, что нужно сохранить брак.

Большинство тех, кто считает нормальной «двойную занятость» женщины и то, что семья для женщины, безусловно, важнее, чем профессия, — мужчины старших возрастов. Они утверждают, например, что «замужняя женщина не может долго задерживаться на работе, поскольку у нее есть обязанности по дому». Молодые мужчины составляют большинство среди тех, кто считает нормой семью с главенством мужчины: в ней муж принимает решения о крупных покупках, жена должна выбирать одежду в соответствии с его вкусами, и только отец может вырастить из мальчика полноценного мужчину. Они уверены, что дом и дети — дело женщины, а «настоящая женщина охотно занимается домашним хозяйством». Самые молодые мужчины (моложе 24 лет) убеждены, что «деньгами в семье должен распоряжаться тот, кто их зарабатывает».

Многие отечественные исследования показывают, что женщины выступают за сохранение основ равноправной семьи советского типа, добавляя к этому требование, что зарабатывать обязан мужчина. Женщина в такой семье может работать и даже делать карьеру, хотя основная ответственность за семью и детей тоже лежит на ней. Создается впечатление, что женщины хотели бы снять с себя ответственность за экономическую сторону семейной жизни, но при этом не готовы принять роль домашней хозяйки и хотят сохранить контроль над мужчиной и детьми внутри семьи.

Мужчины, прежде всего молодые, мыслят себя не иначе как в роли главы семьи и хотели бы построить супружеские отношения по традиционному образцу, а родительско-детские – по модернизированному, ослабив родительский контроль и опеку. Тем не менее большинство мужчин все-таки признают, что карьера жены так же важна, как и карьера мужа, и супруги должны делить между собой обязанности по дому.

Безусловно, массовые представления о том, что такое норма в семье, меняются. Происходит движение от «равноправной» семьи советского типа с двойной занятостью работающей женщины-матери к семье с мужем-кормильцем. Ее признают наилучшей и мужчины, и женщины, но она не превращается в семью с *мужским главенством*, хотя мужчины (прежде всего молодые, не имеющие или имеющие малый опыт супружеской жизни) мечтают об этом.

В России остались почти не затронутыми традиционные *гендерные границы*, которые устанавливают различия между «настоящим мужчиной» и «настоящей женщиной», определяют представления о норме и отклонении в поведении мужчин и женщин. Однако, считая такие границы естественно заданными и незыблемыми, женщины и мужчины часто оказываются дезориентированными перед лицом быстрых изменений, которые вторгаются в их повседневную жизнь. Выигрывают те, кто готов пересматривать прежние границы и устанавливать новые, менее жесткие, меняя тем самым условия «договора». Речь не идет, разумеется, о юридическом документе, регулирующем права и обязанности мужчины и женщины в семье. **Внутрисемейный гендерный договор (не путать с брачным контрактом!)** – это неписанные правила взаимодействия, сложившиеся в семье. Они определяют сферы компетенции муж-

чины и женщины (кто за что отвечает), меру ответственности каждого за семью и за сохранение отношений, а также границы, нарушение которых может привести к их разрыву. Такой договор основывается на гендерной асимметрии, которая сложилась в обществе, но в конечном счете он определяется повседневной практикой отношений мужчины и женщины в семье.

Вот несколько типичных коллизий, которые мы обнаружили, проводя исследования современной городской российской семьи.

«Взаимная жертва»

Роль добытчика, кормильца семьи остается основой идентичности мужчины. На такой тип гендерных отношений ориентируется и женщина. В то же время в семейном союзе перед мужчиной и женщиной встает вопрос, как соблюсти баланс справедливости и общесемейных интересов. Психолог Марина Арутюнян обнаружила, что в семье существует «явный» и «скрытый» гендерный договор. Явный — базируется на роли кормильца, скрытый — на отказе мужчины во имя семьи и семейного благополучия от ранее избранного профессионального (и тем самым жизненного) пути. Говоря резче — на отказе от профессиональной идентичности во имя семейной и мужской идентичности. Это может порождать конфликт, аналогичный тому, который раньше был более характерен для женщин. «Результатом переоформления «двухкарьерной» семьи в семью с мужчиной-кормильцем становится большая напряженность (конфликтность, стрессогенность) мужской роли и меньшая — женской», — считает М.Арутюнян.

Подобный внутрисемейный гендерный договор предпочитают молодые образованные люди в возрасте 29–35 лет. Он часто сопровождается полным изменением жизненной (прежде всего профессиональной) стратегии и женщин и мужчин. Мужья, вошедшие в роль единственного добытчика и кормильца, как правило, вынуждены свернуть с привычного профессионального пути интеллигента. При этом, определив свой брак как «традиционный», они склонны считать, что работа жены — развлечение, простительная блажь или потребность в общении.

Из интервью

Муж (юрист, предприниматель, по базовому образованию историк, закончил университет, 31 год): «Если бы я оста-

вался преподавателем в университете, я давно бы уже защитил диссертацию... Но я считаю, что мой выбор новой специальности был обусловлен в том числе и в первую очередь интересами моей семьи. Я просто не вижу возможностей для моей жены зарабатывать серьезные деньги в нашей стране. Я думаю, что психологически ее это устраивает, может быть, она сама это не понимает иногда, но устраивает. Если в советские времена равноправие декларировалось, по крайней мере его старались проводить в жизнь, то в настоящее время такого равноправия мужчины и женщины нет».

В таких семьях жены, обучавшиеся в тех же университетах, что и мужья, сознательно отказываются конкурировать в сферах, где «делаются деньги», поскольку эти сферы на них просто не рассчитаны. В этом состоит одна из важнейших причин того, что в российской семье роль мужчины-кормильца остается одной из главных гендерных границ и центральным пунктом идентичности «настоящего мужчины». Одновременно возрастает значение эмоциональной и психологической поддержки жены и ее вклада в поддержание семейного единства. Это заставляет мужчин и женщин, исповедующих ценность традиционной семьи (в которой вообще-то эмоциональная близость никогда не находилась в ряду главных семейных ценностей), быть внимательнее друг к другу, осознавать ценность интимности и оберегать эмоциональную близость.

Из интервью

Жена (историк, преподает в университете, 30 лет): «Я не хочу заниматься предпринимательством, потому что это, конечно, упирается в проблемы, которые у нас в стране сейчас остро стоят. Постоянный риск, страшные нервные нагрузки — я считаю, что никакие деньги лично меня сейчас не могут сподвигнуть заниматься этим делом. Семейный кошелек находится в руках мужа, потому что он, естественно, зарабатывает. Мне дается та сумма, которую я трачу на питание, на образование ребенка, на какие-то свои определенные расходы. Он всегда принимает стратегические ре-

шения в нашей семье. Меня устраивает, что я не несу ответственности. Он рассказывает мне о работе, он хочет ощутить какую-то поддержку, какое-то понимание, что-то выплеснуть, рассказать о наболевшем. Он делится со мной, а я его внимательно выслушиваю».

В рыночном российском обществе, лишаящем человека надежных социальных гарантий, профессиональная стратегия находится в полной зависимости от размера заработка. Как правило, относительно высокий заработок обеспечивают «неженские» сферы занятости. В результате многие женщины вынуждены делать выбор в пользу семьи.

Из интервью

Жена (филолог, 32 года): «Я вообще не учитываю мой вклад в семейный бюджет, потому что те копейки, которые я зарабатываю, в нашей семье они уходят на мелкие карманные расходы, либо на подарки кому-то, когда я иду на день рождения, в гости или еще что-то. Поэтому они не играют никакой роли в бюджете. Конечно, если бы не ребенок и если бы хотя бы муж мне помогал по дому, я бы, наверное, давно защитила диссертацию. Но на жертву стоит идти, ради семьи стоит. Сейчас я уже не жалею ни о каких жертвах, не жалею совершенно».

Итак, «скрытый» договор предполагает, что мужа ради того, чтобы обеспечить семью, отказываются от профессиональной самореализации в соответствии с полученным образованием. Жены, напротив, могут работать ради самореализации, но не претендуют зарабатывать деньги и отказываются прилагать сверхусилия, чтобы совмещать семью и профессию, отбирать время у семьи ради профессии. При этом чем более мужа беспокоены балансом власти в семье, тем настойчивее они повторяют, что работа жены — это ее «хобби», способ уйти от скучного быта, «прихоть». Но и самые авторитарные из мужей не решаются отрицать право жен стремиться к профессиональной самореализации, даже если рассматривают это стремление как «каприз». Очевидный на первый взгляд «сдвиг» в направлении традиционной модели («муж — кормилец и

опора семьи», «жена — домашний ангел-хранитель») не ведет автоматически к возрождению патриархальной модели семейной власти, являясь, по сути дела, лишь распространенным способом адаптации мужчин и женщин в рыночном обществе.

Внутрисемейный гендерный договор, условием которого является «взаимная жертва», — типичный ответ семьи на разобщенность, царящую в социуме, где «каждый за себя». Это вызывает сильнейшую тревогу, а семья, дающая иллюзию убежища в жестоком мире, превращается в сверхценность.

От «идеального семьянина» до «семейного идеалиста»

Модернизация семьи влечет за собой изменение классических представлений о мужественности. В конце XX века возникла даже идея скорректировать определение супермена, сопроводив его следующей характеристикой: мужчина, который исключительно успешно (суперуспешно) реализуется не только в традиционной «мужской» сфере (профессия, общественная жизнь, политика), но и в сфере супружеских и родительских отношений. Исследователи выделяют четыре варианта идентичности современного мужчины в семье.

Идеальный семьянин. Это муж и отец, который не воздвигает стену между семьей и карьерой, а «расширяет» карьеру, включая в нее семью. Уделяя большое внимание тому, как строить отношения с женой и детьми, он приобретает социальную компетентность. Это помогает ему делать карьеру и преуспевать в сфере традиционного мужского самоутверждения — в публичной жизни.

Заботливый семьянин. К этому типу относятся мужчины, которые глубоко и эмоционально включены в супружеские и родительские отношения. Эти отношения, действительно, составляют центр их жизни.

Справедливый семьянин. Это мужчина, принимающий на себя большую часть семейных обязанностей (и не только традиционно мужских). Свои обязанности он выполняет неуклонно и регулярно, никогда «не спихивая» их на жену.

Семейный идеалист. Такой мужчина при любом удобном и неудобном случае превозносит семью вообще и свою собственную в частности. В реальной домашней жизни он практически не участвует. У семейного идеалиста существует барьер между семейными отношениями и интересами профессии и карьеры. Последние, в сущности, занимают его намного больше, хотя он уверяет других и себя самого, что превыше всего ценит семью.

В иерархии ценностей российских мужчин дети и семья имеют высшие ранги. При этом существует большая группа мужчин, которые утверждают, что семья приносит им большее удовлетворение, чем работа (таких, примерно, 40%). Лишь пятая часть мужчин считают, что работа удовлетворяет их больше, чем семья. Остальные (тоже около 40%) заявляют, что семья и работа играют в их жизни примерно одинаковую роль.

Оказывается, что семейная жизнь, которая по традиции считается чисто женской сферой самореализации, может с успехом играть большую роль и в жизни мужчины. Так ли это?

Иметь семью хотят почти все мужчины, но о том, что значит *быть в семье*, они особенно не задумываются. Дом, по их понятиям, — то, что создает жена, а муж лишь материально обеспечивает, являясь вместе с тем «хозяином». В действительности в подавляющем большинстве семей жены, даже имеющие детей дошкольного возраста, работают. Тем не менее «хозяину» важно, чтобы независимо от того, работает жена или нет, дома его всегда ждали уют и порядок — так считает большинство мужчин. Две трети мужчин согласны с тем, чтобы жена работала в том случае, «если дети будут ухожены». Примерно 40% мужчин при условии, что они зарабатывают достаточно, желали бы, чтобы их жены не работали совсем. Опросы среди мальчиков-старшеклассников показывают, что у них явно преобладает точка зрения «работа мужа важнее, чем работа жены», поэтому, утверждают они, «домашнюю работу должна выполнять жена». Похоже, идентичность «справедливый семьянин» не слишком подходит российскому мужчине. Есть все основания утверждать, что современным российским мужьям и отцам присущ «семейный идеализм» и не более того. Среди

мужчин, отвечающих, что дом удовлетворяет их в большей степени, чем работа (можно было бы предположить, что именно они готовы по-новому играть мужскую роль в семье), гораздо больше тех, кто по той или иной причине не может добиться успеха в профессиональной сфере. Такие мужчины не в меньшей степени, чем остальные, хотели бы делать карьеру, но среди них существенно меньше людей с высшим образованием. В результате семейно ориентированные мужчины гораздо меньше удовлетворены жизнью, чем профессионально ориентированные. В оценке «жизни в целом», треть семейно ориентированных не удовлетворены ею полностью (среди тех, кому работа нравится больше, чем семья, таких в два-три раза меньше). Скорее всего, тот, кто кажется «заботливым семьянином», — это человек, сознающий себя неудачником.

Между тем у современного российского мужчины существует по меньшей мере четыре варианта семейной идентичности. Кажется, он может выбирать и экспериментировать, но отказывается от выбора, потому что социальный успех для него прочно связан с ролью мужа и отца, посвятившего себя работе, профессии, то есть внешней по отношению к семье деятельности. Семья важна ему для подтверждения социального статуса, необходима для организации быта и/или для эмоциональной поддержки. Однако часто он ведет себя неумело в отношениях с близкими, по сути дела, плохо знает своих детей, которых воспитывает жена, и, незаметно для самого себя, воздвигает преграду между семьей и работой.

Иначе говоря, чтобы стать «идеальным семьянином», российскому мужчине надо сильно измениться и увидеть в семейных отношениях гораздо более интересный предмет, чем это представляется ему сейчас.

Несчастливые «традиционалистки»?

Большинство российских семей переживают материальные трудности. Приспосабливаясь к стрессу, который связан с нехваткой денег и негарантированностью будущего, женщины используют разные стратегии:

- «буду искать (уже ищу) более денежную работу»;
- «пусть о том, как заработать, думает муж»;

- «перекрутимся, будем экономить на всем, продавать вещи»;
- «пока справляемся, поэтому и дальше будем жить, как жили»;
- «живем, стараясь не задумываться о завтрашнем дне»;
- «попытаюсь открыть собственное дело».

Результаты российских исследований показывают, что за каждой из таких стратегий стоит особый тип отношения «к жизни вообще», которому соответствует предпочитаемый тип семейного гендерного договора. Опыт стран, в течение гораздо более длительного, чем Россия, времени живущих в условиях современного рынка, показал, что «универсализм рынка не знает также и собственных, им самим установленных запретных зон и подрывает закреплённость женщин в их промышленно созданной «сословной судьбе» с ее предназначением к работе по дому и уходу за мужем и семьей» (Ульрих Бек).

Как, столкнувшись с подобной проблемой, чувствуют себя российские женщины, выбирающие *активные* или, напротив, *пассивные* стратегии? Большинство женщин, которые активно ищут работу с более высоким заработком, предпочитают партнерский тип отношений (или договор «равных статусов»). Большинство тех, кто считает, что думать, как заработать, должен муж, предпочитают традиционное распределение ролей: жена отвечает за дом, а муж приносит в дом деньги (договор «домашней хозяйки»). Те, кто «живут, как жили», и те, кто «стараясь не задумываться о завтрашнем дне», тоже чаще предпочитают партнерский тип отношений в семье, считая, что для женщины работа необходима не только экономически, но и психологически. Правда, и женщины, предпочитающие партнерские отношения, и «традиционалистки» считают, что в идеале их работа должна быть интересной и высокооплачиваемой. Только первые подчеркивают, что для них все-таки важнее заработок, а вторые («традиционалистки») предпочитают, чтобы работа была интересной.

Может быть, «традиционалистки» действительно чувствуют себя «за мужем, как за каменной стеной»? Напротив, оказывается, что почти половина из них «находятся в постоянном напряжении, и они часто не знают, как свести концы с концами». Среди женщин, выбирающих активную стратегию, таких меньше.

Ближе всего к «традиционалисткам» – женщины, готовые экономить на всем. Это, как правило, самые бедные и, вероятно, именно поэтому они не позволяют себе мечтать об образе жизни домашней хозяйки, но в идеале предпочитают именно его. Наконец, женщины, собирающиеся открыть собственное дело, как правило, хорошо образованы, высоко профессиональны – при этом они неплохо материально обеспечены. Они ценят не просто интересную работу и заработок, но имеют амбиции и хотят делать карьеру. Они больше, чем все остальные, удовлетворены жизнью в целом. Никто из них не хочет быть домашней хозяйкой, и все выступают за партнерские отношения в семье. Их главные проблемы – чрезмерная занятость на работе и растущее беспокойство за будущее детей.

Выявляется своеобразная закономерность: чем больше женщины верят в собственные способности справиться с материальными трудностями, тем реже их устраивает традиционное распределение гендерных ролей и тем чаще они настаивают на партнерских отношениях в семье. Напротив, желание быть «традиционной» женой и домашней хозяйкой часто связано не с особой любовью к дому, а с ощущением собственной неудачливости и неверием в свои силы.

* * *

Исследования современной, модернизированной семьи обнаружили, что гендерная асимметрия закреплена в семейных нормах – по сути дела, она является необходимым (хотя и недостаточным) условием внутрисемейного договора. В российском обществе, переживающем травму резкого перехода на новый исторический путь, происходит фактическое усиление гендерной асимметрии в повседневной жизни мужчин и женщин. Это демонстрируют массовые представления о семейных нормах и особенности внутрисемейного договора. Семья работающей матери (советская модель) превращается в семью с более определенно прописанными гендерными границами, как бы возвращаясь на новом витке к опыту традиционной семьи. Но динамика индивидуализации, которая выражается в демографических рисках (прежде всего в низком уровне рождаемости), в желании мужчин и женщин достигать и потреблять, в их растущем стремлении к самореализации, заставляет переосмысливать гендерные границы, установленные традиционной семьей.

Семья становится более хрупкой и уязвимой, чем в прошлом. Но и мужчинам и женщинам она открывает гораздо больше возможностей удовлетворять именно в семье (а не только за ее пределами) индивидуальные стремления, обрести радость общения и богатство эмоциональных переживаний.

Е. ЗДРАВ О МЫ С Л О В А ,
А. Т Е М К И Н А

**ПОЛОВОЙ ВОПРОС:
СОЦИАЛЬНОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
СЕКСУАЛЬНОСТИ**

Существует мнение, что человеческая сексуальность является чем-то устойчивым, биологически заданным. Такие представления называют биологическим детерминизмом. Согласно им анатомия — это наша судьба, а мужчинами и женщинами рождаются, а не становятся. Конечно, трудно не согласиться с тем, что сексуальные желания человека — результат биологической эволюции. Никто не утверждает, что мужчины и женщины сексуально идентичны. Но сексуальное поведение и его нормы различаются в разных обществах, в разные исторические периоды, в разных социальных контекстах.

Сексуальность — важная сфера человеческой жизни, а значит, важная часть общественного устройства. Гендерный порядок невозможно понять, если не выяснить, как организована в том или ином обществе сексуальная жизнь, что считается правильным и приемлемым в этой сфере, а что осуждается или даже преследуется по закону. Сексуальные стандарты не универсальны: в разных этнических сообществах, для разных возрастов, гендерных групп они различаются. Во многих обществах до сих пор воспроизводится типичный для патриархата двойной стандарт в отношении сексуального поведения мужчин и женщин: то, что разрешается мужчинам, недопустимо для женщин. Так, например, общество с большей снисходительностью относится к внебрачным сексуальным связям мужчин и оправдывает такую толерантность представлениями об особых биологически заданных сексуальных потребностях мужчин по сравнению с женщинами. В традиционных обществах добрачная девственность женщин жестко контролируется, в то время как добрачная и внебрачная сексуальная жизнь мужчин организуется посредством института

проституции. Так, например, в сельских районах Армении до сих пор следуют обычаю «красного яблока», а в ряде областей Киргизии все большим спросом пользуется операция по восстановлению девственной плевы. Из этих примеров видно, как общество может вмешиваться в интимную жизнь человека.

В традиционных обществах под влиянием религии не поощряется использование противозачаточных средств. Однако женщины, решая проблемы деторождения, всегда знали, какие средства могут помочь в предотвращении беременности или рождения нежеланного ребенка. Многие из этих средств были жестокими и разрушительными для здоровья женщин. В целом возможности самостоятельного контроля деторождения были ограничены.

Христианская религия не рассматривает сексуальное поведение в категориях удовольствия. Это неизбежный грех, совершение которого необходимо для деторождения. Традиционные религии считают единственно правильной гетеросексуальную организацию интимной жизни.

Сексуальную жизнь в современном обществе все заметнее регулирует так называемое экспертное знание, то есть научные представления. Инструкции по правильной сексуальности дают биология, психология и медицина. Хотя в повседневном языке для описания интимных отношений очень часто используется лексика, вульгаризирующая сексуальность, в публичных рассуждениях о сексе применяются медицинские термины. Современная медицина рассматривает сексуальную жизнь не только в категориях здоровья (что чрезвычайно важно в условиях массового распространения ВИЧ и СПИДа), но и в категориях удовольствия, когда отсутствие сексуального наслаждения рассматривается как нарушение нормальной интимной жизни и подлежит обследованию и лечению. Именно медики обнаруживают различия в техниках достижения оргазмического удовольствия у мужчин и женщин, разрабатывая теорию клиторального оргазма, предлагая варьировать положение партнеров в процессе сексуального взаимодействия. Медицина предлагает самые разнообразные услуги: от повышения потенции до хирургических операций, способствующих сексуальной привлекательности.

В современном обществе сексуальная жизнь становится относительно автономной от репродукции и брака, перестает быть напрямую связанной с продолжением рода и понимается как сфера кон-

тролируемого удовольствия и взаимной ответственности партнеров. Сексуальное поведение рационализируется: люди сознательно регулируют свою сексуальность, принимая решения по поводу связей, в которые они вступают, ориентации на репродукцию, степени риска и прочее. Эта тенденция все более распространяется в молодом, сексуально просвещенном поколении, которое не хочет рисковать ни своим здоровьем, ни своими жизненными установками под влиянием страстных чувств или минутных увлечений. В обществе все больше признается разнообразие сексуальных ориентаций, оно терпимее относится к сексуальным меньшинствам, постепенно исчезает двойной стандарт сексуального поведения мужчин и женщин, считается нормальной сексуальная жизнь людей старшего возраста. По мнению известного исследователя Игоря Кона, в XXI веке основными мировыми тенденциями изменения сексуальной жизни становятся либерализация, рационализация и индивидуализация. Несмотря на протесты моралистов, убежденных, что эмансипация сексуальности разрушает нравственные устои общества, либерализацию сексуальной жизни невозможно запретить, ее нужно «окультуривать». Стихийный секс является безответственным поведением в том смысле, что партнеры не думают о возможных последствиях сексуальных отношений, в которые они вступают. Такими последствиями могут быть моральные травмы, нежелательная беременность, заболевания. Сексуальное поведение является рискованным, если оно не обеспечивается средствами безопасности, то есть средствами предохранения от беременности и разнообразных болезней, передающихся половым путем.

Государство контролирует и регулирует сексуальное и репродуктивное поведение людей идеологически и юридически. Экономика общества также влияет на сексуальную жизнь. Так, миграции в условиях современных экономических кризисов приводят к возникновению параллельных сексуальных союзов. Спрос на сексуальные услуги во всех обществах приводит к развитию проституции. Качество рынка контрацептивов определяет возможности контроля репродуктивного здоровья.

Сегодня представления о сексуальности активно формируются массовой культурой и СМИ: создаются образы сексуализированной и эротизированной женственности, а мужчина часто изображается как мачо, чья идентичность связана с сексуальной потенцией.

Сексуальность включает широкий спектр социальных явлений. Ее сфера охватывает не только то, что в обыденном языке называется сексом, но и первые романтические влюбленности, индивидуальные эротические фантазии, общественные нормы, сексуальное здоровье, порнографию, потенцию, фригидность, беременность и контрацепцию, продажу сексуальных услуг, представления об инцесте и насилии. З.Фрейд и М.Фуко отводили сексуальности одно из центральных мест в социальной структуре, понимая, что сексуальность человека имеет не только биологическое происхождение, но и *социальное содержание*.

СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ

Сексуальные представления и нормы поведения меняются от поколения к поколению. В период так называемой сексуальной революции стало возможным открыто обсуждать сексуальную жизнь, получать достоверную информацию, был ослаблен общественный контроль за интимной жизнью граждан.

Начало сексуальной революции на Западе совпадает с подъемом студенческого демократического движения и второй волной феминизма в конце 1960-х – 1970-е годы. Массовое производство оральных женских контрацептивов, их широкое распространение позволяет женщинам контролировать свою репродуктивность и делает их независимыми в сфере сексуальности. Однако эти контрацептивы не предохраняют от венерических заболеваний, единственным надежным способом предохранения от которых остается «мужской контрацептив» – презерватив. Это означает, что сексуальная безопасность сексуальных партнеров во многом по-прежнему зависит от мужчины.

Для этого периода прежде всего характерно ослабление двойного гендерного стандарта, то есть приближение женского сексуального поведения к такому, которое раньше считалось допустимым только для мужчин. Здесь важно отметить, что процесс сексуальной эмансипации не означает, как часто думают, что женщины становятся похожими на мужчин. Но их пол перестает быть основанием для жесткого контроля над их сексуальным поведением. Вместе с тем сексуальную революцию нельзя считать завершенной прежде всего потому, что

равенство в сексуальной сфере еще не достигнуто и множество мужчин еще далеки от того, чтобы его принять.

Сексуальная революция в России развивается иначе, чем в западных демократиях, что объясняется отсутствием демократических свобод и, в частности, запретом на свободное публичное обсуждение сексуальной жизни в советский период. Первый период сексуальной революции в России приходится на 1970 – 1980-е годы и характеризуется распространением более свободного сексуального поведения. Снижается возраст начала сексуальной жизни, уменьшается гендерный разрыв в сексуальном поведении мужчин и женщин, мальчиков и девочек, часто практикуется добрачная и внебрачная сексуальность, получают распространение гомосексуальные отношения. При этом сохраняется умолчание темы секса в СМИ, в западных кинофильмах вырезаются эротические сцены, жестко соблюдается цензура в этой области. Сексуальность является предметом анекдотов, фольклора и узких профессиональных сфер. В позднесоветское время либеральные сексуальные нравы часто воспринимались как протест против официальных лицемерных регламентаций. От рисков сексуального поведения, от отсутствия сексуального просвещения страдают оба пола. Либерализация сексуальности в условиях дефицита контрацептивов приводит к массовым абортam, страху нежелательной беременности, «нехватке» сексуального удовольствия.

Второй период российской сексуальной революции – постсоветский, когда появляется возможность публичного обсуждения сексуальности, происходит ее коммерциализация, развивается секс-индустрия удовольствия и контрацептивов. Информация становится многообразной и доступной, хотя образование по-прежнему остается недостаточным и социально дифференцированным, а практики безопасного секса не получают массового распространения.

Сексуальная революция в современной России – процесс противоречивый. Отношения равенства между сексуальными партнерами становятся тем идеалом, на который ориентируются многие молодые мужчины и женщины, поддерживающие устойчивые интимные связи. Сегодня в российском обществе сексуальная жизнь в значительной степени отделена от деторождения и брака. Сколь бы очевидным ни казалось нам утверждение, что брак и деторождение предполагают секс, в современном обществе это далеко не всегда соответствует реальности. Брак

возможен без интимных отношений, деторождение возможно без секса. В последнее десятилетие институт брака сильно трансформируется. В то же время для России по-прежнему характерен двойной гендерный стандарт. Это означает, что от мужчин и женщин ожидается разное сексуальное поведение. Согласно двойному стандарту, женщины позже вступают в сексуальные контакты, имеют меньше сексуальных партнеров, их внебрачные связи гораздо больше осуждаются, чем мужские.

В условиях низкого уровня осведомленности населения о безопасном сексе возрастают риски – подростковые беременности, концентрированная эпидемия ВИЧ и СПИДа. Общество реагирует на эти риски неоднозначно. Консерваторы проповедуют моральный упадок, связывая социальные проблемы с распространением информации о сексе. Они верят в то, что запретами, жестким контролем и отсутствием знаний можно гарантировать здоровую репродуктивную брачную сексуальность. Другая позиция – либеральная. Ее сторонники полагают, что противостоять рискам можно с помощью распространения экспертного знания, образования, поддержки ориентации на безопасный ответственный секс. Надо смириться с тем, что добрачные связи стали реальностью, что подростковый возраст (15–16 лет) – это начало активной сексуальной жизни современной российской молодежи. В такой ситуации молодых людей надо просвещать, а не запугивать и загонять проблемы в подполье, как это было в советские времена.

Современные исследователи изучают разнообразие форм сексуального поведения. Их интересует, когда и при каких обстоятельствах люди начинают половую жизнь, какие формы ухаживания распространены в обществе, как устроена сексуальная жизнь мужчин и женщин, чем различается сексуальная жизнь в браке и вне его, каковы тенденции сексуального поведения в современном обществе.

СЦЕНАРИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Стандарты сексуального поведения получили название сценариев сексуальности. Сценарий – это социальные предписания, которым следуют члены общества, не всегда осознавая их.

Исследователи выделяют три уровня сценариев сексуальности: культурный, межличностный и индивидуальный. Культурный или

макросценарий в общих чертах прописывает стандарты сексуальной жизни. Межличностный определяет смыслы сексуальных отношений с разными партнерами — он является конкретным и ситуативным. Индивидуальный сценарий обусловлен личными особенностями человека как сексуального существа.

Каков же культурный стандарт сексуальной жизни российского общества? В чем-то он повторяет общие нормы, в чем-то — сохраняет свои особенности.

Обратимся к некоторым параметрам *культурного сценария сексуальности*.

Табу на инцест. По свидетельству антропологов, первичным механизмом организации сексуальной жизни человека является запрет на кровосмесительные связи. Но что называть кровосмешением? Какая степень родства препятствует легитимным половым отношениям? Очевидно, что общество запрещает сексуальные отношения в малой семье между родителями и детьми, братьями и сестрами в первом колене. Функциональность этого табу связана с контролем над воспроизводством рода и репродуктивного здоровья.

Доминирование гетеросексуальности характерно для большинства современных обществ, которые, однако, различаются по степени толерантности в отношении сексуальных меньшинств. В современном российском обществе (с 1993 года) гомосексуальность не преследуется по закону, существует социальная ниша для гомосексуального сообщества, однако гомофобия по-прежнему имеет широкое распространение, особенно в провинции.

Двойной гендерный стандарт предполагает разные критерии оценки мужской и женской сексуальной жизни и предписывает господствующую позицию мужчин в сексуальных отношениях. Считается, что инициативу в интимных отношениях должны проявлять мужчины, они же являются исполнителями ритуала ухаживания, предшествующего интимной связи. Женщине, согласно этому сценарию, отводится если не сексуально пассивная, то, во всяком случае, принимающая роль. Ее инициатива, если она допускается,

присутствует в замаскированном виде. Женщины гораздо чаще, чем мужчины, продают сексуальные услуги, являются жертвами сексуального насилия; считается, что они не обязательно должны испытывать сексуальное удовлетворение. Женщины признаются ответственными за репродуктивный контроль, в то время как ответственность мужчины избирательна и зависит от типа отношений, в которые он вступает.

Анализируя то, как осмысливают и организуют интимные взаимоотношения мужчины и женщины в своей повседневной жизни, мы выделили несколько межличностных сценариев сексуальности*. Рассмотрим каждый из них поочередно.

«Секс нужен для рождения детей» (репродуктивно ориентированная сексуальная жизнь)

«Все было абсолютно рутинно... А сексуальная жизнь меня не очень волновала. Это прикладывалось к отношениям, к браку...» (женщина, 39 лет).

«Поскольку я не любила своего мужа, то мне всегда хотелось, чтобы он побыстрее отвязался» (женщина, 40 лет).

«Брак — это непрерывная монотонная функция... и это очень важно, насколько ты можешь терпеть человека... Если ты его видишь фактически каждый день, тут мало чего остается» (мужчина, 35 лет).

Такой сценарий предполагает, что партнеры считают брак основной легитимной формой интимных отношений, а деторождение и родительство (материнство) — основным смыслом сексуальной жизни. Рассказ о сексуальном опыте строится как повествование о брачном союзе. Детские и юношеские сексуальные опыты здесь не описываются, рассказ о сексуальном воспитании отсутствует, знания рассказчиков о сексуальной жизни, по их собственной оценке, фрагментарны и недостаточ-

*Цитаты взяты из интервью, собранных в ходе исследований трансформации сексуальной жизни в современной России.

ны. Последовательность событий в ходе жизненного пути предстает следующим образом. После первой романтической влюбленности следует знакомство с будущим супругом (супругой), в ходе которого происходит первый сексуальный контакт. Этот контакт не обязательно осуществляется в браке, но основанием для вступления в сексуальные отношения является ориентация на брак, сексуальные партнеры описываются как муж и жена. Смена партнеров может быть связана с разводом и последующим новым браком.

Такое представление о сексуальной жизни не предполагает подробного описания сексуальных техник и телесных ощущений, секс не является предметом обсуждения между партнерами (мужем и женой). Рассказ не включает описания сильных страстных чувств; эмоционально насыщенные описания присутствуют в рассказах о ранних влюбленностях и платонических привязанностях.

У женщин повествование о сексуальной жизни включает развернутые рассказы о беременностях, абортах, родах и воспитании детей. Рутинизация страхов нежелательной беременности и опыта аборта характерна для женщин на протяжении всего репродуктивного цикла (исключением являются представительницы молодого поколения, следующие практикам безопасного секса). Ядром гендерной идентичности этих женщин является их материнская роль. Бездетная женщина считает, что она *«не выполнила главного предназначения женщины — не родила ребенка»*. В этом случае наша рассказчица много лет находится замужем, муж был первым и единственным сексуальным партнером в ее жизни. У нее нет детей: сначала их не хотел иметь муж, потом не позволило состояние ее здоровья.

Проблемы сексуальной удовлетворенности в условиях такого сценария не обсуждаются: *«Вся моя беда заключается в том, что с (мужем) я ни разу оргазм не испытала... Высказать ему мою заинтересованность как в мужчине... я считала неудобным»*. Использование контрацепции вызывает большие проблемы. Сексуальная жизнь описывается как неизбежное и не всегда приятное приложение к браку, секс — как однообразный и рутинный. Сексуальный опыт довольно часто изображается как негативный, как отсутствие сексуального удовольствия. Например, одна из информанток замечает: *«Моя сексуальная жизнь была в общем-то... неудачна»*.

Конечно, такой сценарий воспроизводился в основном в женских рассказах. Но и в мужской версии сексуальная жизнь — это жизнь в браке, в которой, однако, значимо сексуальное влечение. Партнеры не пользуются контрацептивными средствами, жены делают многочисленные аборт. Рассказывая о жене, мужчина не всегда может точно указать число перенесенных ею аборт (она *«много делала аборт, раза четыре или пять»*). Такой партнер проявляет заботу о сексуальном удовольствии партнерши, однако обсуждение секса между партнерами отсутствует (*«мне не нужно обсуждать проблемы секса»*). В наиболее рефлексивных мужских биографиях высказывается сомнение в том, что супружеская сексуальная жизнь доставляла женщинам удовольствие: *«О семейном сексе вспоминать грустно и обидно. Теперь ясно вижу, что от полового акта какое-то удовольствие получал только я, а жены только исполняли свой «супружеский долг»*.

По данным проведенных нами исследований, такие истории характерны для представителей старшего поколения и для первых этапов сексуальной жизни представителей среднего поколения. Изучение сексуальных биографий представителей молодого поколения показывает, что такой сценарий в большей степени распространен в женских рассказах: женщина определяет себя прежде всего в роли супруги и матери.

Такая традиционная гендерная идентичность ставит женщину в пассивную позицию в сексуальных отношениях, когда она ожидает инициативы от сексуально «компетентного» мужчины; ответственность за сексуальное (не)удовлетворение при этом также возлагается на него.

«Секс — это про любовь» (романтическая версия сексуальных отношений)

«Любовь... она определяет сексуальный успех... Секс — это следствие, инструмент почувствовать любовь... сексом надо заниматься, когда у тебя есть чувства к этому человеку» (женщина, 46 лет).

«Я стремлюсь иметь секс с тем, в кого влюблен» (мужчина, 53 года).

«Жизнь без любви — это прожигание жизни... когда ты кого-то любишь, это стимул для всего» (мужчина, 58 лет).

В романтической интерпретации сексуальной жизни «на сцене» взаимодействуют «любовники», «возлюбленные», «любимые». Рассказ о сексе включает развернутые истории о влюбленности, всепоглощающей страсти, губительной ревности, драматических переживаниях. Такой романтический секс независим от брака, хотя иногда и представлен как отношения, завершающиеся браком. Отношения описываются как продолжительные, достаточно стабильные, эмоциональные. Сексуальное удовольствие связывается с силой привязанности. Сексуальные отношения с партнерами не обсуждаются, и собственно сексуально-телесные ощущения в рассказе описываются «по остаточному принципу». Секс в основном описывается с использованием эстетических категорий, подчеркивается телесная красота и привлекательность партнеров. Такой сексуальный опыт — это любовное взаимодействие, и о нем говорят на языке любви. Эмоциональная насыщенность характерна как для женских, так и для мужских рассказов.

В женской версии реконструкция романтически окрашенной сексуальной жизни напоминает драму. Потеря девственности происходит с человеком, к которому испытывают сильные чувства, эмоции присутствуют во всех отношениях: *«Каждый свой роман переживала как сильное чувство»*. В рассказах описывается широкая гамма переживаний, в словаре — центральное место занимают *«влюбленность»*, *«романтические отношения»*. Чувства (в отличие от сексуальных техник и ощущений) являются предметом постоянного обсуждения между партнерами.

В мужской версии любовь неразрывно связана с сильным сексуальным влечением: *«Поводом для какого-либо романа было, конечно, желание физической близости»*. Влюбленность описывается как непреодолимая страсть, одержимость: *«Я был влюблен как сумасшедший, половые отношения тоже, безусловно, играли большую роль»*.

Романтический сценарий сексуальных отношений так же, как и репродуктивно ориентированный, не предполагает активного обсуждения интимных отношений между партнерами. Женское сексуальное удовольствие описывается как удовлетворенность романтической стороной интимной связи. В этом сценарии сохраняется гендерный разрыв между инициативой и ответственностью мужчин за сексуальное удовольствие, с одной стороны, и пассивностью и подчиненностью женщин в сексуальном взаимодействии — с другой.

«Секс – это общение на особом языке, языке тела» (коммуникативная версия сексуальных отношений)

«Мои сексуальные предпочтения складываются в зависимости от моих общих интересов, это дополнение другим языком того, что существует» (женщина, 32 года).

«Важны... в первую очередь, человеческие отношения... секс должен быть, конечно, это... сопутствующее, но для меня это не главное» (мужчина, 66 лет).

Многие люди воспринимают сексуальные отношения как часть дружеских связей, которые обеспечивают нас теплотой общения, возможностью поддерживать отношения по интересам, а иногда и помощью и поддержкой в трудных обстоятельствах.

Такое понимание сексуальных отношений воплощается в рассказах об интимности, вырастающей на основе дружбы, общения, совместных дел и интересов. Действующими лицами здесь являются друзья, близкие люди. Секс описывается через категории общения и дружбы, духовной близости, взаимопонимания, общих интересов: *«Для меня основополагающим моментом является... возможность дружеских отношений между мужчиной и женщиной»*. Сексуальная жизнь представляется как серия параллельных или последовательных связей, одни из которых имеют стабильный характер, а другие – кратковременный. Такие рассказы часто обращаются к сюжетам промискуитетных связей. Главная ценность – это общение, в таких отношениях *«главное – это разговоры, а остальное – уж там получится»*. Собственно половой акт рассматривается как интимная практика дружбы, доказательство эмоциональной близости и родства душ, товарищеской надежности. Сексуальное удовольствие может стать предметом обсуждения партнеров: *«Мы обсуждали сексуальные проблемы, когда у меня не было оргазма»*. Сексуальные опыты описываются как разнообразные.

В женской версии в словаре секса центральное место занимает *«понимание»*, *«разговоры»*, *«язык»*, *«человеческие отношения»*. Рассказ идет о способах взаимоотношений, когда секс – следствие и продолжение личной коммуникации. Партнер – это *друг*, человек *«своего круга»*, в его определении присутствует много иронии, он может быть *«мальчиком»*, *«человеком»*, *«отцом ребенка»*, *«кавалером»*, *«героем-любовником»*.

«Он тот мой попутчик, с которым я могу вот так жить рядом и обговаривать все, что происходит. Это же очень важно, обговаривать... для меня очень важно, как этот человек ко мне относится и как он себя ведет в языковом отношении» — так женщина 32 лет рассказывает о способах личного взаимодействия и — дополнительно — о сексе.

В мужской версии, основание для вступления в отношения — сексуальное влечение, стремление нравиться и доставлять удовольствие партнерше, которая принадлежит к той же дружеской компании. Здесь важны эмоциональная привязанность, общие интересы, индивидуальные особенности партнера. Такие отношения характеризует *«открытость, способность к какой-то игре, полная искренность»*. Рассказывает мужчина 57 лет, женатый второй раз: *«Все мы делаем вместе... мы открываемся друг другу»*. Его партнерша (вторая жена): *«Очень внимательный, очень нежный человек, преданный... с которым есть о чем поговорить»*. Сексуальное удовлетворение партнерши и сам секс — предмет обсуждения, как и проблемы контрацепции: *«Эти разговоры происходят во время каких-то игр... речевая часть полового акта, она обязательно должна присутствовать»*; *«Мне нравится, когда ей со мной хорошо»*.

И в мужском, и в женском варианте данный сценарий — это прежде всего сценарий сексуальной коммуникации. Внимание привлекают индивидуальные особенности партнера, его/ее личность, ее/его обстоятельства жизни. В женском рассказе секс является следствием личностной коммуникации, *«выражение ее другими средствами»*. В мужском рассказе — дружба определяет фон сексуальных отношений. Использование контрацепции, сексуальная вербализация, значимость получения женщиной сексуального удовольствия заметно отличают этот сценарий от более традиционных.

«Секс — это способ улучшить жизненные шансы» (коммерческое понимание сексуальных отношений)

«Я расплачивалась сексом... мне приходилось расплачиваться за удобства, которые имею» (женщина, 34 года).

«Был такой договор с ней, что я спонсирую ее учебу, или же ее жизнь, окажу материальную поддержку...» (мужчина, 60 лет).

В таком сценарии сексуальные отношения между партнерами описываются как сделка или обмен между обладателями разных ресурсов: сексуальной привлекательности, с одной стороны, и экономических, социальных или культурных капиталов — с другой. Сексуальная близость здесь представлена как предмет потребления, подлежащий обмену. Диапазон данного сценария достаточно широк: от эпизодической проституции до полного материального содержания.

В женской версии сексуальная связь может быть описана как «продажа»: *«Когда относишься к этому как к работе и думаешь, что это скоро должно кончиться»*. Основания для вступления в отношения — выгода, то есть блага, которые, как правило, могут быть конвертированы в деньги: *«Мне нравилось, когда он давал мне деньги... я пару раз этим занималась, когда у меня совершенно не было денег»; «Я получала материальные выгоды из секса: мне делали подарки... иногда давали деньги... я расплачивалась сексом»*. Партнер — это клиент, спонсор: *«Клиенты приходили, сидели, потом мы договаривались о цене. Мы быстренько все делали и возвращались обратно»*. Сексуальное удовольствие отсутствует: *«Никакого, конечно, удовольствия. Был один мальчик, который доставил удовольствие, но обычно это никакого удовольствия не доставляет»; «Я притворялась, и делала это достаточно успешно»*. Сексуальные техники в интервью описываются как разнообразные и профессиональные. Это может быть и секс с постоянным партнером, хотя более типичны случайные отношения.

Данный сценарий в повседневности имеет много вариаций — от эпизодических заработков сексуальными услугами (речь не идет о коммерческих секс-работницах) до стабильных отношений, когда от мужчины ожидается материальная поддержка, а от женщины хозяйственное и сексуальное обслуживание.

В мужской версии, секс — это использование купленного товара, секс с проститутками или соержанками: *«У меня есть подруга, но она дорогая»*. Отношения описываются как договор, как скрытая форма проституции: *«Когда деньги кончатся, связь прервется»*. Партнерши — это *«молодые девочки, которые не считают себя проститутками, но готовы проводить время с людьми постарше за деньги»*, или проститутки, для которых *«секс — это работа»*. От таких отношений не требуется искренности: *«Со стороны женщины бывает лживое поведение: они подыгрывают, утверждают, что им все нравится»*. Мужчины определяют такие отношения

как выгодные для женщины: *«Такая девочка ничего не теряет, а приобретает сексуальный оргазм и плюс деньги»*. Вместе с тем женщина подвергается осуждению: *«...И должно быть нормально, что женщина принимает мужчину как мужчину, своего друга, любовника, партнера, мужа, а не как человека — покупателя товара... должно быть только так»*.

Мужчина вступает в сексуальные отношения для удовлетворения сексуальных потребностей, которые он оплачивает, женщина — для получения материальных благ. Данный сценарий отчетливо демонстрирует гендерную асимметрию. Социальная компетентность мужчины в таких сексуальных отношениях — его материальный статус, социальная компетентность женщины — сексуальный «профессионализм». Такой сценарий активно поддерживается рекламой и мужскими и женскими журналами. Он становится все более легитимным в связи с коммерциализацией сексуальности в современной жизни.

«Секс — это удовольствие» (гедонистическая* версия сексуальных отношений)

«Главное — это получить наслаждение и дать наслаждение другому человеку» (женщина, 31 год).

«Жизнь — удовольствие, надо получить от нее удовольствие». (мужчина, 42 года).

В этом сценарии сексуальное желание обретает самостоятельный статус; пропагандируются и практикуются техники достижения максимального удовлетворения в сексе, тело и телесные ощущения представлены как источники наслаждения. Рассказы изобилуют подробностями о сексуальных чувствах, ощущениях, техниках, о детских сексуальных опытах. Сексуальные отношения описываются как *«игра»*, *«интрижка»*, *«удовлетворение аппетита»*, *«удовлетворение чувства голода»*. В отношениях *«главное — получить наслаждение и дать наслаждение другому человеку»*. Сексуальное удовольствие и удовлетворение — обязательный элемент сексуальных отношений. Для описания секса используются такие метафоры, как *«спорт»*, *«искусство»*. Секс воспринимает-

* Гедонизм — древнегреческое этическое учение, признающее наслаждение высшим благом и целью жизни.

ся как действие, «*полезное для здоровья*». Сексуальность — как набор телесных практик и телесного опыта, приводящих к удовольствию. Сексуальные отношения отделены от брака и любви, в них вступают последовательно и параллельно, вплоть до группового секса и серии случайных связей. Секс оценивается как разнообразный и эстетизируется: «*Секс — это индивидуальные или, может быть, групповые контакты людей, которые связаны в какой-то мере с эстетикой половой жизни*». Это образ жизни и/или соответствующее настроение: «*Я могла склеить на улице партнера — не знаю, что от меня такое исходило — и тут же улечься с ним в постель... У меня каждый день был новый или два раза в день новый*». Сексуальные взаимодействия, контрацепция — предмет постоянного обсуждения. Техники описываются детально: сексуальные акты и ощущения, разные виды секса, антураж — белье, свет, музыка, фильмы и пр. В словаре рассказчиков центральное место занимают обозначения собственно секса.

Женская версия этого сценария во многом схожа с мужской. Однако полная автономизация сексуальности как сферы наслаждения для женщины предполагает переосмысление культурного сценария двойного стандарта, навязываемого обществом. Ведь до сих пор инициативная в сексуальных отношениях женщина, требующая сексуального удовольствия, рассматривается как распущенная, озабоченная и уж во всяком случае чересчур эмансипированная и нескромная.

В мужской версии гедонистический сценарий предстает как выражение мужской природы, когда секс и сексуальное взаимодействие являются самоцелью: «*Если попадается очень хорошенькая, никогда мимо не пройду... или не проеду*». Секс — это эротическое взаимодействие, направленное на взаимное удовольствие: «*Сексуальная жизнь всегда являлась для меня определяющей... вместе с женой мы завели прекрасных любовниц и любовников*». Телесные характеристики партнерши и собственно телесное взаимодействие становятся стержнем рассказа.

Гедонистическая версия сексуальности не является новым постсоветским феноменом. Она характерна для мужчин во все времена. В мужских биографиях этот сценарий был представлен и в советское время, в различных вариациях мужской «спортивной» сексуальности. Открытое и свободное воплощение подобного сценария сексуальности ново для женщин.

* * *

Итак, люди говорят о сексе разным языком, по-разному интерпретируя свое сексуальное поведение. Но есть рассказы, которые целиком соответствуют одной из предложенных сценарных версий. Однако представленные сценарии не исчерпывают всех возможностей интерпретации сексуального опыта. За рамками данного исследования остались, в частности, гомосексуальные биографии и интимные отношения, которые не составили целостных повествований. Отдельной темой и проблемой является сексуальное насилие, эпизоды которого достаточно часто встречались в рассказах. Духовные поиски, эзотерические практики или религиозные взгляды могут стать контекстами иного понимания сексуальности.

Т. БАРЧУНОВА

ЧЕЛОВЕК ВЕРУЮЩИЙ:
**ГЕНДЕРНАЯ НАУКА
И РЕЛИГИЯ**

РЕЛИГИЯ – ОПИУМ ДЛЯ УЧЕНОГО

Основным аспектам религии – *вере, ритуалу, религиозному опыту и способам организации религиозных сообществ* – посвящено множество исследований. Изучением религии занимаются философы, социологи, антропологи, психологи. Особая область исследования – выражение религиозного чувства в искусстве. Этнографы разных стран пускались в опаснейшие путешествия, чтобы описать религиозные обычаи и артефакты какого-нибудь небольшого народа, живущего на острове, затерянном среди океана.

Религия относится к числу важнейших ресурсов обоснования гендерных ролей, но к излюбленным предметам гендерного анализа религиозная проблематика не принадлежит. Причин тому несколько.

Гендерная теория относится к числу критических теорий, которые не просто описывают сложившийся социальный порядок, но и анализируют его в терминах несправедливости, неравенства или асимметрии (культурный аналог понятия социального неравенства). Эмпирические гендерные исследования направлены на описание *гендерной системы* (порядка) в целом или *гендерного режима* (термин Р. Коннелла) отдельных социальных подсистем (экономики, политики, образования, науки, брака и проч.) и организаций. Описание гендерного режима предполагает описание гендерного состава, гендерных норм и ролей в рамках отдельных религий и религиозных организаций – официальных религиозных общин и свободных объединений верующих. К числу таких норм, например, в консервативном иудаизме принадлежит разделение простран-

ства синагоги: женщины молятся отдельно от мужчин, даже если они принадлежат к одной семье. Описывать гендерный режим религиозных организаций можно либо изнутри — с позиций верующего, либо с позиций наблюдателя, который данную религию не исповедует.

Описание гендерного режима изнутри не предполагает критики или ревизии сложившейся системы. Этой системе находится обоснование либо в боговдохновенном писании, либо в освещенном традицией предании. Так, сокрытие тела и лица мусульманки с точки зрения стороннего наблюдателя является признаком ее угнетения и пассивности (а снятие чадры или хиджаба — соответственно способом обретения женщиной свободы и дееспособности), тогда как для нее самой — это часть ее национального и религиозного самосознания, подлинности и телесной неприкосновенности.

Изнутри религиозного мира оспаривание освященных религией традиционных гендерных ролей воспринимается не как ответ на изменившиеся условия существования гендерных групп, а как вызов, как угроза богоданным нравственности и социальному порядку. Возникает конфликт между отстаиванием прав дискриминируемой, с точки зрения внешнего наблюдателя, гендерной группы, с одной стороны, и принципом свободы совести и вероисповедания, то есть уважения к вере и религиозным практикам другого человека — с другой. Именно в этом, по-видимому, заключена основная причина сопротивления религиозования гендерному подходу.

Тем не менее религиозные системы претерпевают изменения, которые затрагивают и гендерные аспекты религии.

Александр Блок в 1905 году писал:

*Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.*

*Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче...*

И мы воспринимаем женский голос в церковном хоре как нечто само собой разумеющееся. Однако женщинам петь в хоре православной церкви разрешалось не всегда, как, впрочем, и состоять в приходском совете, выполнять работу бухгалтера, воспитателя и пр. Несмотря на то, что церковь — очень консервативный социальный институт, роли мужчин и женщин в нем все же постоянно изменяются. Иногда эти изменения возникают в связи с потребностями адаптации религиозной общины к изменившейся внешней среде. Так происходит, например, в случае миграции, когда достаточно консервативная община оказывается в условиях более либеральной социальной среды. В некоторых религиозных группах, например в большинстве реформированных протестантских и иудаистских конгрегаций, миряне-мужчины и миряне-женщины имеют равные обязанности и полномочия.

В небольшом очерке невозможно подробно рассказать о том, каковы гендерные контуры разных религий и как они меняются. Но поскольку религия — не только важный элемент самосознания, или, как говорят социологи, идентичности, но и политическая сила, имеет смысл наметить эти контуры хотя бы пунктиром.

ВЕРА

Способность верить относится к числу свойств человека как социального существа. Без веры и доверия человеческое общество было бы невозможно. Но это универсальное человеческое чувство может быть направлено на разные объекты и может существовать в разных социальных формах. Вера человека в *трансцендентное* начало (Бога, богов, богинь, духов, ангелов, бесов, одухотворенную энергию и т.п.) называется религиозной. Трансцендентное — это то, что выходит за пределы непосредственного, каждодневного опыта человека. Сам термин происходит от латинского глагола со значением «выходить за границы».

Трансцендентное начало обычно наделяется абсолютными качествами, такими, как **всеведение**, **всемогущество**, **всеблагость**, которым подвластны жизнь и смерть. И если народ дафла, живущий на территории Индии и Бутана, поклоняется солнцу, то он поклоняется ему не как таковому, а видит в нем добрую мать-прародительницу.

Абсолютных религиозных скептиков, то есть людей, чисто отрицающих потустороннее начало, не так много. Психологически религиозная вера для человека очень важна: она предоставляет ему путь очищения от груза вины за дурные поступки и мысли, дает чувство безопасности. В каждой религии закреплены определенные представления о том, как проявить свое религиозное чувство и обрести заступничество потусторонних сил. В этом смысл культовой стороны религии, например совершения таинств. Именно в чувстве освобождения от скверны и ощущения защищенности, по-видимому, заключен залог устойчивости разных форм религиозной веры и ее влияния на светские, иначе говоря, секулярные (профанные), сферы жизни человека.

Если понимать веру как «уверенность в невидимом», то есть в трансцендентное, то она гендерно нейтральна. И такие религии, как буддизм, иудаизм, христианство, ислам, изначально полагали, что спасение и духовное возрождение, обретаемое благодаря вере, равно доступно любому человеку, независимо от пола. Известный специалист по мусульманской культуре А. Шиммель подчеркивает важную роль в формировании мусульманской общины сильной и неутомимой веры мусульманских женщин. Она отмечает, что нередко повторяемые в христианстве суждения о том, что «согласно исламу, женщина не обладает душой», не имеют основы ни в Коране, ни в классической традиции*.

В Библии, несмотря на зафиксированное в ней *социальное неравенство* полов, уровень *духовной зрелости* не ставится в зависимость от пола. Один из наиболее знаменитых библейских текстов на эту тему — слова Апостола Павла из его Послания к Галатам: *«Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»* (3: 21)** . (Слово «язычник» в данном случае

* Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М.: Алетейя, Энигма, 1999. С. 333.

** В ссылках на Библию первая цифра обозначает номер главы, вторая — номер стиха. Тексты даются по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. Данный перевод Священного Писания, сделанный более века назад, одобренный Святейшим Синодом, отличается неточностями. Так, определение веры в нем звучит как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». «Осуществление ожидаемого» — одна из таких неточностей, которая была исправлена в более поздних переводах.

означает «не иудей».) Но это не единственное высказывание в Библии, характеризующее веру и духовное возрождение этнически, классово и гендерно нейтрально. Гендерное равенство верующих перед Богом подчеркивается в библейских текстах посредством параллельных или симметричных описаний, относящихся к мужчинам и женщинам. Рассуждая о вере мужчин и женщин в Первом послании к Коринфянам, Павел строит свои высказывания на эту тему симметрично: «...*неверующий муж освящается женою (верующею), и жена неверующая освещается мужем (верующим)*» (7: 14). Или: «...*ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж чрез жену; все же — от Бога*» (11: 11–12).

Однако, когда Павел переходит к описанию норм социального взаимодействия верующих, способ его рассуждения меняется на асимметричный, то есть иерархический: «*Хочу... чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава — муж, а Христу глава — Бог. <...> Не муж создан для жены, но жена для мужа. Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов*» (11:3; 8–9). Этим принципом он обосновывает то, что женщина во время молитвы должна покрывать свою голову, а мужчина — нет.

Вместе с тем требования Павла к поведению мужчин (особенно это касается священнослужителей) довольно жестки. Так, в Первом Послании к Тимофею он отмечает, что «*епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив... Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом... Диаконы также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести*» (3: 2–9).

Среди описанных в Библии подвижников есть не только мужчины, но и женщины, которые брали на себя ответственность и принимали решение в силу своей веры, причем не только в ситуациях частной жизни, но и в делах, критических для данного сообщества или нации. Так, в нескольких библейских текстах прославляется за веру и добрые дела некая Раав, блудница из Иерихона, которая помогла израильтянам завоевать этот город (Книга Иисуса Навина, 2; Послание к Евреям, 11: 31; Послание Иакова, 2: 25).

В библейских текстах гораздо больше гендерной симметрии, чем можно было бы ожидать, учитывая исторические условия их создания. Однако ресурсом для формирования половой этики и обоснования гендерных ролей служат именно гендерно асимметричные тексты или асимметричные толкования гендерно нейтральных текстов. Жесткие запреты и рекомендации, адресованные женщинам, предписывающие им «учиться в безмолвии» и не претендовать на роль духовных учителей, упоминаются и используются чаще и точнее, чем рекомендации мужчинам, как мирянам, так и духовным пастырям.

Любая религия включает в себя разные компоненты и представления, такие, как особые ритуалы, идеи об устройстве мира, о человеке, его предназначении и нормах, которым он должен следовать в своем поведении. Половая мораль и сексуальность, гендерные различия и роли – важнейшие части религиозных представлений. Все религии так или иначе обращались к этим вопросам, поскольку половое влечение – сильнейший движущий момент в человеческих отношениях, а гендерные отношения составляют органическую часть социального порядка. Откройте Библию, Коран или любое другое *священное писание* – и вы найдете прямые или косвенные, то есть выраженные в символической форме, предписания относительно самых разнообразных аспектов полового поведения.

РЕЛИГИОЗНОЕ СООБЩЕСТВО И ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ

Религиозный фундаментализм

Напомню читателю знаменитый стих из Книги Бытия, которая признается сакральным текстом и иудеями, и христианами всех направлений (католиками, православными и протестантами) и составляет суть библейской антропологии: *«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»* (1 : 27).

В этом лаконичном тексте заключено сразу два важнейших положения иудейской и христианской религий: сотворенность (тварность) мира и абсолютная, не зависящая от пола ценность человеческой личности, обусловленная тем, что человек был сотворен по образу и подобию Бога. Однако при толковании сотворения обычно исходят из другого

изложения рассказа о сотворении мира: сотворении Евы из ребра Адама (Книга Бытия, 2 : 7–21). Одна из возможных интерпретаций этого стиха такова: Адам был сотворен «из праха земного», а Ева — уже из его «плоти» и потому является существом более высокоорганизованным. Другое толкование исходит из последовательности: сотворения Евы после Адама. А из этой интерпретации уже делается вывод о вторичности Евы.

Социальные последствия подобной интерпретации особенно серьезны в *религиозном фундаментализме*, то есть в сильно политизированных и ориентированных в прошлое религиозных системах. Регулирование гендерных отношений в таком случае приобретает форму тотального контроля, грубого вмешательства в частную сферу и приводит к трагическим последствиям. Парадокс тотального контроля над гендерными отношениями в том, что жертвой его оказываются оба пола, несмотря на то, что на поверхности главным объектом такого контроля, как правило, выступает женщина. Женщине предписывается воздержаться от изучения иностранных языков, запрещается обращаться в общественные медицинские учреждения (случай исламского фундаментализма в Афганистане), использовать противозачаточные средства.

Фильм известного израильского режиссера Амоса Питая «Кадош» (в переводе на русский язык — «святой» или «святая») является яркой иллюстрацией трагического исхода гиперконтроля фундаменталистской общины над жизнью людей. Действие фильма происходит в наши дни. В нем рассказывается о жизни двух молодых, любящих друг друга супругов, принадлежащих к ортодоксальной иудейской (хасидской) общине. Мы знакомимся с Мэиром и Ривкой в тот момент, когда становится очевидным, что у них не будет детей. Согласно ортодоксальным раввинам, которые управляют этой общиной, рождение детей — это способ священной борьбы. Мужчина в этой общине должен изучать и проповедовать Тору (Первые пять книг Ветхого Завета), а женщина — рожать детей и работать, чтобы муж мог Тору изучать. Вину за бесплодный брак возлагают на Ривку. «Женщина без ребенка, — говорит раввин, — все равно, что мертвая женщина», — и предлагает Мэиру расстаться с женой. Давление общины становится таким сильным, что Мэир, как богобоязненный и законопослушный человек, соглашается. Супругов разлучают. Мэиру дают в жены другую женщину, а Ривку поселяют отдельно, в уединенное убогое жилище. Но и новый брак Мэира оказывается бесплодным. А Ривка, преодолев свою стеснитель-

ность, идет к гинекологу, который устанавливает, что она может иметь детей. В какой-то момент тоска по любимому мужу заставляет ее преодолеть постановление общины. Ривка приходит к мужу и остается у него до утра. Утром Мэир обнаруживает ее мертвой. В пересказе фильм может показаться мелодрамой. Однако строгая стилистика и развертывание сюжета по принципам построения сюжета в Библии приближает киноповествование к жанру древней трагедии. Режиссер показывает конфликт между чувством Мэира к жене и религиозным долгом. Однако долг в данном случае предстает как неоправданный диктат над личностью. Бессмысленность смерти Ривки подчеркивается другой линией сюжета: судьбой ее сестры, которая отказывается «быть беременной всю свою жизнь» и уходит из общины.

Данный сюжет – наглядная модель контроля религиозно-фундаментализма над репродуктивной сферой. Режиссер показывает нам, что прямым объектом и жертвой этого контроля является женщина: именно ее считают виновной в бесплодии и потому в безбожии и подвергают исключению из общины, а по существу, убивают социально. Но оказывается, что Мэир гораздо сильнее скован этим контролем. Ривка находит свою свободу в уходе из жизни, ее сестра находит свободу в уходе из общины, а Мэир остается подчиненным диктату религиозной догмы. В последних кадрах камера скользит по полкам, уставленным книгами в кожаных переплетах, символизирующих беспощадный религиозный закон.

Контроль над репродуктивной функцией осуществляется не только в религиозных общинах фундаменталистских направлений, но и в большинстве официальных религий. Так, например, Католическая Церковь высказывается категорически против абортот и химических и физических средств контрацепции. Супругам предлагается использовать метод периодов естественного бесплодия.

Официальная и неофициальная религия

Одна из закономерностей развития социальных явлений – так называемая институциональная дифференциация. В течение многих веков те виды деятельности, которые сейчас осуществляются разными людьми и разными организациями, не были разделены. Это относится и к религии. *Культ и культура* – не просто однокоренные слова, но генетически связанные виды деятельности. Поклонение богам было тесно связано с созданием традиционной культуры и другими формами жизнедеятельности.

Разделение (дифференциация) изначально переплетенных между собой видов деятельности и оформление наиболее важных из них в виде самостоятельных социальных институтов проходила медленно и не всегда безболезненно. Так, в качестве одного из объяснений охоты на ведьм в Европе, которая унесла сотни тысяч жизней мужчин и женщин, выдвигается конкуренция между традиционной медициной (знахарством) и формирующейся профессиональной медициной. Формирование социальных институтов, существующих в виде общепризнанных норм, специализированных организаций и индивидов, выполняющих соответствующие функции, было органичной частью так называемой модернизации.

Формирование религии как социального института — это процесс разделения на клир и мир, становление священства, которое отвечает за связь человека с Богом, и конгрегаций, которые доверяют священству эту функцию. Сложный социальный организм, объединяющий клир и мир, сложившуюся систему ритуалов, храмы, школы, разработанные учения, называется в социологии *официальной религией*.

Официальные религии — это крупные системы вроде христианства, иудаизма, ислама, но это не всегда религии большинства. Например, православное христианство в России является официальной, полугосударственной религией (то есть религией, частично вовлеченной в государственную политику), но не является религией большинства. Хотя за последнее десятилетие количество воцерковленных в России значительно выросло, по мнению православного публициста профессора Московской духовной академии Андрея Кураева и других православных просветителей, их доля не превышает 5% населения. В Словаре «Религии народов современной России» (М., 2002) дается цифра на порядок больше, но в данном случае речь идет не о воцерковленных верующих, а о так называемом *культурном православии*.

От официальной религии принято отличать неофициальную: народную религию (скажем, народное христианство), новые религиозные движения, всевозможные духовные движения, которые не относят себя к религиозным, но основаны на вере в высшее начало и содержат в себе другие черты религии. Применительно к неофициальной религии используются разные термины — *квазирелигия*, *парарелигия*, *маргинальная религия*, *нетрадиционная религия* и проч. Очень часто сообщества, относя-

щиеся к неофициальной религии, называют *сектами*, хотя в социологии сектами принято называть достаточно узкий класс закрытых религиозных сообществ, которые осуществляют жесткий контроль над своими членами. Секты не являются неизменными группами. Иногда они распадаются, иногда приближаются к открытому религиозному сообществу, находящемуся в лоне той или иной религии.

В русской культуре разделение на официальную и неофициальную религию, например разделение на Русскую Православную Церковь и народное православие, прекрасно описанное в работах А. Панченко, находит отражение в разных жанрах и стилях искусства. Так, лирический герой Ф. Тютчева, мечтающий о Свободе народа, связывает эту мечту с верой во Христа:

*Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..
.....
Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...*

Героиня стихотворения Н. Заболоцкого, девочка из Тарусы, жалуется Христу на пустоту провинциальной жизни и тоже мечтает о свободе:

*Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси.
Господи Исусе!*

Но если в случае с изобразительным искусством и поэзией разнообразие религиозных представлений воспринимается как допустимое и закономерное, то в случае с официальной и неофициальной религией ситуация намного сложнее. Даже академическая традиция, призванная исследовать любые формы религии, в своих подходах иногда по-

падает в плен авторитета официальной церкви, разделяющей религии на *правильные* и *неправильные* («секты», «чуждые», «нелепые», «возмутительные» учения). Подобное отношение к религии не оправданно ни с точки зрения получения объективной картины религиозных настроений общества, ни с точки зрения проблем верующих в модернизирующемся обществе, в частности изменения гендерного состава и гендерных ролей в сообществах верующих. Если исследователь считает, что внимания заслуживают только официальные формы религии, а все остальные формы религиозности — продукт искаженного сознания или смятенного ума, то из поля его зрения выпадают такие распространенные явления, как новые религиозные движения (например, неопятидесятники), духовные поиски парарелигиозного свойства (типа рериховского движения), диффузная (размытая) религиозность.

О диффузной религиозности можно говорить в случае *иронической веры* в приметы, или в случае апокалиптически настроенных обитателей Интернета, или относительно «духовных кочевников» — людей, верящих в астрологию, перевоплощение, магию чисел, заряженную по телевизору воду и при этом относящих себя к одной из официальных религий.

Однако аналитически различаемые официальная и неофициальная религии тесно связаны. Бывает, что духовные поиски в рамках неофициальной религии приводят человека в официальную церковь и он превращается в ортодокса. Бывает и наоборот. Асимметрия гендерного режима официальных религий — один из факторов умножения альтернативных форм духовного поиска.

Гендерный режим официальной религии

Каноны официальной религии «законсервировали» ряд архаичных отношений, специфичных для той исторической стадии развития общества, на которой эта религия формировалась. (Отчасти консерватизм обусловлен самой природой религиозного мышления — его направленностью на вечность и абсолют.)

Официальные религии формировались в то время, когда женщины были в основном исключены из общественной жизни. Архаичные социальные нормы и запреты приводят к противоречию между светской повседневностью, с одной стороны, и верой — с другой, и далее — к

конфликтам поколений, к замыканию религиозной общины на самое себя. «Никогда еще противоречие между ценностями иудаизма и ценностями окружающего мира не было столь очевидным, как в наши дни», — сетует Т.Абрамов, автор книги «Секрет еврейской женственности».

Современный православный теолог так описывает обряд крещения: «Общее призвание всех крещеных, будь то мужчины или женщины, пророчески декларируется во всех таинствах христианского посвящения, совершаемых в Православной Церкви, ибо они доступны всем, независимо от пола, и их обрядовая часть глубоко символична. Погружение в воду в крещении означает переход, рождение для новой жизни, единение с Христом в Его смерти и воскресении. «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись», — поет хор, когда, облаченная в крещальное одеяние новокрещеная, как и новокрещеный, вводится в евхаристическое сообщество, видимое Тело Христово, членами которого она и он только что стали. Однако в этот самый момент, когда всякое разделение кажется упраздненным, совершается обряд, который входит в противоречие с этой декларацией: крещаемый мужского пола вводится в алтарь, расположенный за иконостасом. Для женщин и девочек эти ворота остаются закрытыми. Сегодня все больше православных христианок проявляют недовольство в связи с этим дискриминационным обрядом. Порой даже добиваются его пересмотра»*.

В современной русской Православной Церкви наблюдается феномен, который православный публицист профессор Московской духовной академии диакон Андрей Кураев называет «опытом изгнания из православного храма». Этот опыт, который в социологии называется социальной эксклюзией, или исключением, связан с одним из специфических явлений гендерного режима Православной Церкви — доминированием среди конгрегации и, в особенности среди ее активных членов, женщин старшего возраста, *бабушек*. Их можно увидеть в любое время и в любой православной церкви. В советское время «бабушки» составляли большую часть прихожан, и именно им церковь обязана своим выживанием во времена преследований духовенства и верующих. Сегодня, по оценкам социологов, доля «бабушек» сократилась примерно до 40%, но

* См.: Бер-Сижель Э. Женщины в Православной церкви. М., 2000. С. 7.

их присутствие и влияние в храме по-прежнему сильно. Нередко они агрессивно относятся к молодым прихожанкам, энергично прививая им свою модель поведения в храме, а также, возможно, отстаивая территорию храма как свое пространство.

Андрей Кураев объясняет подобное явление тем, что «женская религиозность бывает гораздо более ригористической, жесткой и даже жестокой, чем религиозность мужская». Согласно подобной логике, речь идет о некой природной склонности верующих женщин к жесткому поведению в храме. На самом деле, доминирование «бабушек» в храме — это далеко не природное свойство. Это сложный феномен, который можно объяснить, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, более общим принципом авторитетности старших женщин в традиционной культуре. Советское общество, несмотря на модернизацию, сохранило многие черты традиционности. Бабушка в советское время — очень часто глава семьи и один из важнейших агентов социализации. В каком-то смысле гендерный режим православного храма напоминает режим традиционной семьи: священник (*батюшка*), жена священника (*матушка*), прихожане (*дети Божьи*) и *бабушка*. Бабушка — это воспитатель внуков и авторитет, опирающийся на свой жизненный опыт и не подлежащий контролю со стороны главы семьи в силу своей экономической самостоятельности и нерепродуктивного возраста, который ставит ее вне гендерных норм, связанных с репродукцией. Во-вторых, доминирование «бабушек» в православном храме является проявлением так называемой *власти слабых*. Власть бывает не только у тех, кто владеет экономическими и финансовыми ресурсами. В данном случае это власть, обусловленная отсутствием возможности других форм *окормления* и узаконенная исторической ролью *бабушек* в сохранении Православной Церкви как института.

Власть слабых обычно возникает в условиях дефицита других ресурсов власти. В данном случае она строится на гендерной асимметрии священства. Женщины в Православной Церкви не могут быть рукоположенными в священники. Невозможность женского священства Андрей Кураев объясняет принципами литургии: «Мы причащаемся крови Христа, которую дал Он Сам, именно поэтому священник, причащающий Крови Христа, должен быть литургической иконой именно Христа, а не Марии». Но дальнейшая логика рассуждения публициста приводит его к идее некоего мужского начала: «На Литургии

священник именно раздает Дары. Давать, дарить — служение мужское. Принимать — это служение женское. Так что священство есть выражение именно *мужского архетипа*. Аналогичные аргументы против женского священства высказывает и Католическая Церковь. Поразительно то, что рассуждение о «дарении» и «принятии», противопоставляющее «активное» «пассивному», совпадает с одним из наиболее распространенных стереотипов мужского и женского.

В настоящее время обсуждается восстановление института диаконис, существовавшего в ранней христианской церкви, но впоследствии утраченного (кстати, утраченного не во всех направлениях христианства; он сохраняется, например, у пресвитериан). А пока Православной Церкви приходится сталкиваться с разными проявлениями *власти слабых*: неформальной и не всегда справедливой властью жен священников, с конфликтом между «бабушками» и другими возрастными и гендерными категориями прихожан. Сложность этой ситуации в том, что, как считают социологи, формирование социальных общностей во многом определяется тенденцией к объединению людей, похожих друг на друга по уровню образования, возрасту, полу, расе. Социальное сходство является основой доверия, которое цементирует объединения людей. Поэтому наличие столь ярко выраженной гендерно-поколенческой группы, как «бабушки», в условиях относительной замкнутости православной церкви в известном смысле обеспечивает воспроизводство гендерного режима. Единственный способ изменить гендерный режим Православной Церкви, по-видимому, состоит в том, чтобы расширить формы служения женщин в церкви.

Определенные изменения этого режима уже наметились. Появились православные женщины-богословы, преподаватели духовных учебных заведений. Женщины участвуют в работе Поместных Соборов. Наблюдаются изменения в толковании известного совета Апостола Павла о молчании женщин в церквях: *«Жены ваши в церквях да молчат; ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит»* (Первое послание к Коринфянам, 14: 34–35). Он уже не трактуется как вечная норма духовной жизни, а интерпретируется как «ситуационно-педагогический» (А.Кураев). Однако изменения эти происходят в Православной Церкви медленно и пока не выходят на уровень качественных изменений.

В протестантских церквях вопрос о рукоположении женщин в священнический сан начал обсуждаться примерно в то же время, когда начал обсуждаться вопрос об избирательных правах женщин и об их праве на собственность, то есть в 80-е годы XIX века. Это привело к тому, что в начале XX века появились первые женщины-священники. Однако наиболее существенные изменения начались только в середине XX века, когда было принято решение о рукоположении женщин в методистской и пресвитерианской, а затем, в 1970 году — в Лютеранской и Епископальной церквях.

Исследователи отмечают, что женщинам-священникам свойствен менее авторитарный стиль, они в большей мере опираются в своей работе на мирян, чем священники-мужчины. Но женщины-священники могут испытывать на себе те же способы дискриминации, которые наблюдаются в других сферах занятости.

Гендерный режим новых религиозных движений

Новые религиозные движения, которые официальной религией обычно трактуются либо как *секты*, либо как *синкретичные* (то есть соединяющие в себе представления разных религий) *культы* в действительности являются результатом естественных процессов развития социальной жизни. Известно, например, что христианство в ранний период своего существования воспринималось правоверными иудеями как угроза их авторитету, а правителями римской империи — как опасная секта с политическими амбициями.

Чтобы понять «естественность» форм религиозности, альтернативных официальной, приведем простую аналогию (которая возвращает нас к теории институциональной дифференциации). Вспомните небольшой сельский магазинчик, знаменитое сельпо, где продавалось то, что нельзя было сделать своими руками, например мыло и соль. При этом мыло пахло солью, а соль мылом. Потом в деревне построили два отдельных магазина — «Продтовары» и «Промтовары». Затем в поселке появился универмаг, в котором есть специализированные отделы и можно купить все нужное для дома, не выходя за пределы одного помещения. Примерно то же самое (да простит мне боголюбивый читатель эту аналогию) происходит и в сфере религии. На смену синкретичным религиям древности приходит специальный институт религии, который отделяется от

государства (секуляризация). Однако постепенно наряду с этим специальным институтом складываются сложные социальные формы, которые объединяют в себе и духовные поиски, и решение практических и познавательных задач (десекуляризация).

Одна из причин возникновения новых религиозных движений и феномена диффузной религиозности — кризисные явления в других социальных институтах: образовании, культуре и досуге, социальной политике. Многие новые духовные движения связаны с оздоровительными практиками. В такие сообщества часто приходят люди, которые увидели в них возможности оздоровления посредством сочетания духовных практик и так называемого здорового образа жизни, а иногда и отказа от сильных зависимостей (от наркотиков и алкоголя). Однако для кардинальных изменений диеты, режима движения и проч. необходимо обоснование нового отношения к собственному телу. В качестве ресурса такого обоснования обычно служат интеллектуальные продукты новых религиозных движений. В них используются вполне традиционные идеи единства человека и природы, развития сознания (например, в духе теософии, которая, в свою очередь, восходит к идеям гностиков), ответственности самого человека за состояние своего духа и тела, нестяжательства. Символические средства новых учений заимствуются из научных концепций и сакральных текстов официальных религий.

Помимо телесных практик (обливания холодной водой, купания в проруби, специальных упражнений, употребления продуктов растительного происхождения) новые религиозные движения включают пение, театрализованные представления, создание и изучение художественных произведений (литературы, живописи), изучение иностранного языка (как правило, английского), путешествия.

Новые религиозные движения часто переплетаются с группами, возникающими на волне роста национального самосознания и национальной самоидентификации.

По сравнению с официальной религией, в новых религиозных движениях больше молодежи. Это относится, в частности, к харизматическим христианским движениям, в которых культовая сторона (*прославление*) предполагает энергичное участие всех верующих. Они пританцовывают, поют, шумно реагируют на проповеди. Благодаря участию молодежи в музыкальном служении сложился стиль, который полу-

чил название *Jesus-rock*. Общение в рамках подобных сообществ играет определенную роль в брачных стратегиях молодежи.

Многие участники новых религиозных движений — женщины, испытавшие «опыт изгнания» из официальных религиозных организаций. Но создателями оздоровительных систем и посредниками между высшим началом и сообществом верующих часто выступают мужчины. Примером такой гендерной системы является движение *анастасийцев*, инициированное новосибирским бизнесменом Владимиром Мегре и получившее распространение не только в России, но и за рубежом. Анастасия в книгах Мегре — всеведущая богиня дачников и покровительница людей, самостоятельно сооружающих себе загородное жилье для постоянного места жительства. Но рекомендации, передаваемые «своим любимым дачникам», Анастасия черпает из мудрости старцев, своих «дедушек».

Оздоровительные практики, рекомендуемые в некоторых парарелигиозных концепциях, выглядят весьма экзотично. Например, в официальном издании программы Российской Федерации «Здоровье нации» — журнале «Знахарь» (Вып. 85. 2003) проблемы со здоровьем объясняются *порчей*. Здесь также рассказывается о том, как ее снимают с помощью «молитв и заговорного слова, отливания на воск, выкатывания яиц, переноса на животное, энергетических методов и т.д.», и даются координаты специалиста по снятию порчи (с. 7).

Включение в оздоровительные методики сексуальных опытов — особенность некоторых новых религиозных движений. Опасность крена в гиперсексуальность и сексуальную эксплуатацию здесь связана с тем, что сексуальные отношения могут трактоваться как способ утверждения власти и самоутверждения, а акцент может быть сделан не на любви, а на технике секса. Не случайно В.Мегре рассказ о знакомстве с «дочерью Бога» Анастасией начинает с описания своей попытки ее изнасиловать. В текстах его книг разбросаны оскорбительные обращения к «богине» наряду с благоговейными восторгам по поводу ее сверхъестественных способностей и красоты. Опасность подобного сочетания заключается в том, что оно подрывает сильную сторону религиозной веры — мораль и этику поведения.

Другая опасность новых религиозных движений — потребительский аспект. Диффузная религия порождает конфессиональный рынок, со всеми присущими рынку особенностями, включая конкурен-

цию, рекламу, способы сбыта. Неустойчивость и текучесть некоторых новых религиозных движений можно объяснить развивающимся потребительским отношением к сообществу единоверцев — желанием взять, ничего не отдавая взамен.

Гендерные аспекты поведения на конфессиональном рынке пока мало изучены.

* * *

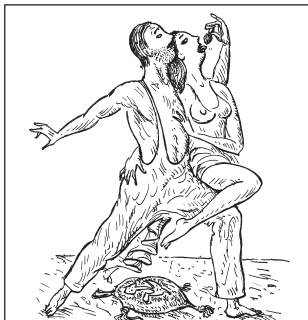
Религия прошла долгий и сложный путь эволюции от культов, интегрированных в другие формы социальной деятельности, до независимого социального института и последующей интеграции в те институты, от которых она сначала отделилась. Гендерный режим религии складывался исторически: он хранит в себе реликты форм социального неравенства, свойственные обществам в период, когда религия зарождалась. Современные религии сохранили — пусть и в видоизмененной форме — традиционное разделение гендерных ролей, идею периодической «нечистоты» женщины, ее подчиненности мужчине.

Вера как психологический опыт, личное доверие Богу гендерно нейтральна. В священных писаниях содержатся идеи равенства полов перед Богом. Но при этом отбор представлений о мужских и женских ролях в религиозных сообществах так же, как в случае с биологическими и психологическими представлениями, происходит в пользу подчеркивания различий полов и вторичности женщины по отношению к мужчине. Изменение гендерного режима официальной религии происходит, но очень медленно. Некоторые религиозные сообщества не решаются вносить существенные изменения в формы женского служения, так как опасаются внутреннего раскола. Несмотря на существующее в рамках Католической Церкви движение за посвящение женщин в сан священников, протесты некоторых католических священников против обязательного безбрачия католического духовенства, кадровый кризис в католической церкви, ограничение функций женщин в церкви и celibат остаются в силе.

Отсутствие у женщин равных возможностей лидерства и власти в духовной сфере порождает феномен власти-манипуляции, власти — мелочного контроля, от которого страдают не только сами прихожане, но и институт церкви в целом, так как это приводит к воспроизводству асимметричного гендерного и возрастного состава конгрегаций. Но не

все женщины хотят такой *власти слабых*, и не все мужчины хотят испытывать на себе эту власть. Поэтому развитие альтернативных форм духовного самовыражения можно, по крайней мере отчасти, объяснить неудовлетворительным опытом в рамках официальной религии.

Контроль над сексуальностью и репродуктивной функцией женщин и мужчин, особенно если он принимает формы фундаменталистской диктатуры, противоречит принципу свободы совести и вероисповедания, который только и может обеспечить свободу духа человека в поисках высшего начала.

И. САМОРУКОВА

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ:
**ОБРАЗЫ МУЖЧИН
И ЖЕНЩИН В КУЛЬТУРЕ**

Слово «репрезентация» имеет два значения. Первое отсылает нас к тем жанрам культуры, где создается, конструируется тот или иной образ мира. Это литература, живопись, кино, реклама, массмедиа, различные виды поп-культуры (поп-музыка, шоу и т.п.). Кроме того, термин «репрезентация» означает и сам образ. Оба значения слова, как не трудно догадаться, близки: в каждом жанре репрезентаций есть свои правила конструирования мира, так что жанр в целом представляет собой способ описания, некую модель, образ этого мира.

Наше сознание воссоздает не реальность как таковую, но наши представления о ней. Поэтому в любой репрезентации, в любом образе присутствует ценностный момент, то есть отношение к воссоздаваемому образу, явлению. Какими бы «реалистичными», «достоверными», «похожими на жизнь» ни выглядели произведения искусства, они больше говорят о людях, их создавших, чем об «объективной действительности».

Репрезентации имеют отношение к пространству символического: многообразие жизни в них подгоняется под определенные стереотипы. Другими словами, литературные произведения, кинофильмы, рекламные ролики, газетные очерки о героях современности эти стереотипы и создают и через принятую в культуре систему передачи знаний делают их достоянием общественного сознания. Это внедрение в сознание может быть таким мощным, что грезы репрезентаций будут приниматься и за реальность, и за истину.

Вот почему так важно уметь критически анализировать образы. Репрезентации подобны языку: посредством них люди общаются друг с другом, осмысливают свою жизнь и передают культурные навыки и ценности.

В русской культуре начиная с XVIII века женщина постепенно выдвигается в центр репрезентаций. *Женские образы становятся символами времени*: образы императриц в мемуарах XVIII века; знаменитые портреты воспитанниц Смольного института, в которых женщина предстает как объект восхищения художника и существо, наделенное душой и темпераментом (превращение женщины в объект восхищения, открытие красоты женского тела и туалета для русской культуры в те времена было символом европейскости и новизны); литературные женские образы XIX века, главные характеристики которых – умение чувствовать, любить и страдать; женщины, символизирующие путь в революцию, как героиня стихотворения в прозе И.С.Тургенева «Порог» – для одних сумасшедшая, а для других – святая.

В советскую эпоху создаются образы женщин нового мира. В середине 30-х годов XX века, в эпоху большого террора, в иллюстрированном журнале для массовой аудитории «Огонек» 70% визуальной информации представляли собой фотографии счастливых женщин, при том, что репортажи о политических процессах были скупы и лапидарны. Сюжеты всех культовых фильмов 30-х – «Свинарка и пастух», «Светлый путь», «Цирк», «Сердца четырех» – строились вокруг женской судьбы. В этом же контексте можно назвать «Родину-мать» как символ сороковых и героинь военной лирики, которые преданно ждали и тем спасли мужчину и страну или же пожертвовали собой, став новыми святыми.

Доминирование женских образов в современной глянцево-й продукции очевидно.

Бесчисленные и прекрасные образы женщин в изобразительном искусстве и литературе России могли бы служить мощным контраргументом феминистски настроенным интеллектуалкам, твердящим о репрессированности женщин в культуре. Однако зададимся вопросом: почему женщина оказывается в центре репрезентаций? И не связано ли это с ее ролью *объекта* восхищения, защиты, заботы, опеки, управления, потребления, которая отводится ей в культуре и мужским сообществом?

Вспоминается анекдот советских времен. Грузин (а образ грузина в жанре анекдота 70-х годов прошлого века концентрировал в себе черты истинного мачо) с девушкой обедают в ресторане, где гуляют в основ-

ном тоже грузины. К паре подходит один из таких красавцев и говорит, обращаясь к кавалеру: «Можно пригласить на танец твою принцессу?» «Нет», — категорично отвечает спутник принцессы. Через какое-то время к столу подкатывает следующий: «Можно пригласить на танец твою королеву?» И получает тот же ответ. Когда к паре приблизился третий любитель танцев и вновь стал просить у кавалера разрешения пригласить даму со словами «Можно пригласить твою богиню?», девушка не выдержала и сказала: «Почему вы обращаетесь к нему, спросите меня». На это ее спутник мрачно произнес: «Молчи, корова, когда джигиты разговаривают!»

Важно то, с какой позиции создается женский образ. Здесь можно говорить о так называемом «мужском» (господствующем, властном) и так называемом «женском» (альтернативном) взгляде на проблему, о том, чтобы женщина из объекта репрезентации стала ее субъектом. Вот почему предпринимаются попытки создания альтернативной истории искусства, женского искусства, альтернативной истории культуры, базирующейся на иных принципах конструирования и женских, и мужских образов.

В Советском Союзе было довольно много писательниц-женщин, однако «женская проза» со своим особым миром появилась только в 80-е годы XX века. Анне Ахматовой принадлежат знаменитые строки: «Я научила женщин говорить...», хотя и до нее существовало немало женщин, пишущих стихи. К женскому субъекту репрезентаций отношение до сих пор снисходительно презрительное, как к творцу «второго сорта». Отсюда оценочно брезгливое понятие «дамская литература», или используемое некоторыми критиками определение «менструальная проза» по отношению к творчеству Л.Петрушевской, Н.Садур и других женщин-писательниц, заявивших о специфически женских проблемах (роды, выкидыши, аборт), и несерьезное отношение к слову «поэтесса». Так, многие женщины, достигшие больших успехов в литературе, гордо называли и называют себя «поэтами», да и сама Анна Андреевна продолжила свои знаменитые строки не сказать чтобы гендерно корректно: «...Но как их замолчать заставить?»

Как бы то ни было, доминирующими в русской культуре образами женщин продолжали до недавнего времени оставаться образы, сконструированные мужчинами. И именно с такими образами сами женщины идентифицировали себя.

Женские и мужские образы в культуре тесно связаны с тем жанром, в котором они создаются. Здесь все имеет значение: и социальная функция жанра, и его исторические корни, и внутренние законы. Создатели образов часто бессознательно (непреднамеренно) транслируют культурные стереотипы, всегда укорененные в человеческом опыте.

И изучение, анализ репрезентаций помогает нам понять этот опыт. В русской культуре слабо выражено свойственное Западу *деление на публичную и приватную сферы*. Иначе говоря, приватный человек в России никогда не был до конца приватным, все его проблемы всегда трактовались как непосредственно общественные. Неслучайно роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?», в котором гендерные проблемы становятся основой сюжета, был воспринят как роман о новых людях, меняющих лицо России, как произведение, где внутри матримониальных проблем вызревали революционные идеи. В российской культуре нет «просто женщин» и «просто мужчин»: каждый образ — это всегда разговор о некоем социальном статусе. Онегин и Печорин — «дворянские интеллигенты», за любовными приключениями которых стоит поиск своего места в общественной жизни.

Героини романов первой половины XIX века — это девушки из «дворянских гнезд». Некрасов предлагает читателю новый женский идеал в виде «величавой славянки» из крестьян. В советское время женщина — это «работница» или «крестьянка», а девушка не «просто красавица», а «Дочь Киргизии». В 1990-е годы в желтой прессе появляется высказывание «Женщина — друг бизнесмена!». Иными словами, гендерные репрезентации в российской культуре грубо и открыто встроены в систему власти, и по ним легко проследить изменение идеологических ориентиров в жизни общества и государства.

Предлагаем краткий обзор *конструкций мужественности и женственности* в разных жанрах культуры, взяв за основу роль этих репрезентаций в современной гендерной ситуации. Попытаемся описать традиции и стереотипы создания женского и мужского образа, свойственные отечественной культуре, как они представлены в литературе и кино.

Литература в России вплоть до 90-х годов XX века была самым важным культурным проектом. В официальных документах советской эпохи так и говорилось: «роль литературы и искусства», что свидетельствует о том, что словесное творчество понималось как нечто

более важное, чем просто искусство, а поэт, следовательно, был в России, как заметил Е.Евтушенко, «больше чем поэт». В силу исторических обстоятельств художественная литература выполняла функции философии, сочинений по проблемам морали и религии, политических манифестов и проч. На литературу ориентировались и другие виды искусства. В качестве примера можно привести жанровую живопись, предполагающую наличие некоего сюжета (как в литературе), повышенную роль слова в советском кинематографе, советскую массовую песню и постсоветскую рок-музыку, где большую роль играл текст. Именно литература, особенно в XIX веке, представляла значимые для общественной жизни типы, характеры и модели человеческого поведения, конструировала идентичности. При этом литература часто опережала действительность, создавая образцы поведения, которым потом люди следовали в своей жизни. Так, русский терроризм 60–80-х годов XIX века буквально вышел из книг Степняка-Кравчинского, а «девочки русского террора» открыто ориентировались на героиню стихотворения в прозе И.Тургенева «Порог». Иными словами, Россия была литературоцентричной страной. И гендерный аспект был для русской литературы крайне важным.

Если обратиться к *классическим литературным произведениям*, которые изучаются в школе и признаются обществом как безусловная ценность, то в них женский образ занимает одно из центральных мест. Он выступает как горизонт духовных и нравственных поисков мужского героя и как своеобразный критерий его состоятельности. При этом сами мужские образы — это, как правило, слабые мужчины, которым так и не удается до конца реализовать свою самость, так что женщине еще и отводится роль спасительницы, подобно героине былины «Ставр Годинович» Настасье Микулишне, которая «на своих косах» вытащила мужа из беды.

Авторское сочувствие в канонических произведениях почти всегда на стороне женщины, а о мужском герое автор сожалеет как по тем или иным причинам не оправдавшем его надежд. Эта сюжетная схема работает на протяжении всего XIX века начиная с «Бедной Лизы» Н.М.Карамзина. Крестьянская девушка Лиза представлена как существо чувствительное, нежное и бескорыстное. Она дарит Эрасту свою любовь, но светский человек Эраст слишком зависим от сво-

его общественного положения и от своих привычек. Он понимает, что слаб, и отказывается от Лизы, хотя и любит ее. Слаб в этом смысле и Онегин, и Рудин, и конечно, Обломов, которого Ольга Ильинская так и не смогла оторвать от его любимого дивана. Женские героини, как правило, связывают с мужчиной возможность своей человеческой реализации. Они вполне согласны на традиционную роль жены и даже не боятся осуждаемой обществом роли незаконной подруги, но только герой не может решиться даже на подобный шаг. Любовные сюжеты русской классики воспринимались критикой и читателем как сценарии изменения самой жизни, ее уклада в целом, поэтому постепенно женский образ, взывающий о любви, заботе, защите, становится символом России. Неслучайно женские образы оказываются тесно связаны с пространством. Герой приезжает в деревню, в родовое гнездо, и там обнаруживается замечательная девушка. Постепенно женский образ становится воплощением национальных черт. Это и Наташа Ростова, и героини Некрасова, от которых прямая дорога к образам женщин у А.Блока и А.Белого.

Сильные женщины русской классики – это в основном девушки, иногда вдовы, вроде самостоятельной и предприимчивой Одинцовой из романа И.С.Тургенева «Отцы и дети», или властные старухи, матроны. Крайне редко это замужние женщины, вроде Анны Карениной. У Ф.М.Достоевского в роли сильных женщин выступают так называемые «инфернальницы», дамы полусвета, вроде Настасьи Филипповны из романа «Идиот» или Грушеньки из «Братьев Карамазовых». Но все сильные женщины связывают свою человеческую реализацию только с любовью к мужчине, со служением ему, с жертвой для него, или по крайней мере для семьи, как крестьянка Матрена Тимофеевна из поэмы Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Как справедливо замечает А.И.Герцен, женщина в русской культуре «загнана в любовь». У авторов классических произведений часто появляется рефлексия по поводу нелегкой судьбы русской женщины, сочувствие ее несладкой женской доле. В уже упомянутой поэме Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» странники, обращаясь к Матрене Тимофеевне, спрашивают ее: «Пьешь водку, Тимофеевна?» – на что та отвечает почти афоризмом: «Замужней, да не пить?» Вот так образно передает поэт тему горечи женской судьбы.

Центральные героини русской классики всегда невиноваты или без вины виноваты. Это уверенная авторская позиция, в этом писатели нередко спорят со своими героями-мужчинами, которые по слабости или легкомыслию иногда винят женщин в их участи. Художественно оправдывается не только пасторальная бедная Лиза (само заглавие повести указывает на это оправдание), не только преступившая правила морали Анна Каренина, безумная Настасья Филипповна или торгующая собой Соня Мармеладова (в скобках замечу, что образ проститутки в русской классике — это всегда женщина, торгующая душой, и живой упрек мужчине), но и героиня скандальной повести Л.Н.Толстого «Крейцерова соната», поскольку она становится жертвой мужской похоти и эгоизма, которые развратили ее. Вот эта *невинность* истораживает. В русской культуре XIX века постепенно складывается своеобразная мифология женщины как символа, как идеального объекта мужского попечительства и заботы.

Мужчина создает образ женщины, наделяет ее набором желаемых ему качеств, учит ее говорить и чувствовать. Десятилетиями школьницы учили наизусть «Письмо Татьяны к Онегину» (мальчики соответственно «Письмо Онегина к Татьяне», посыл которого грубо, но довольно точно передал Владимир Маяковский в стихотворении «Юбилейное»: «Дескать, муж у вас дурак и сивый мерин, // я люблю вас, будьте обязательно моя, // я сейчас же утром должен быть уверен, // что с вами днем увижусь я»), вроде напрочь забывая, что письмо это создал Пушкин, воплотив в Татьяне Лариной «милый идеал». Даже в романе Н.Г.Чернышевского «Что делать?», где в центре находится так называемый «женский вопрос» — вопрос о женском образовании, труде, общественной деятельности, о новых отношениях в браке, о сексуальности, наконец, наставниками Верочки-Веры Павловны являются мужчины. Сначала глаза на себя ей открывает «новый человек» интеллигент Лопухов, а затем уговаривает быть счастливой и радоваться жизни с новым мужем, к которому Вера Павловна чувствует сексуальное влечение, революционер Рахметов. Объектность женских образов русской классики выражается и в том, что все они красивы, загадочны, привлекательны. Даже княжна Марья из романа Л.Н.Толстого «Война и мир» при внешней некрасивости обладает великолепными «лучистыми глазами», что свидетельствует о ее внутреннем совершенстве, к тому же она еще и умна.

Толстой отмечает, что если бы княжна Марья была мужчиной, то это был бы только «средний ум», но она женщина, и для женщины такой ум очень даже большой.

Идеальность женского образа в русской классике накладывает ограничение на изображение ее сексуальности. Здесь много любви как духовно-жертвенной практики (при этом в списках ходят порнографические тексты, вроде анонимной поэмы «Лука Мудищев»), но сексуальности нет почти совсем, во всяком случае она словесно не артикулируется. Секс – это грех или соблазн. Как наслаждение секс изображается в единичных случаях, как в очерке Н.А.Лескова «Леди Макбет Мценского уезда», да и здесь сексуальное наслаждение сопряжено с грехом и преступлением. Даже проститутки русской классики как бы бестелесны. Это замечание принадлежит Виктору Ерофееву, который высказал сомнение в профессиональной пригодности Сони Мармеладовой: чем, дескать, она, почти прозрачная, торгует.

Единообразие «галереи прекрасных женских образов», стоящих в центре художественного мира произведений классической русской литературы, нарушает вереница периферийных женских персонажей. Здесь мы видим гораздо больше разнообразия и в изображении, и в оценке. Ведьмы Гоголя, «самодурши» А.Н.Островского, светские львицы Л.Н.Толстого, нигилистки Лескова. Всех этих опасных и в целом недобрых героинь объединяет одно – они наделены властью, реальной или символической. А власть – дело не женское. Положительной оценки из периферийных героинь удостоиваются тетушки-нянюшки, сияющие добротой и наделенные умом сердца, вроде няни Татьяны Лариной, или Арины Родионовны, или Натальи Савишны – крепостной няни из «Детства» Л.Н.Толстого.

Следует заметить, что образ женщины-матери в русской классике неоднозначен. У Л.Н.Толстого этот образ безусловно положителен – это идеал, к которому должна стремиться любая женщина. Однако идеал всегда художественно более бледен, чем женщина, ему не вполне соответствующая. Так Долли Облонская, всецело поглощенная материнством, бледнее «плохой матери» Анны Карениной. У М.Е.Салтыкова-Щедрина мать является воплощением ненавистной патриархальной власти, она сама, как Арина Петровна из «Господ Головлевых»,

виновата в своем конечном одиночестве и заброшенности. Это редкий пример, когда за женщиной признается ответственность, но все же для Салтыкова-Щедрина в Арине Петровне важнее ее статус — глава патриархальной семьи, — который всецело и определяет человеческие качества головлевской помещицы.

Второстепенные героини русской классической литературы демонстрируют нам законы конструирования и репрезентации женщины в русской культуре. Репрезентация женщины наделена положительным смыслом только в том случае, если признается ее подчиненная роль в мужском самоосуществлении. Женщины, ищущие самореализации, позиционируются как недалекие эгоистки, вроде героини рассказа А.П.Чехова «Попрыгунья», заглавие которого свидетельствует об однозначности авторской оценки. Уж лучше простушка Оленька Племянникова из рассказа того же автора «Душечка», которую можно считать гротескным символом женской вторичности, ибо Оленька живет мыслями и чувствами тех мужчин, которые подбирают ее на жизненном пути. Оленька — это вечно ожидающая в своем уютном провинциальном гнездышке героиня-«мама», которая ничего не требует для себя, а только хлопчет за своего обожаемого антрепренера, торговца лесом, ветеринара, воспитанника-гимназиста.

Женщина-гавань в рассказах Чехова свидетельствует об определенной усталости мужского героя русской классики, да и ее авторов, от идеала, для соответствия которому нужно что-то предпринимать. Она является своеобразной наследницей вдовы Агафьи Пшеницыной из романа А.И.Гончарова «Обломов», у которой Илья Ильич обрел желанный покой. Вдова любила Обломова ни за что, а точнее, за то, что он позволял ей осуществлять ее «женскую суть» — служить мужчине, барину, напоминающему большого ребенка. Так в душе мужского героя русской классики и присутствуют два женских идеала — высокий, к которому надо идти, но лучше не приближаться, и земной — «мама», которая ничего не потребует и обо всем позаботится.

Сам же *мужской герой* нередко сосредоточен на духовных исканиях. Он всегда противостоит окружающим, он выше, умнее и благороднее многих, и все же зависим от них, так что ничего реально предпринять, чтобы изменить свою жизнь, не может, а если что-то и предпринимает, то результат получается скверный (как у Раскольни-

кова). Во всяком случае, полностью героя результат его преобразовательных усилий, как опростившегося Левина из «Анны Карениной», не устраивает. Русская классика не знает мужественных персонажей-авантюристов, если авантюристы и появляются, то тут же на читателя обрушивается целый ворох обстоятельств, заставляющих усомниться в нравственном облике такого человека. В качестве примера приведем Швабрину из «Капитанской дочки» Пушкина, Чичикова из поэмы Гоголя «Мертвые души» или Петрушу Верховенского из «Бесов» Достоевского.

Такого героя знала массовая литература XIX века. Это, например, Иван Выжигин – герой популярнейшего романа Фаддея Булгарина. Выжигин смел и благороден, восходит к успеху из самых социальных низов. Однако «канонизирован» этот текст не был, и современный читатель о нем почти ничего не знает. Появившийся во второй половине 90-х годов XX века проект Б.Акунина о детективе Фандорине, благородном авантюристе, самостоятельно принимающем решения, как раз и призван был восполнить эту лакуну русской классики. В пьесе Б.Акунина «Чайка», которая за счет небольших текстовых смещений превращает одноименную пьесу А.П.Чехова, прямо-таки наводненную нерешительными интеллигентами-мужчинами, в детективный триллер, представлена своеобразная генеалогия этого образа. Фандорин-детектив как бы рождается из образа ведущего расследование убийства Треплева доктора Дорна. В финале акунинской «Чайки» доктор Дорн повествует о своем предке немце фон Дорне, от которого пошли Фандорины. Русские авантюристы происходят от западных – так можно истолковать эту генеалогию. Значимо и имя акунинского детектива – Эраст, – как у героя «Бедной Лизы». Эраст Фандорин сочетает в себе «мужские» качества европейского индивидуалиста-авантюриста (он фантастически удачлив в азартных играх, его любят женщины, он хорошо владеет холодным оружием, умен и наблюдателен, а не сосредоточен лишь на себе как «эгоманьяки» русской классики вроде Онегина, Рудина, Бельтова, Андрея Балконского) и обаяние инфантильного героя XIX века (добр, незлобив, неудачлив в любви). Все дела, расследуемые Фандориным, завершаются проблематично. Преступник найден, но при этом остается безнаказанным в силу обстоятельств.

Советская литература и ее базовый идейно-художественный проект «социалистический реализм» во многом *наследуют гендерные стереотипы русской классики*. Соцреализм как государственная доктрина в области искусства, утвердившаяся в начале 1930-х годов и практически безраздельно господствовавшая в советском искусстве до середины 1950-х, выдвигает ряд образцовых произведений, которым должны подражать писатели. С точки зрения репрезентации женщины и ее роли в обществе обычно называются роман А.М.Горького «Мать» (1906), пьеса К.Тренева «Любовь Яровая» (1925) и роман Н.Островского «Как закалялась сталь».

Сюжет романа Горького «Мать» для радикально настроенной интеллигенции начала XX века не был новым и продолжал традиции многочисленных повествований о том, как женщина, отказываясь от традиционной роли невесты или жены, уходит в революцию. Для советской власти образ Ниловны был важен тем, что ее сознание, так же как и сознание ее сына Павла и его друзей, пробуждается под непосредственным руководством профессиональных революционеров. Идея построения нового мира под руководством партии была необходима власти, потому что именно партия теперь занимает место слабого мужского героя русской классики, который так и не сумел сделать женщину полноценной и нужной обществу и значимой в собственных глазах. Вообще мать — это центральный женский образ соцреалистической культуры. Именно ей отводится роль первичного воспитателя советского человека-мужчины. Это хорошо видно на примере мифа о пионере Павлике Морозове, который донес на своего отца-подкулачника и пал жертвой мести врагов, и его матери, о которой много писалось в массовой советской печати в 30-е годы. Эта мифологическая схема была потом воспроизведена в репрезентации матери другого соцреалистического святого — лидера молодежной подпольной организации «Молодая гвардия», действовавшей в 1942–1943 годах в Краснодоне, Олега Кошевого. Мать в литературе соцреализма непосредственно, минуя отца, как бы передает своего сына в руки партии. Поэтому неслучайно, что многие героические мужские персонажи советской культуры не имеют отцов: функцию отца здесь выполняют партия и государство. Именно оно и «освобождает женщину», и заботится о ней. В пьесе «Любовь Яровая», изобра-

жающей события гражданской войны, подпольщица Любовь Яровая отрекается от своего мужа-белогвардейца, которого она любит, во имя нового мира. В романе Островского Тая выходит замуж за Павла Корчагина, глубокого инвалида, и счастлива с ним, так как Павел воплощает для нее, девушки из мещанской семьи, героя, отдавшего все — и здоровье, и молодость, и душевные силы — «борьбе за дело освобождения рабочего класса».

Рядом с женщиной, которая жертвует традиционным представлением о женском счастье ради будущего, в советской литературе появляется образ женщины — работницы и руководителя, — обустроившей под руководством партии новый быт. В 1920-е годы процесс ломки старых патриархальных представлений изображался драматически, проблемно. В качестве примера можно привести роман Ф.Гладкова «Цемент» (1925), который бурно обсуждался в то время именно с точки зрения гендерных проблем. Следует заметить, что это произведение трудно безоговорочно признать соцреалистическим: оно написано в стилистически сложной манере, а необходимый для соцреализма сюжет о переходе героя от «стихийности» (то есть неосознанной ненависти к угнетателям и врагам, побуждающей героя на необдуманные, дикие и неэффективные поступки, что можно соотнести с качествами, репрезентируемыми культурой как «женские») к «сознательности» (то есть к принятию партийного руководства) не проявлен четко. Главный герой этого романа бывший рабочий Глеб Чумалов, которого в рабочем поселке считали погибшим в белогвардейских застенках, возвращается с гражданской войны домой. Он мечтает о домашнем уюте, который прежде создавала ему нежная и покорная жена Даша. Но не тут-то было. Даша не хочет больше выполнять традиционную патриархальную роль жены, матери и домохозяйки. Она стала советским руководителем, а дочку отдала в детский дом, питается в столовой, а вечера проводит над штудированием Маркса. Это вызывает разлад у супругов. По мысли автора романа, мало свергнуть власть капитала в государственном масштабе, необходимо победить буржуазные предрассудки в семье. Даша и Глеб любят друг друга, но Даша требует от мужа признания ее нового общественного лица. Параллельно семейно-любственным перипетиям изображается восстановление завода, в котором Глеб и Даша принимают самое деятельное участие. Им ме-

шают партийные бюрократы, перерожденцы, которые к тому же отказываются признать женщину своим равноправным товарищем и нередко пользуются служебным положением, позволяя себе сексуальные домогательства и даже изнасилования партиек. В детском доме из-за плохого питания и болезни умирает маленькая дочь (здесь очень важен пол ребенка — девочка как воплощение полной незащитности и слабости) Чумаловых. Это и создает основное гендерное напряжение. Новый семейный уклад существует ради будущего, будущее должно строить молодое поколение, мать которого могла бы стать умершая девочка. Стремление к самореализации Даши приобретает оттенок эгоизма. Финал романа в этом смысле остается открытым и призванным начать дискуссию. Важно, что в 30-е годы вопрос перестает быть дискуссионным: женщина нужна как мать будущих поколений, и положительная героиня советской литературы уже не может оставить детей ради карьеры.

Семейная проблематика в советском искусстве всегда подчинена проблематике государственной. Можно сказать, что частной жизни у героев советского искусства нет. Советская культура соцреалистического периода не знает понятия «частная жизнь», напротив, само стремление замкнуться в семейном мире становится предметом сатиры. В неофициальных кругах существовала такая характеристика советского романа (фильма): 30-е годы — юноша овладевает трактором, 40-е годы — юноша овладевает трактором и получает девушку. Это отличие довольно важно. Если в довоенные годы выбор между сугубо личным счастьем и пользой советскому обществу оценивался как драматический (что не мешало ему быть всегда одним и тем же), то после войны семейное счастье представлялось как необходимое дополнение к производственным успехам. Сюжеты романов и фильмов становятся более идиллическими.

Мужской характер в литературе соцреализма — это, как правило, характер героический. В основе большинства сюжетов лежит идея воспитания героя. Поэтому всех мужских персонажей можно разделить на две категории: «сыновья» и их символические «отцы», которые и обеспечивают приобщение «сыновей» к партийно-государственным ценностям. В роли символических «отцов» в сюжетах всегда выступают представители партии. Это представители старшего

поколения, убеленные сединами и закаленные в схватках с врагом. Положительный герой советской литературы — тот, кто из «сына» превращается в «отца». Так что в самоопределении мужской герой не свободен и в известной мере инфантилен. Советская детская литература представляет эту схему воспитания «сыновей» еще более упрощенно, но предельно наглядно. Возьмем для примера стихотворение В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», в основе которого лежит идея воспитания молодого поколения — «сына» — воплощающим голос власти «отцом», который и дает оценки («дрянной драчун», «мальчик очень милый» и пр.). Патриархальные иерархии, таким образом, репрезентируются в советском искусстве как отношения «государство — гражданин-юноша». Отрицательным становится тот персонаж, который этой иерархии подчиняться не желает или подчиняется вынужденно, без воодушевления. Этот обязательно совершит предательство.

Силу герою, силу мужчине всегда дает только партия. Отсюда изображение мужского тела в литературе и кино: оно функционально в зависимости от того, куда человека бросила партия. Иногда невысокий рост и физическая слабость контрастируют с силой духа мужчины. Партийный Дух обеспечивает проявление «мужской силы» вопреки природе. Отсюда литературная канонизация инвалидов, пострадавших во имя народного дела, но не поддавшихся болезни: они не утратили веру в себя как представителя советского народа, советского человека. Это и Павел Корчагин, и летчик Маресьев — герой «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, потерявший ноги, но не бросивший воевать с врагом, и многие менее известные сегодня персонажи советской мифологии.

Современный писатель Владимир Сорокин в романе «Тридцатая любовь Марины» пользуется своим излюбленным приемом: доводит государственную маскулинность советского мужчины до ее логического предела. Героиней романа является одинокая и бездетная Марина — лесбиянка и завзятая диссидентка. Это как бы вывернутая наизнанку женщина социалистического реализма — правоверная женщина-мать. Марина умеет бесподобно заниматься сексом, способна довести до иступления любого мужчину, но сама лично предпочитает женщин, никогда не испытывая оргазма с мужчиной. В

советском искусстве сексуальность женщины никогда не артикулировалась, и даже физической привлекательностью, женской «манковостью», обладали либо непутевые, как Лушка Нагульнова из романа М.Шолохова «Поднятая целина», либо отрицательные героини. Марина из романа Сорокина впервые испытывает оргазм, когда ею, полусонной (этот мотив подчеркивает ведомую роль женщины в советской культуре), овладевает под звуки гимна Советского Союза парторг завода Румянцев. Сила партии как бы дает ему возможность удовлетворить Марину. После этого Марина, несостоявшаяся музыкантша (мотив музыки и музыкальности входит в отечественную мифологию женственности), устраивается на завод штамповщицей (профессия тоже акцентирует вторичность и ведомость женского). Она переселяется в заводское общежитие, начинает питаться в заводской столовой, а вечерами делает стенгазету и готовит политинформацию. Парторг Румянцев в качестве любовника в ее жизни больше не появляется. И вообще секс уходит из жизни Марины. Любопытно, как меняется стиль романа: к финалу он все более и более начинает походить на безликую советскую официозную печать. Сорокин в своем романе как бы реализует метафору секса с государством, который по своей глубине, интенсивности и длительности чувства «глубокого удовлетворения» превосходит убогие эффекты «свободной», то есть преодолевающей патриархальные стереотипы любви.

Перелом в репрезентации женственности и мужественности в советской литературе связан с периодом «оттепели». Уже в середине 1950-х годов в рамках производственного романа появляется тема внебрачной любви, адюльтера, которая оценивается авторами неоднозначно. В романе Г.Николаевой «Битва в пути» облик передового героя, главного инженера крупного завода Бахирева, который вступает в открытый конфликт с начальством, осложняется незаконной любовью к инженеру Тине Карамыш. Бахирев имеет жену Катю, которая является примерной домохозяйкой и матерью троих детей, он испытывает к своей жене чувство благодарности, но отношения с Тиной — это иной союз, союз духовно близких людей, в котором важную роль играет и наслаждение от физической близости. Советские читатели и особенно читательницы были потрясены этим «новаторским» гендерным ракурсом и горячо обсуждали этот многостраничный текст. В финале Бахирев оста-

ется в семье и жертвует личным счастьем во имя своего авторитета руководителя, однако в романе подробно описываются душевные муки и героя, и героини.

Но главные изменения касаются самих представлений о мужественности и женственности. В женских персонажах «передовых» писателей, в частности из так называемой «молодежной» литературы (В.Аксенов), начинают акцентироваться черты «природной женственности» — физическая привлекательность, кокетливость, сексуальность. Облик девушки из молодежной прозы, «чувихи», ориентирован на западный идеал красотки с журнальной обложки. Материнские качества практически не артикулируются. Рядом с такой девушкой появляется, наконец, самостоятельный, оспаривающий власть отцов юноша, напоминающий героев Хемингуэя и Ремарка. Этот герой склонен к авантюрам. Например, три друга из повести В.Аксенова «Звездный билет» после окончания школы не поступают в институт, как им советуют родители, а едут развлекаться в Прибалтику — своеобразный заменитель Запада. Настоящий мужчина в произведениях Аксенова способен идти против мнения большинства, не принимать на веру авторитеты. Важно, что подобная позиция отражается не только в риторике его монологов, но и в бытовом поведении, в художественных вкусах: герой любит посещать кафе и бары, советским фильмам и классике предпочитает западное искусство. Впервые герой литературы стремится конструировать свой внешний облик, ориентируясь на западную моду. Аксенов всегда сообщает читателю, как одеты герои — джинсы, ковбойки, шейные платки — и, конечно, как героини, в одежде которых подчеркивается их сексуальность (обтягивающие кофточки, брюки).

Отношения мужчины и женщины в молодежной прозе репрезентируются как романтическая любовь, предполагающая сексуальную близость, которая может быть не связана с браком. Женщина становится знаком мужской состоятельности, своеобразным атрибутом советского плейбоя. Женщин, как правило несколько, но они не конкурируют друг с другом, так как герой позволяет им всем себя любить. Если женщина и включается в общественную деятельность, то только ради того, чтобы быть рядом с любимым, как героиня романа В.Дудинцева «Не хлебом единым» Надя, бросающая своего мужа, советского бю-

рократа Дроздова, способного обеспечить жене материальный комфорт, чтобы стать помощницей нищего изобретателя Лопаткина, в которого влюбляется, очарованная его бескомпромиссностью и честностью.

Таким образом, советскому идеалу женщины-матери либеральная литература оттепели противопоставляет прозападный идеал романтической девушки-спутницы, которая имеет несамостоятельное значение и призвана служить характеристикой нового мужского героя — правдоискателя-индивидуалиста, оспаривающего законы отцов, или европеизированного интеллектуала.

Эпоха оттепели не знает привлекательных образов самостоятельных и независимых женщин, а жесткие и властные женщины оцениваются как представительницы прошлого, «цепные суки» прежних времен (это часто учительницы или матери девушек-спутниц). Показателен в этом отношении кинофильм «А если это любовь?», рассказывающий о нежной дружбе старшеклассников.

В эстрадной поэзии 1950–1960-х годов (Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Б.Окуджава) авторская позиция — это позиция отважного и благородного мужчины, защитника слабой и легкоранимой женщины, которая возносится им на пьедестал как идеал красоты, любви и нежности. Автор бросается на защиту этой красоты от негодяев всех времен и народов (А.Вознесенский «Бьют женщину», «Бьет женщина», «Монолог Мерлин Монро»), к женским несчастьям, среди которых на первое место ставится невозможность любить, мужское предательство, лирический герой относится с сочувствием и снисхождением. В качестве примера можно привести стихотворение А.Вознесенского «Плачет девочка в автомате...», которое на рубеже 80–90-х годов стало популярным песенным шлягером. Только в оригинале сентиментальный лирический рассказ о «мужской обиде», нанесенной «девочке» в «первый раз», завершается залихватски-игривым «Эх, раз, еще раз, еще много-много раз!».

Для либерального искусства оттепели в целом характерен образ женщины-девочки. Именно в это время во многом благодаря искусству формируется «альтернативный» соцреалистическим гендерным стереотипам миф о том, что самое главное для женщины — это любовь. В стихотворении Е.Евтушенко «Играла девка на гармошке» создается образ некоего женского единства, основанного на том, что сутью любой жен-

щины, независимо от ее социального опыта, образования и т.п., является «баба»: «Играла девка, пела девка, // И потихоньку до утра // По-бабы плакала студентка — // Ее ученая сестра».

Образы нежных женщин-девочек создает и кинематограф. Крупные планы, блестящие глаза, воплощающие наивность и доверчивость, хрупкие фигуры — все это мы найдем в таких шедеврах оттепели, как «Летят журавли», «Застава Ильича», «Когда деревья были большими». В 1959 году на экраны выходит кинофильм режиссера Л.В.Голуба «Девочка ищет отца», рассказывающий о том, как в первые месяцы войны маленькая девочка, у которой бомбой убило мать, ищет своего отца — партизанского командира. Сюжет этой очень популярной картины демонстрирует символическое распределение гендерных ролей в искусстве оттепели: беззащитное женское существо нуждается в крепкой семье и эту крепость способен обеспечить только смелый и благородный мужчина. В другом кинофильме — «Когда деревья были большими» — героиня (актриса И.Гулая), оставшаяся во время войны сиротой, принимает как отца лодыря и пьяницу (актер Ю.Никулин), хотя и бывшего фронтовика, который приезжает в деревню, желая отделаться от надоедливых столичных властей, призывающих его идти работать на предприятие. Девушка прощает новообращенному «отцу» все его слабости, и ее трепетное ожидание заставляет его в конце концов вспомнить о своем мужском долге и начать трудиться. Женский персонаж вновь становится горизонтом мужского самоосуществления.

В это же время так называемая «деревенская проза» конструирует национально-утопический миф об утраченном единстве человека и природы. В центре этого мифа оказывается *женщина-старуха как хранительница национальных патриархальных традиций*. Образ старухи (В.Распутин «Последний срок», «Прощание с матерой») сосредоточивает в себе черты архаической матери, рядом с которой нет мужа, а если он и присутствует, то воспринимается героиней как ребенок. В повести В.Белова «Привычное дело» говорится о том, что у доярки Катерины девять детей, а муж Иван Африканович, добрый и работающий, но легко поддающийся соблазнам и пьющий, — десятый. *Женщине-матери* противопоставляются либо бездетные, живущие для себя *горожанки-эгоистки*, как Люся из повести В.Распутина «Последний срок» или *беспутные искательницы мужей*, вроде Дашки-пуганки, из того же произ-

ведения. (Современные студенты-филологи, изучающие это произведение, называют Дашку «путанкой», как бы приписывая этому персонажу современную гендерную роль.)

Мужской персонаж деревенской прозы – слабый мужчина, лишенный духовной опоры, в его душе происходит борьба городской цивилизации в виде тяги к ее благам и корневых начал русской жизни. Женщина-мать здесь становится нравственным ориентиром, который предлагает герою автор. Только старики-мужчины да маленькие мальчики оцениваются деревенской прозой как герои безусловно морально устойчивые. В 1960–1970-е годы деревенская проза, читаемая главным образом интеллигенцией, воспринималась как оппозиционная официальной советской мифологии, и в ней действительно было немало социально-критических мотивов, но уже в 80-е годы становится понятно, что основным конфликтом этой литературы является конфликт цивилизации-Запада и почвы-Родины. Женщина здесь должна представлять почву, а ее стремление самостоятельно строить свою жизнь – учиться, выбирать профессию, планировать семью – неизменно осуждается. Так, в романе В.Белова «Все впереди», действие которого происходит в городе, главный герой-интеллигент очень озабочен духовным воспитанием своей жены. После того как жена съездила за границу, герой начинает мучиться сомнениями, не посмотрела ли она там порнофильм, и мучается он не зря, так как после поездки жена делает аборт, не желая иметь третьего ребенка. Эта странная, может быть, для современного читателя сюжетная логика всецело базируется на почвеннической, неопатриархальной идеологии деревенской прозы.

В 1960–1970-е годы появляется эстетически и идейно сложная проза «горожан» (А.Битов, Ю.Трифонов, В.Маканин), в центре которой – частная жизнь, а женщина изображается как убежище мужчин от публичной сферы, где торжествуют формализм и неправда. Героев интересуют проблемы налаживания быта, воспитания детей, здоровья, отдыха, сложных отношений с женой и часто параллельно с любовницей. Эта проза проблемна прежде всего с точки зрения конструирования мужского героя, который остро переживает свою маргинальность по отношению к налаженной жизни большинства. Здесь отношения между мужчиной и женщиной иногда напоминают поединок, но в целом женщина все же остается частью мужского поиска, нередко становясь ставкой в муж-

ском соперничестве, как в прозе Ю.Трифорова («Долгое прощание»), В.Маканина («Ключарев и Алимускин», «Отдушина») или А.Битова («Пушкинский Дом»). Интеллигентская литература, ставящая перед собой задачу создания сложного и противоречивого образа настоящего, в целом *воспроизводит гендерные матрицы русской классики* со слабым рефлексированием мужским героем, хотя женщина здесь уже более не является идеалом, оставаясь своеобразной функцией пространства и времени, что отражается в часто встречающемся мотиве: новый этап жизни героя — новая женщина.

В качестве завершающей гендерную проблематику советской литературы рассмотрим «женскую прозу»: Л.Петрушевская, Н.Горланова, Н.Садур, В.Нарбикова, Е.Сазонова, М.Арбатова. Принято считать (часто такое мнение исходит от самих представительниц этого направления, выступающих как критики), что «женская проза» радикально противостоит не только советской литературе в целом, но и русской классике, так как показывает мир глазами женщины, базируясь на особом женском опыте. Критикессы пытаются создать альтернативную мифологию самодостаточного женского, которую противопоставляют «симулятивному женскому» патриархатной мужской культуре. Но если внимательно рассмотреть образы и мотивы этой прозы, то нетрудно заметить их сильную *зависимость от гендерных стереотипов всей отечественной литературы: от классики до интеллигентской прозы.*

Здесь продолжает присутствовать слабый мужчина, только слабость эта оценивается уже с точки зрения женщины. Женщина ждет от мужчины именно выполнения традиционной роли возлюбленного, мужа и защитника, которой он фатально и трагически никогда не соответствует. Здесь уместно вспомнить рассказ Нины Садур «Червивый сынок», где дается яркая метафора мужской несостоятельности и женской обреченности: мужчина для повествовательницы «кнехт», который совершает свои набег и «все сжирает», а когда засыпает, то видно, как из уха у него торчит червяк. Но при этом все силы женщины направлены на привлечение и удержание этого бесполезного существа. Мужчина в женской прозе необходим женщине символически. Это объект желания. Женская проза, написанная от лица женщины, наводнена мотивами телесности: здесь подробно говорится о боли, родах, абортах, различных физиологических отправлениях, о половых актах, в которых мужчина выступает как объект. В изображении

секса женская проза часто балансирует на уровне порнографии: секс необходим женщине как подтверждение ее существования, а мужчина рисуется как механический исполнитель функции, как существо иной физиологии. Женщина здесь — это в основном мать, которая вынашивает и выкармливает своих детенышей. Мрачная картина мира в прозе Л.Петрушевской («Свой круг», «Время ночь» и др.) связана с общим недоверием женщины — субъекта восприятия и изображения — к «мужским» проектам, в частности к прогрессистской идеологии. Проект этот отвергается как тотально неуспешный. Собственный проект либо не предлагается вовсе (героини Петрушевской хитрят и приспособляются к окружающему миру, относятся к нему прагматически, подчиняя все свои действия сохранению потомства, как рассказчица из «Своего круга»), либо, как у Садур, совершается переход в мир чуда и мистики. Можно сказать, что «женская проза» — это вопль восставшего женского объекта, осознавшего лживость мужской мифологии женского. В этих произведениях женщина продолжает быть загнанной в быт, убогий и нищий, потому что из него ушел мужчина (Л. Петрушевская «Маленькая страна»), в любовь, не приносящую ничего, кроме боли, в материнство, конструируемое как инстинктивная забота о потомстве. В прозе Т.Толстой («Поэт и Муза», «Факир») присутствует образ женщины-хищницы, которая относится к мужчине как к средству своей реализации, как к некоему капиталу. Такая героиня изображается критически и ей противопоставляются «дурочки» и «чудачки» («Счастливая Шура»). Борьба за жизненный успех осуждается как уродующая душу.

Таким образом, «женская проза» — своеобразный симптом кризиса национальных гендерных стереотипов, которые, видоизменяясь, все же транслируются всей русской литературой.

Радикальная ломка этих стереотипов начинается в 1990-е годы. Если раньше «образцом» женских и мужских образов служила литературная классика (в том числе и классика советская), то теперь важнейшим фактором, влияющим на гендерные репрезентации, становятся средства массовой информации, медиа. Они — проводники массовой культуры, мощный канал воздействия на сознание людей. Под влиянием медиа — телевидения, рекламы — мужские, а особенно женские образы обретают «зримость», визуальный момент — конструкция внешности — подчиняет себе все прочие аспекты репрезентации. Литература перестает быть основной областью формирования образов муж-

чин и женщин. Если обратиться к массовой литературе, бурно развивающейся с середины 90-х годов, нетрудно заметить, что она как бы переводит язык кино или телесериалов в словесную форму.

Еще на рубеже 90-х в искусстве начинается изменение конструкций мужественности и женственности. В женских образах акцентируются «природные» черты женственности, описываемые слоганом «женщина должна быть женщиной»: внешне привлекательной, сексуальной, созданной для мужской заботы и любви. Позднесоветский мир критикуется именно за то, что в нем женщина не может осуществлять это свое природное предназначение. Женственные создания в нем просто вынуждены маргинализироваться, стать проститутками. Эта своеобразная романтизация образа проститутки очень характерна для нравоописательной прозы рубежа десятилетий, прозванной в критике «чернухой». В качестве примера можно привести роман В.Кунина «Интердевочка», который впоследствии был экранизирован и имел большой успех. Песенной иллюстрацией к этому фильму (и роману) может служить «Путана» Олега Газманова: «Путана, путана, путана, // Ночная бабочка, но кто же виноват? // Путана, путана, путана ! // Огни отелей так заманчиво горят». Образ проститутки здесь отчасти воспроизводит классический мотив «без вины виноватой», хотя в отличие от Сони Мармеладовой героиня «Интердевочки» — и красавица, и умница, а беда ее только в том, что в СССР нет достойного мужчины, способного прибрать ее к рукам.

Такой мужчина, «настоящий мужик», появится в литературе и кино к середине 90-х годов. В его образах в разной степени присутствуют черты «мачизма». Прежде всего это бандит, активно отвоевывающий себе место в «красивой жизни», — образ, широко представленный в российском романе-боевике, который в первой половине 90-х годов занимает первое место по популярности среди массовой литературы. Вторых, это одинокий боец за справедливость, связанный со спецслужбами, но часто действующий и по собственной инициативе, вроде героя В.Доценко Бешеного. В отличие от «бандита», «боец» благороден, он защищает слабых, а интересы страны для него не пустой звук. «Боец», как правило, одинок (сирота, воспитанный в детском доме, герой афганской войны, потерявший друзей, несправедливо осужденный негодями), его окружает жесткий мужской мир, полный физического насилия. У него может быть нежная подруга, часто спасенная им, но связи с женщинами

для героя не так существенны, как его борьба. Эротические сцены, которых немало в боевиках, репрезентируют мужскую состоятельность героя, его сексуальную силу. Позднее, мачизм сосредоточивается в образе бизнесмена, вступающего в схватку и с бандитами, и со спецслужбами. Рядом с ним появляется сексуальная красавица, при этом еще и образованная дочь интеллигентных родителей. В таких произведениях она выполняет роль «имущества» этого героя, ее присутствие может подчеркивать масштабность личности персонажа, как в романе Ю.Латыниной «Охота на Изюбря» или в популярном сериале «Бригада», рассказывающих «историю» становления новой российской жизни, в том числе и новых отношений между полами.

Жанры массовой литературы (как, впрочем, и кино) в середине 1990-х годов приобретают конкретного адресата, определенную аудиторию, и *эта аудитория гендерно маркирована*. Для «домохозяек» (это понятие в применении к российской культуре имеет не столько социально-статусный, сколько ментальный смысл) издаются многочисленные «женские», «дамские», «розовые» романы из заграничной жизни, написанные заграничными авторами (под иностранными псевдонимами часто скрывается российские производители этой печатной продукции). Эти романы призваны воспроизвести идеал большой и красивой любви, становящейся главным событием в жизни женщины и ее идеального возлюбленного. В основе их — сюжет о Золушке, нашедшей принца, который полностью обеспечивает своей избраннице счастье. В «розовых» романах формируется образ женщины-потребительницы: героини здесь всегда отстраиваются под модные «бренды».

В 1995 году на полках книжных магазинов появляются детективы Александры Марининой, которые совершают настоящую революцию в представлении образа современной женщины в массовой культуре. Они же открывают эру так называемого «женского детектива», который в 2000-е годы потеснит и отечественные боевики, и «розовые романы», отчасти вобрав в себя их мотивы. В центре произведений Марининой — образ интеллектуалки-эксперта, следователя Анастасии Каменской, интересная работа для нее — возможность самореализации. Внешний облик Каменской подчеркнуто противопоставлен как героиням «мужской литературы» (боевикам), так и золушкам «розовых романов». Она «серая мышка», предпочитающая удобную одеж-

ду (кроссовки и джинсы), но в нужный момент превращающаяся в эффективную особу. Анастасия подчеркнуто равнодушна к семейному быту: она не умеет готовить (это за героиню Марининой делает ее друг, а впоследствии муж доктор наук Чистяков, с которым Каменскую связывают партнерские отношения); у Насти нет и не предвидится детей; большую часть времени она, вооружившись кофе и сигаретами, проводит за аналитической работой по раскрытию преступлений; у Насти слабое здоровье — больная спина и вегето-сосудистая дистония. Нездоровье здесь становится показателем реалистичности, жизненности образа. Интеллектуальные же способности Каменской превосходят способности многих ее сослуживцев. При этом мужеподобность, жесткость, стержовность вовсе не свойственны героине Каменской. Она мягка и интеллигентна, оказываясь один на один с опасным преступником часто испытывает страх, однако высокий нравственный уровень, осознание значимости того, что она делает, помогает героине преодолевать человеческие слабости. Каменская чувствительна и способна испытывать сострадание к жертве, даже если эта жертва не вписывается в общие представления о том, кто достоин жалости (например, к гомосексуалистам) и даже к преступнику, если последний преступает закон в силу рокового стечения обстоятельств.

«Иронический женский детектив», ярким представителем которого является Д.Донцова (см. также романы Л.Милевской, В.Платовой), дополняет опыт Марининой мотивами «розовых романов». «Частные детективши» Евлампия Романова, Виола Тараканова и Даша Васильева — это золушки, неожиданно получившие большое наследство и решившие из интереса заняться расследованием преступлений. Их розыскная деятельность имеет характер изящной забавы, хотя в ходе нее дамы часто попадают в смешные и опасные ситуации. Перед нами представительницы среднего класса, ищущие самореализации независимо от мужчины. Именно поэтому героини — часто женщины средних лет, семейные, но не имеющие мужа. Для своих домашних они являются скорее приятельницами, чем заботливыми матерями и тетушками. В отличие от романов Марининой, мир «иронического женского детектива» гламурный, ломающийся от потребительских благ. Иронический посыл этого жанра заключается в том, что автор подчеркивает дилетантизм главной героини, ее наивность и

неумение связать в логическую цепочку скрупулезно собранные факты (это делает обычно друг — профессиональный следователь-мужчина). Следствие для героинь женского иронического детектива — увлекательная игра, а порой и милая женская блажь. Таким образом, публичная активность героинь женского иронического детектива позиционируется одновременно и как причуда их частной жизни, и как свободный выбор.

На рубеже 2000-х годов появляется большое количество более серьезной литературной продукции, *открыто артикулирующей гендерную проблематику*. Здесь можно назвать жанр триллера (Т.Полякова «Кровь нерожденных»), романа-исповеди (Т.Москвиной «Смерть — это все мужчины»), семейных повествований (Л.Улицкая). Впрочем, творчество Л.Улицкой, чрезвычайно популярное у интеллигентного читателя, воспроизводит традиционную для русской литературы гендерную ситуацию: мы видим здесь и слабого мужчину-ребенка («Веселые похороны»), и заботливого отца дочерей, и властную мать («Медея и ее дети»), и трогательную бедную родственницу, удерживающую свою самость заботой о близких («Генеле-сумочница»). Семья у Улицкой — это по-прежнему самая важная сфера жизни женщины. Новым становится то, что эта сфера также важна и для мужчины, который, по мнению писательницы, должен в семью вернуться.

Произведения же Поляковой и Москвиной *содержат определенный феминистский посыл*. Здесь героини практически в одиночку вступают в схватку с мужским миром: у Поляковой за жизнь своего нерожденного ребенка, которого некий преступный трест стремится превратить в материал для особого лекарственного препарата, у Москвиной — с мужским миром, относящимся к женщине как к забаве и презирающим любовь. Героиня Москвиной не подлаживается под мужские стандарты: она не курит, не носит брюк, не любит футбол, разделяет идеи радикального феминизма, обвиняя мужчин в угнетении. При этом в ней присутствуют и черты «стервозности», столь часто встречающиеся в массовой культуре последнего времени. В частности, она использует богатого бой-френда для обустройства своего быта и открыто признается читателю в этом.

В российской массовой художественной продукции социальная активность женщины, ее успешность в карьере, умение обыгрывать на этом пути многих соперников (нередко используя свою сексу-

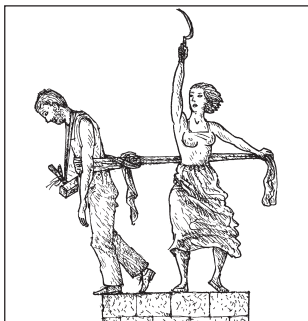
альность) весьма часто дополняется своеобразной совестью героини. Ей претят жесткие, «мужские», способы достижения цели. В глубине души эта героиня жаждет заботы и ласки. Часто вся публичная активность ее имеет целью заполучить любовь, как в популярных телесериалах «Черный ворон» и «Только ты».

В современной литературе и кинематографе присутствуют и модели мужественности и женственности, позиционируемые как традиционные — с сильным мужчиной и преданной скромной женщиной, которой свойствен «ум сердца». В качестве примера можно привести последние киноработы С.Говорухина «Ворошиловский стрелок» и «Благословите женщину», сериал «Московская сага», снятый по роману В.Аксенова. При этом сильная мужественность дается в имперском антураже: для героя — часто военного — очень важны интересы Родины и семья становится частью Родины. «Московская сага» снята в эстетике «ретро». В женских и мужских образах таких фильмов их создатели стремятся с максимальной точностью воссоздать репрезентацию женского и мужского тела в кинематографе прежних десятилетий. Тело здесь инструментально и статусно. Женщина из семьи военного всегда изящно одета и ухожена, в то время как прислуга не имеет никаких признаков привлекательности — это воплощенная забота о других (она всегда на кухне у плиты в фартуке). В мужчине акцентируется физическая сила, тяжеловесность, волевой подбородок и сильные руки, что должно подчеркнуть его представительство имперской мощи. В сериале «Московская сага» образ такой мужественности создает актер А.Балуев, за которым в наше время закрепилось амплуа сильного и самостоятельного мужского характера.

* * *

Этот очерк не претендует на исчерпывающее описание представлений женственности и мужественности, здесь показаны механизмы конструирования образов. В культуре всегда существует множество образов, множество вариантов репрезентации. Особенность нашего времени в том, что эти репрезентации становятся все более разнообразными и все менее всеобщими. Сегодня, может быть, стоит говорить о том, что различные группы общества создают запрос на соответствующие их представлениям о гендерных отношениях и их опыту конструкции мужественности и женственности. В современных книжных магазинах от-

водятся целые стеллажи не только под разные виды женской литературы (от интеллектуальной, вроде прозы М.Арбатовой и Л.Ванеевой, до развлекательной), под отечественные боевики и крутые детективы, где действует мужской герой, но и под литературу о геях, не говоря уже об Интернете, где набор гендерных репрезентаций еще разнообразнее.

Л. ПОПКОВА, Е. ЖИДКОВА

**ФЕМИНИЗМ, ИЛИ ИСТОРИЯ
БОРЬБЫ ЖЕНЩИН
ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
КУРИЦА - НЕ ПТИЦА...**

ПЕРВАЯ ВОЛНА ЗАПАДНОГО ФЕМИНИЗМА: СУФРАЖИЗМ в XIX–XX веках

В истории западной цивилизации общественное движение за равноправие женщин складывается во второй половине XIX века, когда женщины впервые выступили как самостоятельная организованная политическая сила. Термин «феминизм» как синоним женской эмансипации, начинает широко использоваться в Европе в начале XX века.

Идея равных социальных прав женщин и мужчин восходит ко времени эпохи Просвещения и Великой французской революции XVIII века и связана с утверждением либеральной концепции «естественных прав и свобод» человека. Эта концепция впервые в Европе была закреплена в главном документе Французской революции «Декларация прав человека и гражданина» (1789). Француженки, воодушевленные лозунгами революции «Свобода, равенство, братство», создавали свои клубы, активно участвовали во всех общественных событиях. Но после опубликования Декларации, а затем Конституции новой республики они обнаружили, что свобода и права человека не распространяются на женщин: к категории граждан, имеющих право владеть собственностью, избирать и быть избранными были отнесены только мужчины. Писательница Олимпия де Гуж попыталась исправить это «недоразумение», составив в 1791 году «Декларацию прав женщины и гражданки», которую историки и считают первым манифестом феминизма Нового времени. Но голос французских революционерок не был услышан, женские союзы были запрещены, а затем женщинам запретили даже присутствовать на публичных мероприятиях.

Через год англичанка Мэри Уоллстонкрафт публикует свою работу «В защиту прав женщин», где «оправдывает» возможность и необходимость гражданских прав женщин. Тогда главным аргументом противников равноправия был тезис о том, что женщины «по природе» не способны к независимости, поэтому нуждаются в руководстве и не могут претендовать на самостоятельное голосование. Полемизируя со своими оппонентами, Уоллстонкрафт рассуждает о женском воспитании XVIII века: «С младенчества женщины впитали, и матери им были в том примером: дабы снискать покровительство мужчин, достаточно лишь усвоить необходимость, играя на человеческих слабостях, изобразить лукавство, покладистость, прикинуться покорной и непременно казаться всегда и во всем легкомысленной». (Удивительно, но в расхожих «мудрых» советах молодым девушкам нашего времени мы можем обнаружить нечто похожее.)

Для либералов XIX века, приверженцев идеи равноправия полов, речь шла о формальном, юридическом равенстве, дающем человеку возможность отстаивать свои интересы. Обычное право Великобритании и США гласило: «юридически женщина не существует отдельно от своего отца или мужа, которые и голосуют от ее имени и во имя интересов семьи в целом»; без их согласия женщины не могут заключать договоры, не должны владеть собственностью, самостоятельно выступать в суде. Английский философ и экономист Джон Стюарт Милль через 70 лет после Уоллстонкрафт в своем труде «О подчинении женщины» (1861) размышляет о причинах пассивности женщин, их молчаливого согласия с гражданским бесправием: «Власть мужчин над женщинами не похожа на все прочие виды власти, поскольку силы не применяет, а воспринимается добровольно, мораль твердила им, будто внутренней эмоциональной сущности женщины соответствует предназначение жить для других, умение целиком отречься от себя и не иметь иной жизни, кроме растворения в нуждах близких». Милль выступил в поддержку смелых англичанок, публично заявивших о том, что женщины могут сами говорить от своего имени, свободны в устройстве своей судьбы и потому вправе требовать одинаковых с мужчинами политических прав. В 1867 году он представил в английском парламенте петицию в пользу избирательных прав для женщин. Так впервые в высших органах государственной власти прозвучал голос нового общественного движения.

Право на участие в голосовании — главное требование первых политических организаций женщин в Великобритании и Америке второй половины XIX века. Поэтому первый период движения женщин за равные с мужчинами права вошел в историю под названием *суфражизм* (от *suffrage* — право голоса). Помимо избирательных прав суфражистки добивались одинаковых с мужчинами прав на собственность, высшее образование, профессиональную занятость.

Манифест женского движения был провозглашен американскими активистами на первой в истории конференции по правам женщин. В 1848 году 200 женщин и 40 мужчин собрались в городке Сенека-Фолз (штат Нью-Йорк), где после бурных дискуссий приняли «Декларацию чувств», записав в ней основные идеи и принципы суфражизма. Этим названием автор манифеста Элизабет Стэнтон подчеркивала связь со «священным» для американской демократии документом, принятом в годы Американской революции, «Декларацией независимости», где было провозглашено, что «все люди созданы равными и наделены их творцом неотчуждаемыми правами». На конференции были сформулированы лозунг нового движения — «Все мужчины и женщины созданы равными» — и основные требования: женщины как гражданки Соединенных Штатов должны обладать всей полнотой политических прав, а также иметь право на развод, на опеку над детьми в случае развода, на владение имуществом и наследством, право на собственные заработки и получение высшего образования. Участники конференции полагали, что только с помощью организованных массовых действий можно добиться своих прав.

Немногочисленные женские группы в Америке и Европе к началу XX века превращаются во влиятельные национальные коалиции и ассоциации. Всеми способами гражданской активности суфражистки пытаются добиться изменения законов, сделать все, чтобы их голос был услышан. Массовые демонстрации, петиции, обращения к партиям и политическим деятелям, митинги, демонстративные, даже провокационные, акции протеста были нацелены на привлечение общественного внимания, изменение политики и проведение реформ. В деятельности организаций и акциях протеста в то время в основном участвовали женщины из среднего класса (работницам фабрик и заводов было не до общественной активности). В защиту прав женщин выступили социалисты. На Международной социалистической конференции в Копенгагене

в 1910 году Клара Цеткин предложила ежегодно проводить Международный женский день под лозунгами борьбы за политическое и социальное равноправие. Этим днем женской солидарности, который способствовал и привлечению к борьбе женщин-работниц, стало 8 марта.

В 1870-е годы первые европейские университеты открыли свои двери для студенток. Но суфражисткам понадобилось почти семьдесят лет упорной борьбы, чтобы стало реальностью их главное политическое требование. В 1920 году Конгрессом США была принята 19-я поправка к Конституции, которая предоставляла избирательное право женщинам. Англичанки получили это право ограниченно (только для замужних женщин) в 1918-м, а в полном объеме – в 1928 году. Самой прогрессивной в этом отношении страной стала Новая Зеландия, которая первой в мире уже в 1893 году допустила женщин на избирательные участки. А во Франции женщинам предоставили законное право голосовать на выборах только в 1946 году, через полтора века после получения этого права мужчинами. До 1970-х годов Швейцария отказывала гражданам женского пола в праве избирать и быть избранными. Для многих мусульманских стран это требование остается актуальным и в XXI веке.

В 20-е годы XX века в Европе и США феминистское движение первой волны, добившись, наряду с избирательными правами, принятия законов, разрешающих женщинам учиться в университетах и работать вне дома, посчитало свои задачи выполненными, и активность женских организаций пошла на спад.

ВТОРАЯ ВОЛНА ЗАПАДНОГО ФЕМИНИЗМА: 1960–1980-е годы

Послевоенный мир с его надеждами на долгожданное спокойствие, безопасность и процветание, казалось, не оставлял места для социальных протестов и недовольства. В общественном сознании столь же гармоничными должны были выглядеть и гендерные отношения. Женщины, вынужденные в годы войны занять рабочие места мужчин, трудиться в учреждениях и на заводах, теперь могли вернуться к привычным «естественным» занятиям и найти удовлетворение в традиционном домашнем кругу, не заботясь о своих амбициях и правах в общественной сфере.

Громом среди ясного неба становится публикация в 1949 году книги французской писательницы и философа Симоны де

Бовуар «Второй пол». Труд, объемом в тысячу страниц, был сразу распродан огромным тиражом в Европе (переведен на 30 языков). Позволив многим поколениям женщин увидеть свою судьбу и мир в новом свете, де Бовуар на долгие десятилетия сделалась кумиром интеллектуальной Европы. В этой книге, опираясь на философский, психологический, антропологический, исторический, литературный и жизненный материал, де Бовуар впервые пытается осмыслить проблему женского существования в современном мире. Что является препятствием на пути самореализации женщин как личностей, что ограничивает женскую свободу? Эти идейные поиски, несомненно, связаны с философской позицией писательницы – теорией экзистенциализма Жан-Поля Сартра, ставящей в центр человеческого существования проблему свободы выбора и ответственности индивида за собственную жизнь.

В отличие от предыдущих феминистских теорий, Симона де Бовуар видит причины зависимого положения женщин не столько в биологических различиях, правовом и социально-экономическом неравенстве, сколько в том, *как* исторически сформировалось представление о женственности в культуре и обществе. Исследуя мифологию, литературу, разные национальные традиции и ценности, систему воспитания девочек, семейные модели, она показывает, что главным препятствием на пути к женской свободе является господствующая в обществе идея женского бытия как «вторичного», что в истории и культуре «первичным» мыслится мужчина. Принятие самими женщинами роли «второго пола», значимого только по отношению к мужчине, формирует феномен зависимости в женском самосознании, не позволяющей женщине быть ответственной за собственную жизнь и претендовать на реализацию личностных способностей вне семейной сферы. Знаменитая формула книги «женщиной не рождаются, ею становятся» не только противостояла мифу об «особой человеческой природе женщин», но и давала импульс новому пониманию женской эмансипации. Симона де Бовуар призвала женщин не бояться вступать на путь самореализации, независимости и свободного обретения «подлинного существования». Через пятнадцать лет после публикации книги именно эти идеи станут лозунгами новой волны массового женского движения.

Пик западного феминизма как общественно-политического движения приходится на 1960–1970-е годы. Эти два десятилетия были временем социальных потрясений в Европе и Америке. В эти «революционные» годы студенческие, антивоенные выступления, борьба расовых и этнических групп за гражданские права определяли политический климат. Исследователи, политики и журналисты единодушны в том, что неожиданно массовая социальная активность женщин произвела своего рода социальную и культурную революцию в западном мире, кардинально повлияв на систему гендерных отношений.

«Женская революция» с момента возникновения была однородной по своим идейным концепциям, методам борьбы и формам коллективных действий. Среди многообразия идей, теорий и организаций можно выделить два самых влиятельных и известных течения феминизма: либеральное и радикальное. В США, где движение женщин получило наибольший размах, сторонники первого направления называли себя «движением за права женщин» (the women's rights movement), а радикальные молодежные группы заявляли о «женском освобождении» (the women's liberation movement).

Либеральный феминизм

В 1963 году в Соединенных Штатах появляется книга, оказавшая влияние на настроения и самосознание миллионов американских женщин. «Мистика женственности» журналистки Бетти Фридан, ставшая мировым бестселлером и классическим текстом либерального феминизма, взорвала атмосферу «потребительского рая» образованных американок из среднего класса. В конце 1950-х годов многочисленные женские журналы, реклама, телевидение убеждали, что представительницы среднего класса смогли добиться «женской американской мечты»: преуспевающий и заботливый муж, здоровые дети, дом в пригороде, автомобиль, красивая одежда, которую можно демонстрировать на вечеринках и благотворительных собраниях. Бетти Фридан, дипломированный психолог и мать троих детей, проведя сотни интервью с такими же, как она, домохозяйками, обнаружила, что их жизнь омрачают внутренняя неудовлетворенность и сознание собственной ничтожности. Причины подобных ощущений женщины не могли назвать ни популярным психоаналитиком, ни мужу, ни самим себе.

Написав на основе этих признаний книгу, Фридан попыталась сама определить причины разочарований и недовольства, сделав видимой проблему, не имевшую до этого названия. Стремясь следовать образцам «истинной» женственности и исполнить предписываемое обществом «природное предназначение» матери и жены, американки из среднего класса отказывались от профессиональной карьеры и какого-либо участия в общественной жизни, постепенно превращались в инфантильные, зависимые существа, лишённые представления о своих возможностях и желаниях. Традиционные убеждения поддерживались теорией Фрейда с его идеей о природной женской пассивности и невротичности, глянцевыми журналами, рекламой, телевидением. «Мистика женственности» на деле обернулась драмой женской личности, драмой подавления интеллекта, профессиональных и социальных интересов. Добровольно следуя устоявшимся гендерным стереотипам, женщины оказывались, по определению Фридан, в «уютном концлагере» семейной жизни, обнаруживая, что потребительские товары, муж и дети не в состоянии избавить от ощущения опустошенности. Книга затронула чувства многочисленной группы домохозяек, в 1960-е годы ее идеи казались им революционными. «Женщина должна без ложного чувства вины спрашивать: кто я и чего я хочу от этой жизни, она не должна чувствовать себя эгоисткой или невротичкой, если у нее есть личные задачи, не связанные с мужем и детьми».

В годы Второй мировой войны несколько миллионов женщин в США и Европе пришли в учреждения и разные сферы производства, заняв рабочие места ушедших на фронт мужчин. Плакаты военных лет убеждали их поверить в свои силы, в то, что «они смогут это сделать». Девушки из средних слоев, увидев для себя новые перспективы, стремились получить высшее образование. Но послевоенная ситуация «национального согласия» в западном мире требовала восстановления традиционной системы разделения ролей «добытчиков» и «хранительниц очага». В 1950-е годы на смену военным плакатам, призывающим женщин помочь стране, пришли публичные уверения в том, что «женственным» женщинам ни к чему профессиональная карьера, высшее образование, творчество и тем более участие в политике. Как и сто лет назад звучали все те же аргументы о природной неспособности и неготовности женщин к профессиональной занятости, о ненужности и вредности отвлечения их от «естественного предназначения» матери и жены.

Через три года после выхода книги «Мистика женственности», в 1966 году, в США была создана Национальная организация женщин, президентом которой стала Бетти Фридан. В год своего основания она насчитывала 300 человек, через десять лет их стало 250 тысяч. Вслед за этой организацией, ставшей одной из влиятельных политических сил Америки, возникло множество других, не менее известных. Либерально-феминистское движение за права женщин, с его централизованными формальными структурами, с четко установленными правилами, программой действий очень успешно влияло на законодательную и исполнительную власть.

Своей главной задачей новая организация считала принятие законодательного запрета дискриминации по признаку пола во всех сферах экономической активности. Следуя концепции классического либерализма, гендерное равенство трактовалось как предоставление одинаковых прав мужчинам и женщинам. Соответственно всякое обращение в юридических документах к «различию мужчин и женщин», по убеждению представительниц либерального феминизма, закрепляло утвердившуюся гражданскую, публичную неполноценность женщин, оставляя им место исключительно в частной сфере. «До тех пор пока закон будет разделять граждан по половому признаку, женщины будут испытывать дискриминацию на основании устаревших социальных стереотипов, — говорилось в программе Национальной организации женщин. — Пришло время покончить с утверждениями относительно особой природы женщин, которые препятствуют достижению равенства возможностей и свободы выбора женщин». Сам термин «различие» на целое десятилетие оказался исключенным из политической риторики либеральных феминисток.

Реформирование гендерной политики США было начато в 1961 году президентом Дж.Кеннеди, создавшим Комиссию по статусу женщин для изучения ситуации с правами женщин в послевоенной Америке. Результатом деятельности комиссии стал опубликованный в 1963 году «Доклад о положении женщин», в котором впервые правительство документально подтверждало дискриминацию женщин в социально-экономической сфере. В том же году принимается первый Федеральный закон о равной оплате труда, запрещающий дискриминацию при оплате труда по признаку пола. Закон вводил обязательность принципа одинакового

вознаграждения за равноценный труд мужчин и женщин. Так увенчались успехом усилия довоенного социального крыла американского женского движения, отстаивающего коллективные права женщин, занятых в промышленном производстве. Закон не распространялся на «белые воротнички» — служащих и административных работников. Предстояло еще девять лет напряженной борьбы и давления на Конгресс со стороны нового поколения феминисток, чтобы принять необходимые поправки к Закону, распространяющие принцип равноправия в оплате на все категории работающих женщин.

Ориентируясь на реформирование существующей властной системы, феминистки действовали традиционными для политической культуры США методами — представление судебных исков и лоббирование законопроектов. Созданная под давлением феминисток Комиссия по равным возможностям уже через год оказалась завалена десятком тысяч заявлений о возбуждении судебных исков против работодателей на основании нарушения Закона о гражданских правах, запрещающего дискриминацию по признаку пола. К началу 1970-х годов сотни высших учебных заведений, частных и государственных компаний были привлечены к разбирательствам по искам о нарушении трудовых прав конкретных женщин. Их интересы защищали женские организации, что и обусловило во многом успех по реализации новых законов. Компании оказались вынуждены платить значительные денежные штрафы по возмещению материального и морального ущерба и принимать на работу по решению суда. Таким же штрафам подвергались издательства газет, публикующие объявления о приеме на работу с указанием «требуется мужчины».

Помимо запрета прямой дискриминации феминистки требовали реформирования практически всей сферы профессиональной активности: получение кредитов в банке, разрешения на строительство и аренду жилья, открытие собственного бизнеса, доступ в престижные профессиональные университетские школы и факультеты. В 1960-е годы в большинстве западных стран замужней женщине требовалось письменное разрешение от мужа на открытие собственного счета в банке, получения кредита, аренду помещений. В престижных университетах США, высших медицинских школах, школах бизнеса и права женщины в конце 1960-х годов составляли от 5 до 8% студентов. В Гарварде в 1970 году сре-

ди 483 преподавателей гуманитарных и естественных факультетов не было ни одной женщины. Национальная организация женщин добилась принятия законов о равенстве в жилищном строительстве; о равных правах женщин в образовании; о равных возможностях при кредитовании; поправки к закону о профессиональном образовании, о налоговой реформе; о равенстве пенсионного обеспечения. Десять лет женской политической активности привели к значительному увеличению среди женщин числа высокооплачиваемых наемных работников — юристов, врачей, менеджеров.

Однако к концу 1960-х годов, наряду с достижениями, обнаруживается ограниченность идеологии и стратегий либерально-классического феминизма, начинается период критического переосмысления и отказа от прежних концепций. Это болезненно воспринимается участницами движения. В 1981 году выходит новая книга лидера либерального крыла феминизма Бетти Фридан «Вторая стадия», которая первоначально вызвала возмущение и обвинение в предательстве со стороны ее соратниц. В книге Фридан отмечала, что за двадцать лет американки достигли впечатляющих успехов по вхождению в прежде абсолютно недоступные им «мужские» институты власти, но профессионально преуспевающие женщины оказались перед лицом новых разочарований. Состояние фрустрации, по мнению Фридан, вызывал теперь «комплекс суперженщины», стремящейся по максимуму удовлетворить и требования работодателей, и потребности своего мужа и детей. «У большинства женщин нет жены, чтобы заботиться о “мелочах жизни”» — эта фраза стала афоризмом 80-х годов. Борясь за абсолютно одинаковые права с мужчинами, либеральные феминистки, по мнению Фридан, лишили многих женщин реального жизненного выбора и свободы. В новой книге она напоминала, что одинокая мать или разведенная женщина, лишенная материальной поддержки в опеке над ребенком, не может конкурировать с мужчинами на рынке труда.

Постепенно «эгалитарный либеральный» феминистский подход трансформируется в идеологию «социального феминизма»: реальное равенство возможностей обеспечивается как законодательством, так и специальной «гендерно чувствительной» политикой государства. В Америке 1970–1990-х годов новым направлением феминистской активности, а также основным предметом бурных публичных дискуссий стано-

вится программа «позитивных действий» или «позитивной дискриминации», как ее иногда называют. Речь шла о президентских указах Л.Джонсона и Р.Никсона, предусматривающих создание на предприятиях, в корпорациях, учреждениях и университетах «режима наибольшего благоприятствования» при приеме на работу и учебу и продвижении женщин по службе при одинаковых с мужчинами профессиональных качествах. «Позитивные действия», как временная мера, означали попытку минимизировать те структурные барьеры, которые влияют на положение дискриминируемых в прошлом групп, а также попытку с помощью государственных стратегий повысить конкурентоспособность членов этих групп. Программы имеют дело с проблемой на социальном, а не на индивидуальном уровне и поэтому позволяют искоренять скрытые, невидимые, неосознаваемые механизмы воспроизводства дискриминации. «Нет большей несправедливости, чем реагировать одинаково на радикально различные ситуации». Именно «одинаковое» обращение (понимаемое как равное) вело, по мнению социальных феминисток, к закреплению гендерного неравенства, ведь отсутствие, к примеру, системы детских садов или программ по защите от сексуальных домогательств на рабочем месте по-разному влияют на работников мужского и женского пола.

В европейских странах под давлением женского движения политика «равенства с учетом различий» органичным образом вписалась в социальную систему «государства всеобщего благоденствия», при которой одинаковые формальные права дополнялись специальными программами государства по улучшению статуса женщин и удовлетворению их особых, отличных от мужчин, потребностей. Поэтому помимо «позитивных» мер «государство всеобщего благоденствия» разделило с работающими женщинами ответственность и бремя обязанностей по рождению и воспитанию детей.

Радикальный феминизм

В середине 1960-х годов параллельно с либеральным течением появляются группы молодых интеллектуалок, заговоривших о женской эмансипации с более радикальных позиций. Новое влиятельное течение феминизма формируется в контексте мощных молодежных протестов «новых левых». Молодежное движение было первым в истории Европы и Соединенных Штатов массовым выступлением молодых людей из

среднего класса против институтов и ценностей «общества потребления». Критике и идейному нигилизму новых радикалов подвергались негуманистические и тоталитарные черты «прогнившей индустриальной цивилизации»: вместо «демократии элит» студенты требовали эгалитарной и справедливой «демократии участия».

С начала 1960-х годов американские студентки – активные участницы массовых университетских выступлений, сидячих забастовок, маршей протеста против сегрегации на Юге и войны во Вьетнаме. Но их не устраивает роль, отводимая им в молодежном движении. Разочарование началось тогда, когда они стали осознавать свою полную отстраненность от принятия решений в левых организациях. Очень быстро молодые активистки обнаружили, что им по-прежнему предлагают одну «священную обязанность» – подавать кофе, пока мужчины будут обсуждать стратегию движения. Желавшие поставить на повестку дня молодежных собраний проблему женских прав и свобод встречали непонимание, грубые насмешки и издевательства со стороны своих соратников-мужчин. Студентки начинают создавать собственные группы, не имевшие ни строгой формальной структуры, ни руководителей, ни четкой политической программы. Любая могла организовать такую группу в школе, университете, на работе, среди подруг, соседей, при церкви и домоводческом кружке. В неформальных дискуссиях женщины получили возможность говорить о своих проблемах, переживаниях, желаниях и амбициях, которые прежде они скрывали или даже не осознавали. Как писала одна из участниц: «Главное, что происходило внутри этих групп – освобождение от рабского внутреннего комплекса неполноценности, неверия в себя, преобразование своего собственного смысла жизни. Впервые я почувствовала гордость за принадлежность к женскому роду и ощутила всех женщин своими сестрами». Идея «всемирного сестринства» постепенно становится определяющей в новом течении.

Вторая радикальная идея – представление о патриархате как исторически сформированной системе тотального доминирования мужчин во всех сферах жизнедеятельности. Мужская власть, в понимании сторонников «женского освобождения», распространяется не только на политику и экономику, она пронизывает и личную жизнь женщин. Мужчины не могут сами реформировать систему, которая дает им приви-

легии, поэтому компромиссная программа либерального феминизма по реформе законодательства не решает принципиальную задачу освобождения от зависимости и угнетения. Только революционная борьба женщин сможет подорвать патриархатную систему.

Теоретическое обоснование радикальной позиции дала Суламифь Файерстоун в вышедшей в 1970 году и сразу ставшей знаменитой книге «Диалектика пола: доводы для феминистской революции». Двадцатипятилетняя активистка студенческих выступлений и организатор первых в Нью-Йорке «освободительных» групп предлагала новое объяснение причин тотального угнетения женщин. Она определяла патриархат через контроль мужчин над репродуктивной функцией женщин. По мнению Файерстоун, поскольку именно рождение и воспитание детей делает женщину зависимой от мужчины в плане материального существования, очевидно, что создаются отношения власти и подчинения. Именно безвластие, а не природный невротизм, приписываемый фрейдизмом всем женщинам, определяет их статус в современном обществе. Радикальные сделали центром дискуссии проблему контроля над женской сексуальностью. Легализация аборта, отстаиваемая ими под лозунгом «Право на выбор», в первую очередь обеспечивала независимость и свободу в сексуальных отношениях.

Вышедшая в том же 1970 году книга другой известной активистки «освободительных» групп Кейт Миллетт «Сексуальная политика» обозначает актуальные задачи движения. Впервые термин «политика», означающий механизм власти одной группы людей над другой, применяется по отношению к сфере личных отношений. Семья, материнство, сексуальность, тело, эмоции, представления о красоте — все, что женщина считает только своей личной жизнью и персональной судьбой, должно стать предметом феминистского осмысления, идейных дискуссий, чтобы найти новые ответы на «давние женские вопросы». Ключевое понятие здесь — конечно же «патриархат», определяемый как исторически сложившаяся система господства мужчин над женщинами. Сила этой системы в том, что она держится на всеобщем согласии с предрассудком о мужском превосходстве. Поэтому социально-политические реформы, государственная политика равноправия не в состоянии освободить женщин до тех пор, пока не изменится система общественных представлений и норм поведения для женщин и муж-

чин. «Революция сознания» должна стать главной задачей радикальных женских групп, решаемой под лозунгом «Личное — это политика!».

Миллетт утверждает, что повседневная личная жизнь женщин формируется социальной системой и потому требует политического осознания. Декларации «освободительного» крыла феминизма создавали основу для коллективных стратегий и действий, отличных от либерального феминизма. Основная деятельность разворачивалась в небольших группах «роста самосознания». Обсуждение и признание персонального опыта каждой участницы группы как политической проблемы неравенства женщин неизбежно вело, по мнению организаторов, к формированию коллективной идентичности и новой социальной активности. «Личный опыт и личные переживания дают основания говорить об общей проблеме угнетения всех женщин, — говорилось в Манифесте Красных чулков, влиятельной радикальной группы из Нью-Йорка. — Мужское доминирование — это старейшая форма господства и эксплуатации женщин. Наше угнетение абсолютно, оно влияет на все стороны нашей жизни. Нас эксплуатируют как сексуальные объекты, как домашних слуг, дешевую рабочую силу. Нас считают неполноценными существами, единственной целью которых является повышение качества жизни мужчин. Конфликты между отдельными мужчиной и женщиной есть политические конфликты, которые можно решить только сообща. Рост самосознания — это не психотерапия, это развитие солидарного классового сознания женщин. Наша цель — освобождение от всех видов подавления женской личности».

В отличие от активисток либерального направления, члены «освободительных групп» не стремились к респектабельности и признанию их политической элитой. Свергнуть могущественную систему патриархата только вежливыми требованиями изменения законов не удастся, нужно изменить всю систему ценностей, разрушить вековые стереотипы. Поэтому необходимо будоражить массовое общественное сознание, воздействовать на женщин и мужчин, провоцировать дискуссии и столкновение мнений. Просветительскую деятельность, волонтерскую работу радикальные феминистки усиливали тактикой «прямых, целенаправленных действий». Они устраивали всевозможные уличные перформансы, театрализованные мероприятия, направленные на расшатывание традиционных стереотипов и ценностей. В 1968 году в городе Атлантик-

Сити во время конкурса «Мисс Америка» молодые активистки собрали толпы зрителей и репортеров. За пределами здания, где проходило популярное шоу, они короновали живую овцу, публично побросав дамские журналы и предметы женского туалета в мусорные баки. Подобные акции символического разрушения «оков естественного предназначения» вливались в мощный поток новых форм групповой активности на уровне местных сообществ.

В многочисленных группах «роста сознания» и «повышения личной самооценки» участницы по-новому осмысливали либеральную дилемму «сходство — отличие». Понятие *женское различие*, противостоящее пониманию *равенства как одинаковости*, радикалки воспринимают как положительное. Почему для получения равных возможностей в самореализации и свободе выбора женщины должны во всем следовать мужскому образцу поведения, стилю мышления и взгляду на мир? Этот вопрос радикальные феминистки задавали своим предшественницам из либерального движения. Они искали свое объяснение женской идентичности, механизмов подавления женской личности и понимание путей внутреннего освобождения. Поскольку мужское доминирование проявляется и в культуре, и в системе ценностей, то необходимо формировать свой независимый взгляд на мир. Новое женское мировосприятие должно создаваться с помощью литературы, кино, музыки, живописи, фотографии, следует «написать» другую — женскую историю. В Европе и Америке создаются новые феминистские социальные и культурные институты: издания, книжные магазины, кафе и детские сады, женские клиники и центры женского здоровья и планирования семьи, кризисные центры для женщин, подвергшихся сексуальному и домашнему насилию. По своему размаху «освободительное» женское движение к середине 1970-х годов начинает превосходить в Америке масштабы выступлений против войны во Вьетнаме.

Феминистский вызов становится ведущей темой средств массовой информации. Публика, заинтригованная или разгневанная активностью молодых феминисток, оказывается втянутой в общенациональную дискуссию на запретные до сей поры темы. Предыдущий этап движения за равные права женщин такого резонанса в стране не вызвал. Реформы, предлагаемые женскими либеральными организациями 1960-х годов, вписывались в демократические рамки США, в то время как радикализм «освободительных» групп грозил разрушением всей системе тра-

традиционных культурных ценностей, социальных институтов и политик. В 1971 году известная журналистка Глория Стайнем начинает выпускать феминистский журнал «Ms»: вместо принятых языковых норм «miss» или «mrs», указывающих на семейный статус, новая нейтральная норма «ms» была направлена на освобождение женского сознания. Огромная популярность этого издания демонстрировала значимость и успешность начавшейся «революции». Стайнем становится одним из лидеров движения. Признанная звезда журналистики, чей портрет в качестве фотомодели красовался на глянцевых обложках журналов мод 1950-х годов, смело поднимает шокирующие массовое сознание темы: женская сексуальность, контроль над собственным телом и репродуктивностью, сексуальное насилие против женщин. Солидаризируясь с популярными концепциями сексуальной революции, радикальные феминистки основным орудием подавления личности считают буржуазный брак и традиционную семью. Новый термин «сексизм» обозначает любые дискриминационные действия по признаку пола.

Концепции радикального феминизма вступали в сложные и иногда противоречивые отношения с идеологией сексуальной революции, начавшейся в рамках молодежного движения 1960-х годов. Одним из объективных факторов изменения сексуального поведения стало, как известно, появление противозачаточных таблеток, что позволило женщинам в какой-то степени *контролировать процесс репродукции*. Это приобрело решающее значение в определении путей и способов женского освобождения. Требование легализации абортов на десятилетия раскололо Америку на два враждующих лагеря. Сторонники свободы выбора смогли добиться права на аборт в 1973 году, когда Верховный суд признал его в качестве одного из базовых прав и свобод личности, соответствующих Конституции США.

Различные молодежные группы, коммуны хиппи демонстрировали разрыв с принятыми нормами сексуального поведения и приверженность формам «свободной любви». Однако преодоление морально-религиозных запретов не решило задачи эмансипации женской личности. Идеологи радикального феминизма писали, что до тех пор, пока женщины остаются даже в собственном восприятии исключительно объектом мужского сексуального желания, они не дадут себе права на подлинную свободу и собственную сексуальность.

Женское освободительное движение открывало *новые темы для дискуссии*. На смену «мистики домашнего очага» приходит идеология красоты, тиражируемая потребительским обществом. «Мистика женственности» поощряет эпидемию невроза, связанного с женским телом, невроза веса и возраста. Наоми Вулф, автор книги «Миф о красоте. Как представления о красоте используются против женщин», размышляет над новыми вопросами, которые встают перед женщинами: похожа ли их сексуальность на ту, которую изображает коммерческая реклама, должны ли они «заработать» право на сексуальное наслаждение и самоуважение с помощью «красоты». «Женщина выигрывает, когда считает, что каждая из нас может поступать со своим телом, как угодно, если это происходит добровольно, без принуждения», — эту идею делают своим кредо участницы радикальных групп, отказывающиеся от традиционного внешнего подчеркивания своей женственности.

Радикальное направление женского движения никогда не опиралось на единую теорию, в нем появлялись разные концепции, сторонники которых дискутировали и критиковали друг друга. Попытки осмыслить глубинную природу гендерных различий, коренящихся в психологии, системе ценностей и представлений о женственности и мужественности, приводят к формированию психоаналитического феминизма, открывавшего другие сюжеты «личного как политического». Американский психолог Нэнси Чодороу публикует в конце 1970-х годов книгу «Воспроизводство материнства», в которой с феминистских позиций анализирует сферу бессознательного, где зарождаются различия. Ее интересует вопрос, какое влияние на гендерные отношения оказывает тот факт, что ребенок воспитывается главным образом матерью. Что рождает всевластие матери, страх и ощущение зависимости от нее, особенно у мужчин, или подсознательную тоску и женщин, и мужчин по материнскому теплу? Реформирование институтов не в состоянии изменить нормы патриархатного сознания, формирующиеся в процессе психологического развития личности. Выход из традиционных отношений доминирования и подчинения Чодороу видела в равноправном участии обоих родителей в воспитании детей. Вопросы и открытия феминистского психоанализа становятся предметом публичных дискуссий.

В 1970-е годы группы «роста самосознания» проявляют проблему насилия за стенами «семейных крепостей». Личные траге-

дии, переживания, страхи оказались общим женским опытом и общей политической проблемой. Вступление в брак не должно освобождать человека от правовой ответственности за жестокость обращения – таким был феминистский подход к проблеме домашнего насилия. Государство обязано соблюдать права личности и наказывать за их нарушение не только в публичной, но и в частной сфере. Результатом деятельности женских организаций стало принятие в 1980-е годы в европейских странах и США специальных законов, защищающих жертв домашнего насилия. Создаются структуры исполнительной власти (полиции, социальных служб), отвечающие за соблюдение прав и безопасности граждан в семье.

* * *

В 80-е годы XX века феминизм в развитых странах Европы и Америки стал частью демократической социально-политической системы и государственной политики. В этот же период начинается подъем социальной активности женщин в других регионах. Современный феминизм представляет собой форум, где существует множество разнообразных идей, теорий, течений, в рамках которых идет бурная дискуссия по всем актуальным вопросам. Странники азиатского, африканского, латиноамериканского, исламского и многих других направлений солидарны в том, что проблемы гендерного неравенства не имеют простого объяснения и легкого решения. Этот вид неравенства тесно переплетен со многими другими факторами социального неравенства. Он также связан с индивидуальными особенностями и личными обстоятельствами женщин. В ситуации зависимости и угнетения классовые, этнические, расовые, религиозные различия могут оказаться для них более значимыми. Не существует универсальной для всех культур и разных социальных групп феминистской концепции. Но очевидно, что освобождение от всех форм дискриминации требует солидарных действий разных демократических движений.

ФЕМИНИЗМ В РОССИИ

Согласно известной шутке, феминизм – чуть ли не единственное иностранное слово, которое не прижилось и не стало популярным в России. Действительно, посмотришь вокруг – вроде бы и нет ни

движения феминистского, ни заметных организаций, гордо носящих крамольное имя, ни даже людей, открыто называющих себя феминистками. Одна Мария Арбатова на всю страну. Чуть ли не в каждом интервью любой преуспевающей женщины перечисление достижений, побед и наград предваряется словами: «Только не подумайте, что я феминистка...» Почему стыдно признать себя феминисткой? Почему слово «феминистка» считается ярлыком? Что вкладывает в него расхожее мнение? Почему для большинства женщин вопрос: «Ты феминистка, что ли?» — звучит не только подозрительно, но и обидно?

Ответы не лежат на поверхности. Можно сослаться и на наше темное крестьянское прошлое, и на демографические проблемы, и на особую нашу ментальность: мол, «да, азиаты мы...» А феминистки — они где-то там, в «америках». Страшные женщины, им даже пальто подарить опасно, а улыбнешься — вообще под суд пойдешь.

Попытаемся поискать ответы на эти вопросы в российской истории. Может быть, она подскажет нам, отчего в России феминизм не представлен не только на социально-политическом уровне в виде партий, организаций и союзов, но и на культурном — «в головах», на уровне мировоззрения и поведенческой нормы, разделяемой и признаваемой образованным большинством.

До Октябрьской революции 1917 года

Хотя сегодня в это трудно поверить, раньше в России существовало мощное общенациональное женское движение. Современные политические партии могут позавидовать его размаху. Чего стоит массовая феминистская демонстрация весной 1917 года в Петрограде, когда более 40 тысяч женщин вышли с требованием предоставления политических прав. Заметьте, тогда никто не «организовывал массовку», не подгонял автобусы и не раздавал в толпе бутерброды.

В воспоминаниях Ариадны Тырковой — известной деятельницы русского феминистского движения, члена ЦК партии кадетов, гимназической подруги Надежды Крупской, есть такой красноречивый эпизод: «После того как Временное правительство в 1917 году объявило о решении предоставить женщинам избирательные права, одна из феминисток в порыве энтузиазма подошла к толпе женщин, стоявших в очереди в булочную. «Я поздравляю вас, гражданки, — провозгласила она. —

Мы, русские женщины, собираемся воспользоваться нашими правами». Женщины, уставшие от стояния в очереди, смотрели на даму с безразличием и непониманием. Стоявший рядом солдат ухмыльнулся и спросил: «Что, я теперь и бабу свою не могу ударить?» После этого очередь оживилась. «О нет, дорогой, — закричали они. — Ничего подобного. Только попробуй. Ничего не выйдет. Позволить себя бить? Никогда в жизни. Никто теперь не имеет права». Столетие назад под «женскими правами» понималось признание за женщиной юридической дееспособности, то есть полноценной и правоспособной личности.

В советское время дореволюционная история была сильно подправлена, из нее совершенно выпало женское движение, так как оно было объявлено незначительным и буржуазным. Более того, феминистская идея вообще была объявлена реакционной, потому что отвлекала женские массы от классовой борьбы. Поэтому неудивительно, что за десятилетия замалчивания из нашей исторической памяти ушло любое воспоминание о русском феминизме.

Сегодня мы слабо представляем себе реалии жизни женщин прошлого, тем более то, ради чего они вступали в женские организации и группы. А реальность была такова, что по своему статусу и правам даже женщина из образованных слоев была приравнена «к лицам несовершеннолетним, слабоумным и состоящим под судом», а также «бродячим инородцам и иностранным подданным. Крепостное право отменили в 1861 году, а от публичных телесных наказаний (то есть порки) женщины были освобождены только в 1863 году. Согласно семейному законодательству жена была обязана «повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность как хозяйка дома». Разводы не практиковались, супруги обязаны были жить вместе при любых обстоятельствах. Жена не имела права наниматься на работу без согласия мужа. В наследственном праве преимущества имели мужчины. Однако справедливости ради отметим, что русские женщины обладали определенной экономической дееспособностью и страдали не из-за отсутствия имущественных прав, а, скорее, из-за неумения ими пользоваться, из-за своей правовой безграмотности.

Первых русских феминисток 1850–1860-х годов волновал не столько вопрос политического равноправия мужчин и женщин (до

1905 года политических прав в Российской империи не существовало в принципе), сколько доступ к образованию и профессиональной занятости. «Женские права» интерпретировались как доступ в первую очередь к образованию, к труду, равное с мужчиной наследственное право и уже позже, в начале следующего века, — как права политические. Рост городов и развитие промышленности требовали рабочих рук, в том числе и женских. Вспомним русскую литературу XIX века: традиционные сословия приходят в упадок, дворянские семьи разоряются, женщины вынуждены сами устраивать свою судьбу, зарабатывать на жизнь. Кто-то добивался экономической независимости, но были и те, для кого она была вынужденной. Наряду с тургеневскими девушками появляются энергичные Веры Павловны. Образы женщин галантного века Екатерины — хозяйка и помещица, ученая, писательница, благотворительница — сменяются новыми типажам: студентка, нигилистка, переплетчица, издательница, переводчица, хозяйка артели белолшвеек, врач, фармацевт, юрист.

Распространенное мнение, что до революции женщины не работали, занимались воспитанием детей и сидели за пяльцами — миф. К примеру, только за годы Первой мировой войны количество работающих женщин возросло на 40%, и в 1917 году они составляли почти половину всей рабочей силы! Возможность быть домохозяйкой — удел очень и очень немногих. «Жить трудовыми доходами!» — таков был девиз нескольких поколений женщин, включенных в движение трудовой помощи. Не случайно, что начало женских организаций связано с появлением первых женских производственных артелей, мастерских, школ, магазинов, дававших женщинам возможность зажить самостоятельно.

Однако не только необходимость зарабатывать на жизнь двигала первыми феминистками. Идея о долге перед народом была популярна в образованных слоях общества. Как писали тогда публицисты, высочайший идеал «современной женщины наших средних интеллигентных классов — плодотворная трудовая жизнь», упорная работа над собой в целях самоусовершенствования, ради пользы обществу. Известный революционер П. Кропоткин вспоминал: «Девушки, получив аристократическое воспитание, приезжали без копейки в Петербург, Москву и Киев, чтобы научиться делу... Они жаждали приложить с пользой приобретенные знания... сдавали экзамен на народных учительниц... и сотнями шли

в деревню, где беззаветно посвящали себя служению беднейшей части народа». Но служить обществу, найти свое профессиональное призвание было почти невозможно! Набор разрешенных профессий крайне узок — акушерки, аптекарши, телеграфистки, «по счетной и письменной части». Приходилось бороться за возможность заниматься каждым видом профессиональной деятельности. Например, женщинам разрешили работать почтальонами только после настойчивого ходатайства Лиги равноправия женщин перед директором почт и телеграфа Петербурга.

В стране не было системы женского образования — ни высшего, ни профессионального. Университетский устав запрещал обучение женщин в университетах вплоть до начала XX века, когда было разрешено зачисление в качестве вольнослушательниц. Дебаты о способности женщины заниматься наукой открыл в русской прессе выдающийся физиолог И.М.Сеченов — один из основателей Высших женских курсов. Несмотря на все призывы и дискуссии с привлечением авторитетов — Менделеева, Ковалевской, Пирогова, Грановского — правительство противодействовало реформированию женского образования и сферы профессионального труда. (В конце XIX столетия из всего мужского населения в школе учились 4,8%, из женского — в три раза меньше — 1,6%. Образование выше начального имели меньше 1% женщин, но и этому несчастному проценту было строжайше запрещено получать специальность.) В итоге — толпы русских студенток в демократичных университетах Берна, Лозанны, Женевы. Известно, что три четверти всех женщин, обучавшихся в Цюрихском университете в 1860-е годы, составляли русские студентки. Самая популярная дисциплина — медицина, что неудивительно, если принять во внимание высокий уровень материнской и младенческой смертности при невероятной по нынешним временам рождаемости (в среднем по 7 родов на женщину). Медицинская помощь женщине при родах почти отсутствовала. Когда правительство в 1881 году в очередной раз запретило деятельность женских врачебно-акушерских курсов, на возобновление их работы женские организации собрали 700 тысяч рублей. Цифра невиданная! Более того, Бестужевские Высшие женские курсы двенадцать лет содержались женскими организациями. К 1910 году Высшие женские курсы на собственные средства работали уже во всех университетских городах. Заслуги Русского женского взаимно-благотворительного обще-

ства в развитии высшего женского образования были отмечены золотой медалью на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Появление высшего женского образования в России — исключительная заслуга русских феминисток.

В то же время получение образования, защита докторской диссертации за рубежом совершенно не гарантировали удовлетворения даже скромных карьерных притязаний, хоть какого-то приложения своих сил на родине. Женщин не допускали к преподаванию даже в старших классах гимназий. Судебная и адвокатская деятельность для них была закрыта, наряду с государственной службой, получением чинов, а следовательно, и университетской карьерой. Когда первая женщина-врач Надежда Сулова блестяще защитила в Швейцарии диссертацию по медицине, хирургии и родовспоможению, ей было отказано в паспорте для возвращения в страну! Получение ученой степени обернулось отъездом в окраинный Крым, под Алушту, где она в своем доме оказывала медицинскую помощь окрестному сельскому населению*.

Сама патриархальная гендерная система подталкивала женщин к поиску мер противодействия, сопротивлению. Как пишет историк женского движения в России Ирина Юкина, «политика запретов, проводимая российским правительством, отказ в решении назревших социальных проблем, затрагивающих положение женщин, делали женское движение радикальным, способствовали развитию и формированию солидарности его участниц».

Русские писатели и журналисты активно подхватили дискуссию об эмансипации, то есть освобождении от зависимости и угнетения. В это идейное пространство, а эмансипация понималась тогда широко — и освобождение крестьян, и рабов в Америке, и «белых рабынь» (так называли проституток), логично вписалась и женская эмансипация, преподносимая не как частное дело женщин, а как важный фактор и показатель модернизации всего общества. Критика положения женщин раздавалась со всех сторон, отмечалось «вековое рабство женщины», ее подчиненное положение в семье и обществе, ее право на свободу чувств, на личную свободу.

* Об этой удивительной женщине можно узнать из книги немецкого историка Б.Пиетров-Эннкер. Ни в трудах по отечественной истории, ни в музее города Алушты мы не нашли ее замечательной биографии.

События 1905 года, русско-японская война ознаменовали начало новой эпохи гражданской активности, в том числе и политической активности женщин. На повестку дня женских организаций ставится вопрос получения равных с мужчинами избирательных прав. Феминистки подают прошения и петиции в Думу, земские управы, государственные и общественные учреждения, организуют сборы подписей под воззваниями, выносят вопрос о женском политическом равноправии на различные митинги, съезды и собрания. Кроме того, женские организации обращались за поддержкой в парламенты и партии других стран, вступали в международные организации – Международный женский суфражистский альянс, Международный женский социалистический секретариат и др. Самая массовая феминистская организация того времени, созвавшая в 1908 году Первый Всероссийский съезд женщин, насчитывала до 10 тысяч участниц. Главная резолюция этой организации призывала к достижению всеобщего избирательного права «без различия пола, вероисповедания и национальности».

Война и революции обострили многие социальные проблемы, в том числе и гендерные. В условиях военного времени правительство было вынуждено решать пресловутый «женский вопрос». Женщины вставали к станкам, шли в медсестры, заменяли мужчин во многих профессиях. Русские феминистки добились введения избирательного права для женщин в 1917 году, раньше, чем это произошло во Франции, Германии, Великобритании и США. Однако последовавшая Октябрьская социалистическая революция изменила политическую атмосферу. Уже через год в России не осталось ни одного феминистского журнала, ни одной феминистской организации. Как и другие общественные и политические объединения, они были объявлены вне закона и закрыты.

При Советах

По признанию историков, в 1917 году большевикам не было равных в организационной и пропагандистской работе среди городских женщин низших слоев. Агитаторы сосредоточились на работницах и солдатках – тех категориях женщин, которые не были охвачены феминистскими организациями. Идеологи решения женского вопроса – Александра Коллонтай, Инесса Арманд, Надежда Крупская – по-боль-

шевистски называли феминисток «буржуазками», решительно критиковали за непонимание классовых интересов рабочего класса и призывали женщин-пролетарок к солидарности в первую очередь с мужчинами своего класса. Возобновленный после закрытия в 1914 году журнал «Работница» выходил несколько раз в месяц общим тиражом 40–50 тыс. экземпляров. Языком, доступным простым труженицам, излагалась программа большевиков с акцентом на войну, дороговизну, условия труда. Отдельной строкой стояла политика молодого советского государства по отношению к женщине — матери, «носителнице будущего». Декларировался целый ряд специфических мероприятий: охрана и нормирование женского труда, улучшение условий труда, обеспечение материнства и раннего детства, страхование рожениц, борьба с детской смертностью, дошкольное воспитание детей, реформа школы, реформа домоводства, искоренение проституции.

Необходимо отметить, что в «женском вопросе» российская социал-демократия умело переняла программу немецких социал-демократов Каутского, Бебеля и Клары Цеткин. Успехи немецких социалистов в рекрутировании женщин (за 6 лет число женщин в их партии возросло в 16 раз!) привлекли внимание Александры Коллонтай — автора многочисленных работ о задачах женского пролетарского движения, новой семье и организации быта граждан на коммунистических началах. Ее литературные труды лучше знают за рубежом, где они неоднократно переиздавались, а о творчестве и личности Александры Михайловны — выдающемся деятеле международного женского социалистического движения — там написано множество книг. Однако сама Коллонтай феминисткой себя не называла, она известна своими нападками на «буржуазный феминизм». Но сегодня ее имя входит в любую хрестоматию или сборник текстов под рубрикой социалистический или марксистский феминизм.

Поскольку биография Коллонтай — «сексуально эмансипированной коммунистки», как она писала о себе, — известна плохо, о ней существует много домыслов и легенд. Распространено мнение, что Коллонтай призывала к свободной любви, общности жен, отмене брака и семьи. Названия ее работ действительно выглядят интригующе: «Крест материнства», «Любовь и новая мораль», «Отношения между полами и классовая борьба», «Любовь трудовых пчел». Она писала о том, что во-

прос уравнивания женщины в правах, провозглашенный советской властью, не решается автоматически: «По закону женщины получили все права, но на практике они все еще жили под старым игом». Это иго — неравноправие в семейной жизни. Только коренная ломка патриархального быта способна помочь женщине стать свободной. Как это осуществить на практике? Разгрузить женщин в домашнем хозяйстве, сберечь ее силы при помощи профессиональной уборщицы, центральной прачечной, общественной столовой, путем организации домов-коммун. Забота о детях — задача не частная, а общественная, обязанность воспитания детей принимает на себя трудовая республика. «Раскрепощение женщины совершается лишь с коренным преобразованием быта», — провозглашает Коллонтай. Она верила, что брак с его родовым авторитарным началом, поглощающим индивидуальную волю, в будущем отомрет сам собой, верила в новые отношения между полами, основанные на полной свободе, равенстве и товарищеской солидарности. Главное — организация потребления, проведение великой реформы по отделению кухни от брака. Извечная тема — «быт убивает любовь!» «Пусть мужчина научится любить женщину не за то, что она хорошо месит тесто, а за то, что в ней есть привлекательного, за ее личные свойства, за ее человеческое “я”», — призывала Александра Михайловна.

С ней солидарен поэт Николай Асеев (1925 год):

*Быт — Кащей,
С ним на борьбу
От пеленок и щей.
Работница мира, сорви чадру,
Сама управляй судьбой!
Лишь тот тебе муж, и друг, и брат,
Кто трудится рядом с тобой.*

А как же политическая активность женщин? Что стало с ней в новой России? Женщина-работница считалась отсталым «кадром» рабочего класса, с целью партийной мобилизации создавались отделы по работе среди женщин. Эти органы РКП(б) действовали, что называлось, на местах в течение всех 20-х годов, вовлекали в свою работу женщин-активисток, вели политическое просвещение. Цель бы-

ла не только расположить работницу к советской власти, но и выполнить вполне утилитарные задачи, а именно: «поставить женщину в такие условия, при которых она могла проявить максимум своей трудовой энергии», «планомерно вовлекать женщин в партийную жизнь и строительство республики». Выдвинутая Коллонтай при поддержке советского правительства «женская программа» во многом была утопичной, далеко не все из задуманного удалось выполнить. Изменился курс партии — изменилась и политика в отношении женщин. В 1929 году были ликвидированы женотделы. Сворачивалась работа «красных юрт», красных женщин-агитаторов, движение делегатов, жен директоров и инженеров. Общественная инициатива женщин была поставлена под контроль и могла реализоваться только в рамках партийной коммунистической работы. Так было почти до конца советского периода нашей истории.

Женские организации советского времени — женсоветы, Комитет советских женщин — не играли самостоятельной политической роли, были лишены политической инициативы и решали насущные повседневные проблемы. Благодаря им сформировался тип женщины-общественницы. Таким образом, у советской женщины не было возможностей политического волеизъявления в рамках каких-либо других структур, кроме КПСС. Диссидентское движение никогда не озвучивало феминистских ценностей. Единственный пример независимой женской инициативы — это группа «Мария» в Ленинграде, близкая по духу православной культуре.

В годы перестройки политическая жизнь страны резко изменилась, на смену монополии одной партии пришло многообразие партийных форм и объединений. Появились многочисленные женские организации, но политически ориентированных, тем более феминистских среди них было немного. В 1991–1992 годах в подмосковной Дубне прошли независимые женские форумы, собравшие активистов женских общественных организаций. Однако политический успех их был кратковременен. В начале 1990-х на волне демократического подъема движение «Женщины России» вошло в российскую Государственную думу. Но в последующих составах Думы оно закрепиться не сумело, не преодолев 5-процентного электорального порога.

Современность

Сегодня незначительное участие российских женщин в общественных и политических организациях отражает ситуацию низкой гражданской активности в целом. Согласно социологическим данным, только 1,2% опрошенных женщин лично участвуют в деятельности той или иной женской общественной организации. На вопрос о том, чем должны заниматься женские общественные организации, только 8% назвали «политическую борьбу за права женщин».

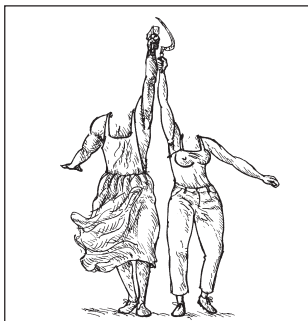
Политическая активность женщин в настоящее время может быть проиллюстрирована деятельностью женских неправительственных организаций (НПО) и отдельными женщинами-политиками. Женских неправительственных организаций немного, их роль в политической жизни страны скромна. Наиболее заметные организации основаны на мобилизации традиционной женской роли – материнства. Таковы, например, Комитеты солдатских матерей. Женские объединения разделяют судьбу всего гражданского общества и находятся в таком же положении, как и другие НПО. Отдельным организациям удастся добиться стабильной деятельности. Так, серьезно заявляют о себе кризисные центры. Однако прямой связи между полом политика и его гендерно ориентированной программой или платформой не существует. Иными словами, совсем необязательно, что, войдя в политику, женщина начнет представлять и защищать интересы женщин как группы населения. Примеры современных женщин-политиков свидетельствуют, скорее, об обратном. Вступив в жесткий политический мир, они принимают правила игры этого мужского клуба и действуют соответственно. Вместе с тем в странах, например Скандинавских, где число женщин в парламентах приближается к 40%, социальная политика государства стала не только «гендерно чувствительной», но и дружественной женщинам. Возможно, роль отправной точки, способной задавать тон в политических процессах, играет некая «критическая масса» численности женщин во власти.

Число (процент) женщин, входящих в политическую элиту, политические партии, выборные представительные органы России, демонстрирует колоссальный разрыв между представленностью гендерных групп во власти и в общественной жизни страны. А ведь участие женщин в политической жизни, в выборных органах – это вопрос престижа страны, показатель степени ее демократизации. По данным 2001 года, по

уровню представленности женщин в Думе (7,6%) мы разделили с Ираком далеко не почетное 84-е место. В странах Северной Европы этот показатель превышает 38%. Сейчас у нас в нижнюю палату Госдумы четвертого созыва (2004—2007) избрано 45 женщин, что на десять больше, чем в предыдущую. Председатель Центральной избирательной комиссии А.Вешняков в начале 2006 года предложил ввести норму, согласно которой в списке партии, которая идет на выборы, обязательно должны быть женщины, причем не менее одной трети от списка. Очевидно, чиновник подразумевал квоты на представительство женщин, которые существуют во многих странах, от Узбекистана до ЮАР.

* * *

При низкой политической активности современных россиянок и отсутствии феминизма как политической силы, гендерные темы в политике остаются. Поднятый вопрос о квотах, обеспокоенность партий привлечением электората, в том числе женского, периодически возобновляющиеся дискуссии о переходе к контрактной армии или разрешении многоженства — все это не позволяет сбросить со счетов исторический опыт российского феминизма. Прежде в нашей стране феминизм был прогрессивным социальным движением, надо полагать, что он необходим и на современной политической карте страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какими мы хотим видеть гендерные отношения в нашем обществе

Проблемы, поднятые в этой книге, так или иначе касаются всех людей, потому что с каким бы биологическим полом мы ни родились, мы принадлежим к определенной культуре, а значит, имеем свой гендер.

Можно быть равнодушным к политике, можно не исповедовать ни одну из религий, затрудняться с определением своей национальной принадлежности (если в жилах течет кровь разных этносов), можно даже не иметь гражданства — но вот не иметь гендерной идентичности нельзя, не получится. Можно бросить вызов своей культуре, даже изобрести собственный гендер, как делают, например, трансвеститы, — и все равно остаться субъектом гендерных отношений, потому что окружающие будут определять нас и взаимодействовать с нами в соответствии со своими представлениями о том, что допустимо и приемлемо для мужчины или женщины.

Не сомневаемся, что найдется немало защитников «естественного порядка», как мужчин, так и женщин, которые обвинят авторов этой книги в расшатывании устоев, в разрушении основ общества. Но ведь общество, его «устои и основы» неоднократно менялись, в том числе и в нашей стране. Быть мужчиной и женщиной, скажем, в середине XIX века, значило совсем не то, что сейчас, в начале XXI.

Всего столетие назад казалось диким и недопустимым предоставить женщинам избирательные права, возможность участия в политике, считалось, что они не в состоянии заниматься квалифицированной профессиональной деятельностью. Один из палачей Парижской коммуны, капитан Жюйенн, с негодованием писал про «соблазвивших» коммунаров революционных интеллектуалов: «Разве они не рисовали перед всеми этими жалкими созданиями сияющих перспектив, невообразимых химер: женщины-судьи, женщины-адвокаты! Да-да, женщины-юристы; члены парламента, может быть, даже и военачальники, чем черт не шутит? Генералы армии? Столкнувшись с таким помрачением рассудка, нам уж, конечно, покажется, что это просто кошмарный сон!» Общество уже давно привыкло жить внутри этого «кошмарного сна». Разве что женщин-генералов еще маловато (в нашей стране их, правда, нет, а вот в армии США более 50 женщин носят генеральские или адмиральские погоны). Даже отъявленные консерваторы открыто не призывают снова лишить женщин избирательных прав и возможностей получать высшее образование. И общество тем не менее устояло...

Однако обретение равенства на правовом, законодательном уровне далеко не решило проблем женщин. В России, где были осуществлены определенные политические меры с тем, чтобы сделать женщин независимыми от их мужей и отцов (но не от государства, которое контролировало всех граждан), реального равноправия достичь так и не удалось.

Нам скажут, а нужно ли оно, это равноправие? Не мешает ли оно женщинам быть женственными и привлекательными? Не феминизируются ли от этого мужчины, становясь вялыми и безответственными? Эти сомнения традиционны. Люди чаще всего опасаются менять сложившийся порядок вещей. Убежденность в его «естественности» (а эту убежденность всегда поддерживают те, кто в таком порядке заинтересован) мешает людям видеть реальные проблемы и противоречия, осознать ту цену, которую и женщинам, и мужчинам приходится платить за его поддержание. Для конкретного человека «порядок» может обернуться кошмаром, а отжившие свой век стереотипы сделать его несчастным.

Поэтому авторы книги и предлагают подвергнуть современные формы гендерных отношений критическому осмыслению. Что-

бы каждый человек, мужчина или женщина, решил, готов ли он слепо и покорно выполнять существующие гендерные роли и тратить на это свою — единственную и уникальную — жизнь. Можно, конечно, стремиться к тому, чтобы стать «настоящим мужиком», «отцом-кормильцем» или даже «мачо», который, если нужно, сумеет дать в зубы и не снисходит до сантиментов. Можно видеть себя образцовой женой и матерью, читать только гламурные журналы и твердо верить, что нет ничего ужаснее «морщины на чулке». Но пожалуйста! Давайте помнить, что это — *выбор тех людей, которым это действительно нужно.*

В нынешней России становится все больше образованных современных людей обоего пола, которые хотят нести сознательную ответственность за свою собственную жизнь, постоянно осуществлять информированный выбор, понимать свой диапазон возможностей, а также осмыслять справедливость (или несправедливость) гендерного порядка и различных социальных ситуаций. Так пусть они знают, что нет никакого «природного предназначения» женщин, нет никакого «природного предназначения» мужчин! Несправедливо считать уделом женщин бесплатную домашнюю работу на том мифическом основании, что им из-за их биологического устройства просто неинтересно быть членами правительства, топ-менеджерами, политическими лидерами, так же как несправедливо считать мужчину, который захочет заниматься своим домом и вести домашнее хозяйство, бездельником и неудачником. И женщинам не меньше, чем мужчинам, нужны деньги, и они вполне способны их заработать, если не чинить им препятствий. В рождении и воспитании детей заинтересовано все общество, а не только матери. Пресловутая «уникальная биологическая связь» между матерью и ребенком существует только в период кормления грудью, то есть примерно год, редко дольше, а чаще гораздо меньше (впрочем, существует и искусственное вскармливание). Во всех остальных ситуациях заниматься детьми может как мать, так и отец...

Возможно, многие читатели определяют предложенную их вниманию книгу как феминистскую (какие бы чувства и смысл они ни вкладывали в это слово). Авторы и не скрывают своих симпатий к феминизму: многие проблемы, которым посвящена эта книга, были поставлены именно феминистками. Но хотелось бы избежать идеологических ярлыков (увы, в нашей стране слово «феминизм» стало таковым).

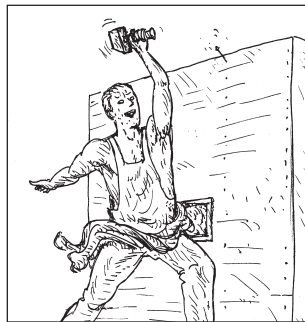
Феминизм как интеллектуальное и политическое течение — многолик, разнообразен и погружен во внутренние дискуссии. Данная книга — отнюдь не пропаганда феминистских взглядов, а предложение критического прочтения современной гендерной ситуации в России. Развитие же критического мышления ценно само по себе, потому что дает возможность внутренней свободы, личного выбора той идеологии, которая представляется человеку адекватной его видению мира и справедливой.

Но одной внутренней свободы, конечно, недостаточно. Она, говорят, возможна даже в тюрьме, если ты способен абстрагироваться от внешних условий. Большинство людей не способно... И поэтому нужно всем обществом создать такие условия жизни, чтобы эта свобода выбора могла осуществляться реально — на правовом, экономическом, политическом и культурном (символическом) уровне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение:	Кому адресована эта книга	7
	Биологические факты и политические интерпретации: «Разделились беспощадно мы на женщин и мужчин...»	11
	Как навязываются стереотипы: «Кушать подано, только отделите зерна от плевел»	27
	История и современность: Гендерный порядок в России	55
	Становление гендера: Кто и что помогает нам стать собой, а также женщинами и мужчинами	85
	Маскулинность: Все мужики – сволочи?	107
	Работа: А счастье – в труде?	127
	Семья: Из прошлого в будущее	141
	Половой вопрос: Социальное производство сексуальности	161
	Человек верующий: Гендерная наука и религия	179
	Репрезентации: Образы мужчин и женщин в культуре	199
	Феминизм, или История борьбы женщин за права человека: «Курица – не птица...»	227
Заключение:	Какими мы хотим видеть гендерные отношения в нашем обществе	257

Гендер для «чайников»

Редактор Н.И.Алексеева
Оформление А.А.Кулаков
Корректор Л.В.Петрова

Подписано в печать 10.07.2006. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л.16,5
Тираж
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов ООО «Информполиграф»

Просветительско-издательский центр «Звенья»
103051, Москва, Малый Каретный пер., 12